2. 2. 90

Церковный Вѣстникъ

и

Государственный разумъ.

Опытъ церковно-политической хрестоматіи.

Выпускъ I.

Дублет
Гос. Публ. Б-ка
Обмен

Составилъ В. М. Скворцовъ.

С.-Петербургъ.
Типографія «Колоколъ», Невскій, 127.
1912.

22561.
1913.

227
30

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Новыя задачи и запросы въ гражданской народно-пастырской миссіи православнаго духовенства.

Благою и мудрою волею царствующаго нынѣ Россійскаго Самодержца, всѣ вѣрноподданные Его Величества и граждане великой Россійской Державы всемилостивѣйше призваны къ законоустроительной и хозяйственно-контрольной государственной дѣятельности,—одни въ роли избирателей, другіе въ качествѣ избранныхъ «лучшихъ людей», для участія въ новыхъ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ—въ Г.г. Думѣ и Совѣтѣ.

Въ этомъ своемъ всемилостивѣйшемъ волеизъявленіи, Его Величеству, Государю Императору угодно было пріобщить къ общегосударственной заботѣ и работѣ, на благо дорогой Отчизны, и православное духовенство, избираемое народомъ наравнѣ со всѣми въ члены Г. Думы и назначаемое въ Г. Совѣтъ, въ качествѣ представителей отъ бѣлаго и чернаго духовенства.

Въ послѣдніе два вѣка вопросы внутренней политической жизни страны и государственнаго устроительства можно сказать составляли область профессіональнаго вѣдѣнія по преимуществу служилаго класса (бюрократіи), а затѣмъ развѣ только спеціалистовъ, государствовѣдовъ,—ученыхъ и любителей.

Но за эти послѣдніе годы обновленнаго государственнаго строя жизни Россіи—вопросы внутренней политики и государственной жизни Отечества, какъ *встарь*, начали глубоко захватывать широкіе слои не только русскаго образованнаго общества, но и народной земщины и сельско-приходскую среду. Этому, между прочимъ содѣйствуютъ не только открытая предъ всѣми гласная дѣятельность Г.г. Думы и Совѣта, но и Высочайше дарованная свобода и развитіе устнаго и печатнаго слова, паро-

жденіе союзовъ и общественныхъ собраній, образованіе политическихъ партій, гдѣ разносторонне обсуждаются и подъ разнымъ угломъ зрѣнія освѣщаются текущіе политическіе вопросы и назрѣвающіе государственные запросы и нужды жизни страны.

Въ частности, новыя условія государственной политической жизни Россіи создали новыя задачи и запросы и въ народно-пастырской миссіи русскаго приходскаго духовенства.

Православное наше духовенство и доселѣ остается, если не единственной, то во всякомъ случаѣ *главной*, идейно-руководящей просвѣщенной культурной силой въ деревенской глуши, среди темнаго народа Послѣдній въ своемъ подавляющемъ большинствѣ охраняетъ безусловное довѣріе къ слову и совѣту облагодатствованнаго служителя алтаря, какъ своего духовнаго отца и пастыря, все-равно, будетъ-ли пастырское слово касаться области церковной, или сферы государственной.

Наше православное духовенство глубоко національно, патріотично и народно, въ этомъ его могучая сила въ народѣ, его преимущество предъ безпочвенной, космополитичной интеллигенціей: пастыри живутъ въ однихъ и тѣхъ-же условіяхъ быта и гражданскаго правопорядка съ своею народною паствою, одинаково мыслятъ и вѣруютъ, вмѣстѣ дѣлятъ и горе и радость своей родной земли, вмѣстѣ несутъ и избываютъ тяжелую ношу жизни, съ ея гражданскою правдою и неправдою

Служитель алтаря не только молится о Самодержавномъ Государѣ, о счастіи и благоденствіи Отечества, но, облаченный въ златотканную церковную одежду, онъ съ высоты амвона возвѣщаетъ народу и царскіе манифесты, объявляетъ исторической важности государственные акты. Возвѣщая законы жизни, всякій добрый пастырь по долгу службы и по повелѣніямъ совѣсти своей, поучая народъ, не можетъ обойти въ своей проповѣди спокойнымъ молчаніемъ и холоднымъ равнодушіемъ государственныя новости и злобы дня, не освѣтивъ ихъ, не авторизовавъ въ сознаніи народа церковнымъ свѣтомъ и разумомъ.

Нашъ народъ, благодареніе Богу, свято доселѣ хранитъ въ глубинѣ своей души исконные церковно-религіозные идеалы и устои и подъ угломъ своего религіознаго міровоззрѣнія оцѣниваетъ всѣ захватывающіе его акты государственной жизни Отечества.

Не надо забывать, что вся наша русская государственность, въ свой свыше тысяче-лѣтній періодъ устроительства, покоилась и продолжаетъ покоиться на *неразрывномъ единеніи*, на *много-*

вѣковомъ союзѣ православной Церкви и государства россійскаго, что православіе всегда было на Руси и несмѣняемо остается не только единою спасающею истиной, но и главною культурной, просвѣтительной, и созидающей силой въ самомъ государствѣ, что православіе—первооснова, изъ которой выросъ краеугольный камень, на которомъ непоколебимо покоится великая Святая Русь.

Вмѣстѣ съ тѣмъ—православіе есть сила, духовно-связующая союзомъ Христовой вѣры въ едину духовно-родственную семью ранѣе разрозненные, другъ другу чуждые, національно-инородческіе элементы. Съ этой стороны православіе является ничѣмъ незамѣнимымъ въ государствѣ, такъ сказать, духовнымъ цементомъ, ибо чрезъ православіе спаяна пестрая мозаика инородческихъ племенъ, вошедшихъ въ теченіе вѣковъ въ государственный организмъ великой Россіи, православіе, главнымъ образомъ чрезъ Церковь и школу, переварило, ассимилировало эти великія и малыя инородческія племена въ русскомъ морѣ жизни, сдѣлавъ изъ нихъ русскихъ какъ по духу, сердцу и міровоззрѣніямъ, такъ и по быту и культурѣ.

Древняя и новая исторія государства россійскаго свидѣтельствуетъ, что, послѣ верховныхъ Вождей земли русской, святители русской церкви, архипастыри, а также и пастыри, и на своихъ церковныхъ и на земскихъ соборахъ, и во всемъ своемъ доблестномъ служеніи Церкви и Родинѣ высоко держали знамя государственности, и въ годы славы, и въ годины лихолѣтій, всегда являясь въ передовыхъ рядахъ историческихъ государственныхъ дѣятелей, не только какъ доблестные служители алтаря, но и какъ самоотверженные слуги Престола и Отечества, какъ искусные зодчіе строители святилища русской государственности.

Отъ той же неложной свидѣтельницы—изъ исторіи Россіи узнаемъ, что въ послѣ-петровскій періодъ жизни отечества духовенство, вмѣстѣ съ народомъ, постепенно оттѣсняется отъ трона, отъ единенія съ своими Вѣнценосцами въ государственномъ земско-соборномъ совѣтѣ и устроительствѣ Сфера земско-гражданской дѣятельности и вліянія духовенства на дѣла государственныя, на гражданскую, народную и общественную жизнь страны, постепенно, особенно съ упраздненіемъ патріаршества, съуживается, тускнѣетъ и къ концу XIX вѣка замыкается только алтаремъ и амвономъ. Духовно-народный земскій голосъ духовенства постепенно стихаетъ и заглушается шумной интеллигенціей, такъ что горько сознаться, но и нельзя

утаить, въ послѣдніе пережитые Русью кровавые годы лихолѣтья языкъ представителей церкви оказался «изнемогшимъ»,—Русь ждала, но не услыхала во благовременіи властнаго отрезвляющаго и руководящаго голоса церкви, свѣтильникъ церковный не разогналъ налегшую на Русь непросвѣтную тьму смуты, ибо онъ слабо мерцалъ, хотя и былъ полонъ елея, благодатныхъ даровъ и силы къ яркому пламенѣнью И никогда такъ жгуче не почувствовалось отсутствіе въ оградѣ церкви мужественнаго хозяина-распорядителя — отца и попечителя, которымъ можетъ быть только облеченный соборною полнотою церковной власти первоіерархъ, именуйся онъ архіепископомъ всея Россіи, или митрополитомъ, или патріархомъ, это для существа дѣла безразлично, хотя, несомнѣнно, для вящшей славы великой Русской церкви титулъ «патріархъ всея Россіи»—болѣе другихъ историческихъ титуловъ первоіерархическихъ любезенъ и пріемлемъ для православнаго ума и сердца.

Но вотъ раздался съ высоты трона Самодержца по широкому лицу земли свято-Русской благовѣстъ царскаго призыва всѣхъ сословій и въ томъ числѣ и духовенства къ участію въ государственной законо-составительной и контрольно-творственной работѣ на благо Родины въ Г.г. Думѣ и Совѣтѣ.

Православное духовенство не преминуло чутко откликнуться на это царское довѣріе: не смотря на политическую неподготовленность въ дѣлахъ государственныхъ, на борьбу оппозиционныхъ къ церкви и духовенству теченій, православное духовенство во всѣ три бывшія Думы старалось приложить свое усердіе къ выборамъ, по слову обожаемаго Монарха, лучшихъ людей, но не имѣло должнаго опыта въ новыхъ для него политическихъ дѣлахъ, ни директивъ и менѣе всего на совѣсти и отвѣтственности его лежатъ неудачи выборовъ въ первыя двѣ Г. Думы. Въ третью-же Г. Думу, куда духовенство и само прошло въ почтенномъ числѣ, въ общемъ представители церкви съ честью и достоинствомъ провели свою чреду служенія Царю и Родинѣ.

Въ данный моментъ духовенство, какъ и всѣ полноправные граждане Россійской державы, стоитъ предъ таинственной завѣсой новыхъ выборовъ въ 4-ю Г. Думу.

Какъ слышно, православное духовенство всюду относится къ этому отвѣтственному предъ исторіей моменту государственной жизни съ приподнятою энергіей, съ большимъ опытомъ, а главное съ лучшимъ *опознаніемъ своей силы* въ гражданско-государственной жизни страны и съ проясненнымъ разумѣніемъ

того *обоюдо-острaго* значенія новыхъ народно-представительныхъ учрежденій и въ частности Г. Думы для православной Церкви и самого духовенства.

По поводу Г Думы остается еще мѣсто для спора только по вопросу объ измѣненіи правилъ о выборахъ и о характерѣ учрежденія (законосовѣщательное или законодательное оно учрежденіе), но противъ самого бытія Г. Думы, ея великой важности и безусловной необходимости для блага отечества—могутъ спорить лишь близорукіе, не разумѣющіе знаменій ни нашего времени, ни грядущихъ судебъ Россіи.

Царскій призывъ русскаго народа къ государственному устроительству, чрезъ учрежденіе Гос. Думы—великое дѣло благополучно царствующаго Самодержца, обезсмертившее въ исторіи дорогое всякому вѣрному сыну Царя и Родины имя возлюбленнаго нашего Императора Николая II.

Созданіемъ народнаго представительства при условіи сохраненія Царскаго Самодержавія положено начало *самобытнаго русскаго* строя, который долженъ покоиться на незыблемыхъ историческихъ основахъ русской государственности—православіи, царскомъ Самодержавіи и господствѣ русскаго народа-хозяина

Усовершенствованіе, культивированіе исконно-русскихъ началъ заботою народосовѣтства въ примѣненіи къ новымъ государственнымъ учрежденіямъ—дѣло и долгъ дальнѣйшаго политическаго творчества русскаго генія.

Гос. Дума—безспорно великое и благодѣтельное государственное учрежденіе, какъ по лежащему въ основѣ его бытія всемилостивѣйшему волеизъявленію Самодержца, такъ и по своимъ огромнымъ правамъ и задачамъ. Но въ то же время Г. Дума въ нынѣшнемъ ея положеніи является, повторяемъ, и *обоюдоострымъ* орудіемъ, могущимъ служить какъ на возстаніе, такъ и на окончательное паденіе государственности и самой Россіи. Она,—какъ райское древо познанія добра и зла,—и можетъ быть источникомъ благъ прогресса и преуспѣянія Отечества на лучшее. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Г. Дума способна нанести Отечеству и непоправимый вредъ, вызвавъ новыя бѣдствія смуты умовъ и политическаго хаоса.

Такой двойственный характеръ высокаго государственнаго учрежденія зависитъ отъ несовершенства избирательнаго закона, пропускающаго въ Г. Думу противогосударственные революціонные элементы, отъ неясности и эластичности редакціи основныхъ законовъ въ статьяхъ, касающихся верховнаго управленія страною. Но прежде всего на составѣ и дѣятельности Г. Д.

отражается политическая неподготовленность и дряблость русскаго общества и народа, давно потерявшихъ истинно-государственный разумъ и національное самосознаніе: въ своихъ интеллигентныхъ верхахъ, составляющихъ мозгъ и нервы государства, русское общество давно находится въ плѣненіи духовномъ у космополитическихъ инородческихъ теченій. Создавшееся партійное политиканство, съ одной стороны, раздробило активныя и дѣятельныя силы Россіи на борющіеся между собою во вредъ Россіи круги (партіи, фракціи), съ другой, породило зловѣщій политическій абсентеизмъ и разочарованіе среди спокойнаго, неподвижнаго большинства дѣловой Россіи.

При такомъ положеніи дѣлъ, вся надежда лучшаго будущаго политическаго Россіи должна покоиться на результатахъ предстоящихъ будущихъ выборовъ въ 4 Г. Думу, которая обязана восполнить недостающее, исправить несовершенное въ дѣйствующихъ законахъ и порядкахъ жизни нашего Отечества и исправить несовершенное.

Вотъ почему и православное духовенство, всегда чуткое и отзывчивое, всегда глубокопатріотическое и законопослушное, одушевлено горячимъ стремленіемъ помочь странѣ по мѣрѣ своихъ силъ, и правъ, и вліянія на народъ избрать въ 4 Г. Думу «лучшихъ людей», которые бы честно, сознательно и мужественно постояли за единую недѣлимую Русь и за цѣлость ея вѣкового достоянія—за св. православіе, за Царское Самодержавіе и за господственное первенство всегда и вездѣ народа-хозяина земли русской.

Православное духовенство въ нынѣшніе выборы дѣйствуетъ не только съ энергіей, обязательной для всѣхъ призванныхъ Царемъ и закономъ къ исполненію своего гражданскаго долга, но и съ болѣе яснымъ, чѣмъ прежде *опознаніемъ*, какъ своей собственной силы въ дѣлахъ государственнаго устроительства и въ руководящемъ вліяніи на народныя массы, но и съ опознаніемъ и *значенія* самой силы для интересовъ Церкви духовенства.

Пятилѣтній опытъ истекшей дѣятельности 3 Г. Думы въ области вѣроисповѣднаго и церковнаго законодательствованія, а наипаче же въ бюджетной сферѣ ассигнованія казенныхъ средствъ государства на нужды Церкви, на духовное и церковно-школьное просвѣщеніе—слишкомъ ясно и убѣдительно показалъ всѣ положительныя и отрицательныя стороны вліянія Г. Думы на жизнь православной, господствующей Церкви. На основаніи опыта дѣятельности истекшей 3 Г. Думы, можно

смѣло сказать, что ни въ чемъ другомъ такъ не проявлялась *обоюдо-острость* Г. Думы, какъ въ области церковной, причемъ думскій уклонъ къ опасностямъ для церкви такъ грозенъ, что не только служители алтаря, но и всѣ вѣрные сыны родной матери-церкви повелительно призываются къ вящшей заботѣ о томъ, чтобы въ предстоящихъ выборахъ обезопасить православную Церковь, обезпечить насущные ея интересы и законныя требованія и нужды православнаго духовенства въ новой Г. Думѣ, и тѣмъ охранить отъ разрыва союзъ вѣковой, благодѣтельный для церкви и государства, которому грозитъ серьезная опасность отъ оппозиціоннаго вѣроломства враждебныхъ церкви лѣвыхъ политическихъ теченій въ Г. Думѣ.

Властное засилье Г. Думы въ области церковной создалось повидимому неожиданно какъ для самой верховной государственной власти, такъ и для правящихъ верховныхъ сферъ, причемъ создалось оно захватнымъ правомъ и не только со стороны оппозиціонныхъ церкви думскихъ фракцій, но и со стороны искренно мнящихъ службу приносити родной церкви, церковныхъ мірянъ. Для засилья Г. Думы въ церковной сферѣ оказались благопріятствующія условія, а именно: 1) отсутствіе соборности въ дѣйствующемъ строѣ управленія нашею церковью, гдѣ бы отводилось, въ предѣлахъ каноническихъ нормъ, мѣсто для голоса бѣлаго духовенства и мірянъ; 2) неопредѣленная длительность въ созывѣ церковнаго помѣстнаго собора; 3) ослабленіе авторитета и властной силы вліянія на государство, на правительственныя и общественныя сферы высшей правящей церковной власти, съ голосомъ которой, при внесеніи и обсужденіи, напр., цѣлаго ряда законопроектовъ вѣроисповѣдныхъ и другихъ, затрогивавшихъ кореннымъ образомъ права и интересы господствующей церкви,—ни правительство, ни законодательныя палаты наши ни мало не считались; 4) отсутствіе въ дѣйствующемъ законѣ яснаго разграниченія взаимоотношеній Церкви и государства въ дѣлахъ церковно-государственнаго значенія и управленія и 5)—самое главное—матеріальная необезпеченность церкви и духовенства и отсюда огромная зависимость ихъ отъ бюджетныхъ правъ Г. Думы, которая въ этой области, являясь хозяиномъ положенія,—притязаетъ на несвойственную самой природѣ Г. Думы, какъ учрежденія государственнаго, роль ментора и иниціатора и опекуна церкви, даже въ сферѣ ея автономнаго внутренняго управленія.

И однако отказаться отъ услугъ Г. Думы при нынѣшнемъ состояніи церковныхъ дѣлъ не рѣшаются самые ярые

враги Г. Думы и искренніе друзья и радѣтели церкви Послѣдніе открыли чрезъ Г. Думу источникъ и общественныхъ, ранѣе скрытыхъ и бездѣйственныхъ, могучихъ силъ въ лицѣ церковныхъ мірянъ и цѣлыхъ партій для талантливой защиты и охраны правъ и прерогативъ православной господствующей Церкви Слыхала-ли когда ранѣе церковная Россія такихъ мужественныхъ, твердыхъ и убѣжденныхъ, вооруженныхъ наукою и государственнымъ опытомъ, какіе выступали на каѳедрѣ 3 Г. Думы и Г Совѣта, въ лицѣ не только духовныхъ членовъ Г. Думы, но и представителей правыхъ партій изъ мірянъ Ихъ сила и мужество слова, ихъ твердость неподкупного убѣжденія, ихъ ревность по вѣрѣ и церкви, могутъ служить примѣромъ и для самихъ служителей алтаря и для церковниковъ изъ присяжныхъ защитниковъ интересовъ церкви и духовенства.

Враги церкви встрѣтили въ Г. Думѣ неожиданный для нихъ мощный отпоръ и потому свое прежнее высокомѣрно-пренебрежительное отношеніе къ православной церкви и ея служителямъ, какъ къ отпѣтымъ мертвецамъ, нынѣ, въ преддверіи выборовъ, смѣнили на лицемѣрно-заискивающее и осторожное отношеніе къ духовенству, стараясь представить его опасной для прогресса, мрачной бѣдоносной силой.

Послѣ всего этого не ясно ли, какъ важно и повелительно необходимо для всѣхъ разумѣвающихъ знаменія нашего времени и чуткихъ къ тревожному положенію дѣлъ въ государствѣ церкви позаботиться о выборѣ дѣйствительно *лучшихъ людей* въ члены 4 Г. Думы, чтобы она принесла подлинное благо государству и не угрожала опасностями для церкви православной; которые бы по совѣсти и убѣжденію умѣли охранить въ мудромъ равновѣсіи исторически-испытанную благодѣтельность вѣкового союза Церкви и государства; которые бы строили свои законопроекты при церковномъ свѣтѣ и въ здравомъ государственномъ разумѣ.

А для плодотворной творческой работы на пользу государства и церкви всѣмъ гражданамъ Россіи, призваннымъ Самодержцемъ къ государственному служенію отчизнѣ, избирателямъ и избираемымъ, церковнымъ и гражданскимъ дѣятелямъ,—необходимо имѣть ясное представленіе того, что такое церковь и государство въ ихъ догматическомъ ученіи и жизненныхъ взаимоотношеніяхъ.

Къ сожалѣнію, наши духовные дѣятели, замкнутые въ теченіе вѣковъ въ одной сферѣ церковнаго дѣланія, лишены не только политическаго опыта, но и теоретическихъ знаній въ

области догмъ государствовѣдѣнія, а свѣтскіе люди, наоборотъ, чужды церковнаго ученія и воззрѣнія государства.

При этомъ, представители земской Россіи и церковно-приходской среды крайне затруднены въ своемъ самообразовании отсутствіемъ нужныхъ въ этой области авторитетныхъ книжныхъ руководствъ и пособій.

Желая восполнить пробѣлъ въ существующей справочной литературѣ по церковно-государственнымъ вопросамъ и идя на помощь нашимъ читателямъ въ данный отвѣтственный для духовенства моментъ политической предвыборной борьбы, мы составили и издаемъ *первый опытъ церковно-политической хрестоматіи*, подъ названіемъ: «*Церковный Свѣтъ и государственный Разумъ*».

Самое названіе нашего изданія «опытомъ хрестоматіи» опредѣляетъ характеръ и задачу нашего труда, который заключаетъ въ себѣ *выписки* и справки изъ твореній и сочиненій церковныхъ и государственныхъ авторитетовъ, систематизированныя нами въ цѣломъ рядѣ отдѣловъ, главъ и параграфовъ, исчерпывающихъ основныя догмы ученія о Церкви и государствѣ.

Дорожа идеей новаго опыта изданія Церковно-политической хрестоматіи, нужда въ которой безусловно сознается и духовенствомъ и мірянами, призванными ходомъ исторіи къ уразумѣнію и обсужденію церковно-государственныхъ вопросовъ въ самомъ ихъ корнѣ,—мы слишкомъ скромнаго мнѣнія относительно выполненія нашей идеи. Мы сознаемъ и чувствуемъ въ содержаніи нашей хрестоматіи немало пробѣловъ и несовершенствъ, которые обѣщаемся исправить и пополнить въ слѣдующемъ изданіи и просимъ нашихъ критиковъ и читателей помочь намъ въ этомъ новомъ опытѣ просвѣщенными своими совѣтами и указаніями.

Особенную трудность мы встрѣтили при составленіи перваго отдѣла хрестоматіи: области изысканія святоотеческихъ мнѣній и отзывовъ по вопросамъ государственнымъ. Мы слѣдовали здѣсь по тропамъ и вехамъ, проложеннымъ учеными трудами достопочтенныхъ профессоровъ канонистовъ—г.г. Заозерскаго, Родникова, Троицкаго, которымъ приносимъ глубокую признательность за пользованіе ихъ трудами. Стѣсненные срочнымъ обязательствомъ выпустить въ свѣтъ это изданіе, въ качествѣ безплатнаго приложенія подписавшимся на всѣ наши періодическія изданія,—мы не имѣли времени для болѣе обстоятельнаго обслѣдованія и подробныхъ выписокъ изъ неисчерпаемой сокровищницы святоотеческихъ твореній, а равно и изъ сочиненій нашихъ извѣстнѣйшихъ архипастырей.

Болѣе легкимъ трудъ нашъ былъ въ области вопросовъ государствовѣдѣнія, благодаря превосходной разработанности этихъ вопросовъ въ сочиненіяхъ такихъ корифеевъ государствовѣдѣнія, какъ К. П. Побѣдоносцевъ, проф. Коркуновъ, Чичеринъ, наши славянофилы Д Самоквасовъ, но особенную признательность чувствуемъ мы къ Л А. Тихомирову, этому крупнѣйшему въ настоящее время государственному уму, капитальнѣйшее сочиненіе котораго «Монархическая государственность» служила намъ значительнѣйшимъ пособіемъ въ вопросѣ о существѣ и видахъ власти. При разработкѣ отдѣла объ участіи духовенства въ государственныхъ дѣлахъ и выясненіи партійныхъ платформъ и критикѣ соціализма, мы пользовались сочиненіями Высокопреосвященнаго Митрополита Московскаго Владиміра, епископа Андроника, В. К Саблера и прот. Восторгова, трудами и нашихъ уважаемыхъ сотрудниковъ Н М. Гринякина и Е А. Копосовой, которымъ считаемъ долгомъ принести нашу глубокую благодарность за поспѣшествованіе интересу и пользѣ нашего изданія.

Въ приложеніи мы даемъ «Катихизисъ русскаго націоналиста» Н. Д. Купріянова.

Дѣлаемъ это потому, что въ отдѣлѣ, гдѣ помѣщены платформы политическихъ партій и ихъ разборъ, программа націоналистовъ не помѣщена въ виду отсутствія точно формулированной и общепринятой платформы. Изъ этого «Катихизиса» націоналиста видно, насколько справедливы замѣчанія, сдѣланныя въ критикѣ партіи относительно уклона, который можетъ принять нашъ націонализмъ.

А за всѣмъ тѣмъ просимъ дорогихъ нашихъ читателей—примите съ снисхожденіемъ несовершенный опытъ новаго нашего изданія, не кляните, вѣря въ искренность побужденій составителя, желавшаго во благовременіи придти на помощь нашему доброму духовенству въ его новой церковно-государственной миссіи, которая требуетъ отъ него смѣло идти съ церковнымъ свѣтомъ и разумомъ и на трибуны политическаго оратора и законодателя.

Quod potui feci, meliora potentes faciant.

В. М. Скворцовъ.

P. S. Вслѣдъ за настоящимъ I выпускомъ мы издаемъ II выпускъ церковно-политической хрестоматіи, въ который войдутъ авторитетныя мнѣнія и сужденія по боевымъ и жгучимъ вопросамъ нашей политической современности—о патріотизмѣ, націонализмѣ, милитаризмѣ, о войнѣ, смертной казни и др.

Глава I.

Церковь и государство.

Что есть Церковь.

Вопросъ о взаимоотношеніяхъ Церкви и государства, волнующій въ данное время многихъ, рѣшается совершенно противоположно. Въ то время, какъ одни находятъ, что взаимодѣйствіемъ Церкви и государства устрояется благо человѣчества, другіе полагаютъ, что это двѣ враждебныя другъ другу силы, между которыми не можетъ быть союза и неизбѣжна борьба до тѣхъ поръ, пока одна изъ этихъ силъ не поглотитъ другую. Чтобы выяснить, насколько правы сторонники того или другого взгляда, приведемъ здѣсь мнѣнія авторитетныхъ представителей Церкви и государства, дабы при свѣтѣ церковнаго и государственнаго разума ясно было правильное разрѣшеніе этого пререкаемаго вопроса о взаимоотношеніяхъ Церкви и государства.

Догматическое опредѣленіе Церкви.

Прежде всего надлежитъ опредѣлить, что такое Церковь, какъ это понятіе формулируется православнымъ ученіемъ и представителями богословской науки?

Православная формула Церкви въ катихизисѣ митрополита Филарета такъ излагается:

Церковь есть отъ Бога установленное общество человѣковъ, соединенныхъ Православною вѣрою, закономъ Божіимъ, священноначаліемъ и Таинствами.

Глава ея есть Богочеловѣкъ Іисусъ Христосъ, *исполненный благодати и истины*, и тѣло Свое, то есть Церковь, исполняющій благодатію и истиною. См. Іоан. 1, 14—17.

Онъ обѣщалъ ученикамъ Своимъ Духа Святаго, чтобы Онъ былъ съ ними вѣчно, и что, по сему обѣщанію, Духъ Святый поставляетъ пастырей Церкви. См. Іоан. 14, 16.

Церковь освящена Іисусомъ Христомъ чрезъ Его страданія, чрезъ Его ученіе, чрезъ Его молитву и чрезъ Таинства.

Христосъ возлюби Церковь, и Себе предаде за ню, да освятитъ ю, очистивъ банею водною въ глаголъ: да представитъ ю Себѣ славну Церковь, неимущу скверны или порока, или нѣчто отъ таковыхъ, но да будетъ свята и непорочна. Ефес. 5, 25—27.

Она не ограничивается никакимъ мѣстомъ, ни временемъ, ни народомъ, но заключаетъ въ себѣ истинно вѣрующихъ всѣхъ мѣстъ, временъ и народовъ.

Апостолъ Павелъ говоритъ, что *благовѣствованіе* существуетъ *во всемъ мірѣ, и есть плодоносно и растимо.* Колос. 1, 5. 6; и что въ Церкви Христіанской *нѣсть Еллинъ, ни Іудей, обрѣзаніе и необрѣзаніе, варваръ и скиѳъ, рабъ и свободь: но всяческая и во всѣхъ Христосъ.* Колос. 3, 11.

Ей собственно принадлежатъ высокія обѣтованія, что *врата адова не одолѣютъ ей*, что Господь *пребудетъ* съ нею *до скончанія вѣка*, что въ ней пребудетъ *слава* Божія *о Христѣ Іисусѣ во вся роды вѣка:* что, слѣдственно, она никогда не можетъ ни отпасть отъ вѣры, ни погрѣшить въ истинѣ вѣры, или впасть въ заблужденіе.

Несомнѣнно исповѣдуемъ, какъ твердую истину, что Каѳолическая Церковь не можетъ погрѣшать или заблуждаться, и изрекать ложь вмѣсто истины: ибо Духъ Святый, всегда дѣйствующій чрезъ вѣрно служащихъ Отцевъ и учителей Церкви, предохраняетъ ее отъ всякаго заблужденія. Посл. Вост. Патр. о Правосл. вѣрѣ, чл. 12.

Христосъ—глава Церкви, *и Той есть Спаситель тѣла.* Дабы имѣть участіе въ Его спасеніи, необходимо нужно быть членомъ Его тѣла, то есть, Каѳолической Церкви. Ефес. 5, 23.

Она непрерывно и неизмѣнно сохраняетъ отъ Апостоловъ и ученіе, и преемство даровъ Святаго Духа, чрезъ священное рукоположеніе.

Иннокентій, архіепископъ Херсонскій о Церкви, какъ царствѣ Божіемъ на землѣ.

Церковь—это видимое царство Божіе на землѣ,—которой Божественною силою Христа Спасителя *даровано все потребное для жизни и благочестія*, все потребное для того, чтобы мы, освободившись отъ *растлѣнія грѣховнаго, содѣлались причастниками Божескаго естества* (2 Петр. 1, 3—5). Христосъ Спаситель даровалъ Церкви, *которую Онъ пріобрѣлъ Себѣ кровію Своею* (Дѣян. 20, 28), благодать Святаго Духа, дѣйствующую здѣсь уже не озаряющимъ только, но созидающимъ, всевозстановляющимъ, обновляющимъ образомъ. Благодать Святаго Духа не только влечетъ здѣсь ко спасенію, но и измѣняетъ самое внутреннее существо наше, прививая къ нему *сѣмя* Божественной жизни (1 Іоан. 3, 3) и симъ самымъ искореняя изъ него сѣмя діавольское—ветхаго человѣка. Такая

благодать Святаго Духа обильно льется въ Церкви чрезъ множество разнаго рода видимыхъ источниковъ.

Ново-завѣтная церковь есть отъ Бога установленное общество человѣковъ, соединенныхъ православною вѣрою, закономъ Божіимъ, священноначаліемъ и таинствами. Церковь земную должно всегда мыслить не въ иномъ видѣ, какъ въ связи съ Церковію небесною, съ духами праведниковъ, отшедшихъ въ горній міръ, съ горними ангельскими силами, посылаемыми на служеніе спасенію человѣковъ, съ Духомъ Божіимъ, воодушевляющимъ, просвѣщающимъ и животворящимъ Церковь, наконецъ, съ Главою Церкви—воплотившимся Сыномъ Божіимъ, Который уже въ Ветхомъ Завѣтѣ былъ главенствующимъ руководителемъ церкви и патріархальной и подзаконной, какъ Ангелъ Завѣта, какъ предопредѣленный отъ вѣка Посредникъ между Богомъ и человѣкомъ. Что Богъ и святые Его неразрывно соединены съ земною Церковью, это подтверждается для всякаго безпрерывнымъ, на всемъ пространствѣ исторіи отъ начала міра и до послѣднихъ дней, рядомъ знаменій и чудесъ, видимо проявляющихъ въ Церкви Божіей сверхъестественную силу Божію и постоянно подтверждающихъ божественное происхожденіе и значеніе самой Церкви.

(«Нравствен. ученіе по сочиненіямъ архіеп. Иннокентія» т. II, 1—6 еп. Стефанъ Курск.).

Антоній, архіепископъ Волынскій—о нравственной идеѣ догмата Церкви.

Іисусъ Христосъ Собою возстановилъ въ тѣхъ, кто входитъ въ стадо Его учениковъ, единство естества человѣческаго, утерянное людьми черезъ паденіе Адама и грѣхи его потомковъ.

Это единство живая нравственная сила, изливающаяся въ сердца и дѣйствующая, какъ источники благихъ чувствъ и намѣреній, а наипаче во взаимной любви къ Богу и другъ къ другу.

Сила эта является единственнымъ посредствомъ, черезъ которое Богъ приводитъ людей ко спасенію.

Люди, живущіе этою жизнью, составляютъ вмѣстѣ со Христомъ одно духовное Существо, управляемое Имъ, какъ Главою.

Такъ какъ свое духовное совершенство во Христѣ люди каждаго поколѣнія начинаютъ созидать на землѣ въ борьбѣ съ міромъ, то на землѣ же во всякое время хранится и полнота божественныхъ дарованій въ воинствующемъ за спасеніе обществѣ людей.

Общество это, или воинствующая Церковь, имѣетъ назначеніемъ, во-первыхъ, неповрежденно хранить источникъ божественной жизни, т. е. божественное ученіе и благую энергію новоблагодатной жизни; а во-вторыхъ, передавать то и другое чрезъ ученіе и молитву (преимущественно же молитвы тайносовершителя) какъ своимъ собственнымъ чадамъ для

усовершенія ихъ въ благодатной церковной жизни, такъ и невѣдущимъ Христа для ихъ вступленія въ эту жизнь.

Такъ какъ личная жизнь встрѣчается съ жизнью Церкви не какъ жизнь безкачественная, а какъ жизнь уже наполненная грѣхомъ, то свободное согласіе съ новоблагодатною жизнью Церкви должно точнѣе назвать свободнымъ послушаніемъ.

Такъ какъ жизнь въ Церкви встрѣчается съ жизнью каждой личности какъ начало подчиняющее, какъ руководитель, то необходимо, чтобы жизнь Церкви имѣла извѣстныя внѣшнія формы, чтобы существовали управленіе и церковная дисциплина. Общія основанія, опредѣляющія этотъ внѣшній строй Церкви, даны Спасителемъ въ Евангеліи и Апостолами въ Дѣяніяхъ, Посланіяхъ и Откровеніи, частнѣйшее же ихъ раскрытіе предоставлено Христомъ церковнымъ пастырямъ и составляетъ предметъ Священнаго Преданія, преимущественно же каноновъ.

(Изъ сочиненія: «Нравственная идея догмата Церкви». См. Полное собраніе сочиненій, т. II. С.П.Б. 1911 г. Изданіе второе, стр. 29—30).

Блаженный Августинъ о внѣтерриторіальности Церкви.

Блаж. Августинъ въ своемъ сочиненіи о «Градѣ Божіемъ», подробно разсматривая вопросы о Церкви и государствѣ, такъ говоритъ о внѣгосударственности Церкви христіанской: «слушайте іудеи и язычники, слушайте земныя царства. Я не препятствую вашему господству въ этомъ мірѣ» и далѣе объясняетъ, что Церковь не представляетъ территоріальнаго царства. Она дѣйствуетъ среди земныхъ царствъ, не препятствуя земнымъ условіямъ человѣческаго существованія. Она призываетъ гражданъ изъ всѣхъ народовъ и набираетъ общество во всѣхъ языкахъ, не придавая значенія тому, что есть различнаго въ нравахъ, законахъ и учрежденіяхъ, которыми миръ земной устанавливается или поддерживается, и ничего изъ послѣдняго не отмѣняя и не разрушая, а напротивъ, сохраняя и соблюдая все, что, хотя у разныхъ народовъ и различно, но направляется къ одной цѣли земного мира» (Кн. 19, гл. 17).

Глава II.

Ученіе Отцевъ Церкви о государствѣ.

Опредѣленіе государства, его происхожденіе и необходимость.

Государство, по опредѣленію *бл. Августина*, есть множество людей, собравшихся и соединившихся въ одинъ согласный союзъ общеніемъ вещей, которыя любитъ. Государствомъ охраняется гармоническое согласіе людей только относительно вещей, необходимыхъ для земной смертной жизни. Предметъ его попеченія составляетъ только матеріально счастливое пребываніе человѣка на землѣ (О град. Бож. XIX кн. 13, 17 гл.). Оно—представитель тѣлесной стороны существованія послѣдняго; вѣдаетъ тѣлесныя, матеріальныя нужды, и само по себѣ нисколько не касается духа и его интересовъ.

Происхожденіе государства отцы Церкви объясняютъ такъ. Если бы не было грѣхопаденія и люди во взаимныхъ отношеніяхъ руководились бы лишь чувствомъ любви, безъ всякаго внѣшняго принужденія, тогда и не было бы надобности въ принудительныхъ формахъ общежитія. Но человѣкъ палъ и грѣхъ произвелъ среди людей раздоры и зависть, какъ плоды «коварнаго владычества змія, непрестанно и непримѣтно привлекающаго насъ ко злу лакомой приманкой удовольствія и вооружающаго дерзкихъ людей противу слабыхъ». Человѣкъ «дошелъ до такого звѣрства, что даже единокровнаго своего сталъ считать для себя врагомъ и предаваться всякаго рода безпокойству, человѣкоубійству и жадности. Тогда для ограниченія послѣдствій грѣха во взаимныхъ отношеніяхъ или для сохраненія порядка въ жизни люди должны были призвать на помощь законы, власти и властителей, однимъ словомъ-государство». (*Григорій Богословъ*. Твор. гл. 14; *св. Иринеи*, «Противъ ересей» кн. V, гл. 24).

«Богъ,—говоритъ *св. Иринеи*,—наложилъ на дошедшихъ до звѣрства людей страхъ человѣческій—подчиненіе власти и, такимъ образомъ, уста-

новилъ земное царство. Онъ, а не діаволъ опредѣляетъ царства этого вѣка и послѣдній лгалъ, когда говорилъ. все это отдано мнѣ и кому хочу—даю это (Лук. IV гл. 6 ст.). Діаволъ самъ никогда не знаетъ покоя и тѣмъ болѣе не желаетъ, чтобы народы жили въ покоѣ» (кн. V, гл. 24). *Св. І. Златоустъ* говоритъ: «нѣтъ того неустройства, чтобы что-нибудь происходило по случаю и безъ порядка, чтобы народы носились туда и сюда, подобно волнамъ,—все сіе я называю дѣломъ премудрости Божіей». (Бесѣды на посланіе къ Римлянамъ).

«Порядокъ въ жизни отличаетъ людей отъ безсловесныхъ, сооружаетъ города, даетъ законы, наказываетъ порокъ, почитаетъ добродѣтель, изобрѣтаетъ искусства, сочетастъ супружества, любовью къ дѣтямъ облагораживаетъ жизнь и насаждастъ въ человѣкѣ нѣчто большее низкой и плотской любви—любовь къ Богу» (Твор. *Григ. Богослова* I т., 3 е сл., 18 стр., 6-е сл. 233 стр.). Конечно, злая дѣятельность людей продолжается и при существовании государства, но что бы слѣдовательно было, если-бы не было этой преграды? Что-бы тогда препятствовало людямъ рѣшаться на зло? Какія бы бѣдствія тогда вторглись въ жизнь человѣческую (Твор. *І. Златоуста*. Бес. на Ев. Матѳ. I т. 322 стр.). Эта форма жизни налагаетъ на людей страхъ человѣческій, чтобы подчиненіемъ власти и принужденіемъ законовъ заставить ихъ соблюдать хотя нѣкоторую справедливость и сохранять во взаимныхъ отношеніяхъ умѣренность., чтобы они не пожирали другъ-друга, какъ рыбы, но чрезъ установленіе законовъ отражали различнаго рода неправду народную (*Ирин.* Противъ ерес. V кн., XXIV гл. § 2 645 стр.).

«Какъ началомъ, такъ и продолженіемъ своего существованія, государство обязано Божіей премудро правящей десницѣ», говоритъ св. *І. Златоустъ* (Бесѣды на посланіе къ Римлянамъ, 554 стр.). «Богъ наложилъ на людей страхъ человѣческій, Онъ опредѣляетъ царства этого вѣка, сроки и измѣненія имперій, и по волѣ Его возвышаются и падаютъ города», говорятъ также апологеты. (*Тертуліанъ*—Апологія. 26 гл.).

«Государство будетъ существовать на землѣ до конца ея, пока—говоритъ *блаж. Августинъ*, не минуется самая смертность». «Богъ раздаетъ земныя царства, говоритъ онъ, сообразно съ порядкомъ вещей и временъ—порядкомъ, для насъ сокровеннымъ, а Ему вполнѣ извѣстнымъ. (IV кн. 33 гл., сравн. V кн. 22 гл.).

«Если-бы жизнь святыхъ, говоритъ *бл. Августинъ*, не была общественной, то откуда бы тогда она получила свое начало, или какъ бы продолжала свое существованіе и какимъ бы образомъ достигла должнаго конца? «Въ частности, церковь нуждается въ мирѣ, охраняемомъ государствомъ: въ мирѣ его миръ и ея». (О град. Бож. XIX кн. 26 гл.) Таковы условія земной жизни и они не иныя и для членовъ града Божія. «Потому Церковь не можетъ препятствовать своимъ членамъ пользо-

ваться миромъ государства, равно какъ и всѣми другими вещами, необходимыми для этой смертной жизни» (О град. Бож. XIX кн. 17 гл.).

«Но безъ Божественнаго промысла въ томъ или другомъ видѣ происходятъ отдѣльныя событія и является въ общественно-государственной жизни—та или иная продолжительность войнъ, благополучный ихъ исходъ. Богъ даетъ побѣду, кому хочетъ и не безъ содѣйствія Его промысла одни покоряютъ, другіе покоряются, одни обладаютъ царствами, другіе подчиняются». (О градѣ Божіемъ).

«Нельзя, говоритъ блаженный Августинъ, подумать, что Богъ, высочайшій и истинный... Богъ единый всемогущій Творецъ и Создатель всякой души и всякаго тѣла, общеніемъ съ Которымъ счастливы всѣ, кто счастливы истинно, а не суетно, Богъ, сотворившій человѣка разумнымъ животнымъ изъ души и тѣла, не допустившій остаться ему безнаказаннымъ, когда онъ грѣшитъ, но не лишившій его и Своего милосердія. Никакимъ образомъ нельзя подумать, чтобы Богъ судилъ оставить внѣ законовъ провидѣнія Своего царства человѣческія». (О град. Бож. V кн 11 гл.).

«Богъ создаетъ царства. Его провидѣніемъ они устроятся и отъ Него, а не отъ демоновъ ихъ великая слава». (О градѣ Божіемъ, 25 гл.).

Государство христіанское и языческое.

Признавая государство установленнымъ Богомъ, Отцы Церкви не признавали его происхожденіе богоблагодатнымъ. За нимъ не признавалось самодовлѣющаго значенія—значенія самоцѣли, какъ смотрѣли на государство язычники.

До пришествія Спасителя, объясняютъ святые отцы, люди жили одними мірскими, земными интересами и свое блаженство полагали лишь въ этой временной жизни. Потому и государство для нихъ имѣло самодовлѣющее значеніе.

Но христіанинъ долженъ смотрѣть на земное государство, въ которомъ онъ состоитъ членомъ, только какъ на время и мѣсто странствованія, время и мѣсто приготовленія къ иной жизни. (Гр. Бог. II т. 26-е сл. 307 стр. Іустинъ). Государство имѣетъ значеніе только средства, а не самоцѣли.

«Отдѣльные люди,—говоритъ блаж. Августинъ,—представляютъ элементы и сѣмена государства; и въ государствѣ не можетъ быть ничего дурного или хорошаго, чего нѣтъ въ отдѣльныхъ людяхъ, входящихъ въ составъ его. Государство будетъ принадлежать къ граду Божію, если его члены не будутъ забывать Бога и будутъ видѣть въ государствѣ только относительное добро, служащее средствомъ для достиженія вѣчнаго добра».

Обязательность повиновенія государственнымъ законамъ и несенія повинностей.

Признавая государство учрежденіемъ, необходимымъ для земного благополучія, св. Отцы и христіанскіе писатели признаютъ обязательнымъ для христіанъ и его законы. Блаженный Августинъ пишетъ: «Градъ небесный, или вѣрнѣе—та часть его, которая странствуетъ въ этой смертности, живетъ вѣрою.., пока она проводитъ какъ бы плѣнническую жизнь своего странствованія въ областяхъ земного града, хотя и получила уже обѣтованіе искупленія и въ видѣ залога его даръ духовный, не колеблется повиноваться законамъ земного града, которыми управляется то, что служитъ для поддержанія смертной жизни, чтобы, поколику обща самая смертность, въ вещахъ, къ ней относящихся, сохранялось согласіе между тѣмъ и другимъ градомъ» (XIX кн. 17 гл.).

Въ этой земной жизни на всѣхъ людяхъ лежитъ долгъ служить на пользу своего отечества и притомъ не по необходимости только, а и съ любовію (Творен. Григ. Бог. I т. 7-е сл. 249 стр.).

— Признавая васъ царями и правителями, говоритъ св. Іустинъ-мученикъ, мы, хотя и поклоняемся единому Богу, но въ другихъ отношеніяхъ охотно служимъ и вамъ (Іустинъ. II апол. XVII гл. 54—5 стр.).

— «Спаситель, ничего не имѣющій, заплатилъ подать, а ты, стяжавшій себѣ всѣ выгоды вѣка, не хочешь признавать своихъ обязанностей по отношенію къ вѣку», говоритъ св. Амвросій.

Апологеты христіанства Іустинъ, Аѳинагоръ, Тертуллианъ, доказывая, что христіане, считая себя членами земныхъ государствъ, къ которымъ принадлежатъ по рожденію, признаютъ для себя обязательными государственные законы,—не отвергаютъ государственныхъ учрежденій, при этомъ указывали, что по ученію Христа, христіанинъ не долженъ самовольно избѣгать наказанія даже въ томъ случаѣ, если оно незаконно и несправедливо.

«Каждый отецъ семейства, говоритъ бл. Августинъ, для устроенія мира домашняго, долженъ брать правила изъ закона гражданскаго и управлять по нимъ своимъ домомъ такъ, чтобы онъ служилъ къ упроченію мира гражданскаго» (О град. Бож. XIX кн. 16 гл.).

«Если христіанское ученіе враждебно (adversa) государству, говоритъ тотъ же Отецъ Церкви, въ опроверженіе клеветъ язычниковъ на христіанъ, то пусть дадутъ такихъ провинціаловъ, такихъ мужей, такихъ женъ, такихъ родителей, такихъ сыновей, такихъ господъ, такихъ рабовъ, такихъ царей, такихъ судей, такихъ, наконецъ, плательщиковъ и сборщиковъ податей самой же казны, какими предписываетъ быть христіанское ученіе, и пусть осмѣлятся говорить о немъ, что оно враждебно государству. Христіанское ученіе въ высшей степени содѣйствуетъ благо-

состоянію государства. Оно дѣлаетъ своихъ послѣдователей самыми честными исполнителями государственныхъ обязанностей.

«Образъ должнаго служенія предписываетъ Самъ Господь, чтобы мы воздавали кесарева—кесареви, а Божія—Богови (Матѳ. XXII гл. 21 ст.). Ибо хотя мы и призываемся въ такое царство, гдѣ не будетъ никакой въ такомъ родѣ власти, однако, пока идемъ этимъ путемъ, пока находимся въ этомъ вѣкѣ, гдѣ дѣйствуетъ всякая власть и начальство, мы терпимъ это условіе жизни ради порядка дѣлъ человѣческихъ, ничего не дѣлая притворно и въ этомъ самомъ подчиняясь не столько людямъ, сколько Богу, Который приказываетъ это, или владыкѣ временному, ради Вѣчнаго. Отличается, потому, повиновеніе христіанъ отъ повиновенія невѣрующихъ лишь тѣмъ, что христіане повинуются не рабски, по гражданской только необходимости, какъ язычники, а свободно, во имя исполненія заповѣди объ этомъ Самого Бога, и, слѣдовательно, не изъ притворнаго. страха, а по искреннему расположенію. (О град. Бож. V кн. 17 гл.).

Христіанство—говоритъ бл. Августинъ,—не отвергаетъ, а обязываетъ защищать свое отечество оружіемъ. Было бы хорошо, если бы люди подчинялись не физической—военной, а духовной силѣ (О град. Бож. кн. 17 гл.) И если бы всѣ люди были нравственными, то между ними не было бы и войнъ (О град. Бож. IV кн. 15 гл.). Но разъ этого нѣтъ, значитъ необходима и служба военная—ради защиты своего отечества.

Въ Евангеліи солдатамъ, обратившимся съ вопросомъ, что имъ нужно дѣлать для спасенія, не былъ данъ совѣтъ, чтобы они бросили оружіе и отказались отъ службы, а сказано: никого не обижайте, не клевещите и довольствуйтесь своимъ жалованіемъ (Лук. 11 гл. 14 ст.). Кому же предписывается довольствоваться жалованіемъ, тѣмъ, слѣдовательно, не возбраняется находиться въ военной службѣ (Эпист. 138).

Но войны бл. Августинъ допускаетъ только оборонительныя (III кн. 8 гл.). «Убійство враговъ въ такихъ случаяхъ совершается не во имя властолюбія, а для защиты мира. Вѣдь позволительно власти казнить смертію злодѣевъ—единичныхъ нарушителей его,—тѣмъ болѣе позволительно ей приказать своимъ подданнымъ убивать враговъ, которыми миръ отечества нарушается во всей цѣлости; точно также не предосудительно повиноваться въ такихъ случаяхъ и солдатамъ не только по законамъ своего отечества, но и по суду христіанскаго ученія» (О град. Бож. 1 кн. 21, 26 гл.).

«Если земное царство охраняетъ христіанскія заповѣди, то и самыя войны ведутся не безъ нѣкотораго дружескаго расположенія, ради заботы объ устроеніи побѣжденныхъ въ мирное сообщество правды и благочестія. Ибо у кого отнимается возможность неправды, тотъ съ пользой побѣждается.

«Для тѣхъ членовъ государства, которые не повинуются его законамъ, допустимы мѣры наказанія. Истинные отцы семейства, говоритъ бл. Авгу-

стинъ, въ случаѣ неповиновенія кого либо изъ членовъ домашнему миру, могутъ такого укрощать не только словами, но и бичемъ и т п., насколько то допускаетъ общество человѣческое, ради пользы самого укрощаемаго, чтобы присоединить его къ миру, отъ котораго уклонился. Какъ не будетъ благодѣяніемъ, помогая, причинить потерю блага большого, такъ не будетъ дѣломъ невиннымъ, щадя, допустить совершеніе зла, болѣе тяжкаго. Къ обязанности человѣка невиннаго относится, потому, не только никому не дѣлать зла, но и удерживать отъ грѣха, чтобы или самъ наказываемый, испытавъ наказаніе, исправился, или другіе, видѣвъ наказаніе, удержались страхомъ его» (XIX кн. 16 гл.).

Митрополитъ Филаретъ Московскій о государствѣ.

«Что есть государство? Нѣкоторый участокъ во всеобщемъ владычествѣ Вседержителя, отдѣленный по наружности, но невидимою властью сопряженный съ единствомъ всецѣлаго. Итакъ, чѣмъ постояннѣе оно удерживаетъ себя въ союзѣ Верховнаго Правителя міра соблюденіемъ Его закона, благочестіемъ и добродѣтелью, тѣмъ точнѣе входитъ во всеобщій порядокъ Его правленія, тѣмъ несомнѣннѣе покровительствуется Имъ.

«Что есть государство? Великое семейство человѣковъ, которое, по умноженіи своихъ членовъ и раздѣленіи родовъ, не могши быть управляемо, какъ въ началѣ единымъ естественнымъ отцемъ, признаетъ надъ собою въ семъ качествѣ избраннаго Богомъ и закономъ государя».

«Что есть государство? Союзъ свободныхъ нравственныхъ существъ, соединившихся между собою съ пожертвованіемъ частію своей свободы для охраненія и утвержденія общими силами закона нравственности, который составляетъ необходимость ихъ бытія. Законы гражданскіе суть не что иное, какъ примѣненныя къ особеннымъ случаямъ истолкованія сего закона и ограды, поставленныя противъ его нарушенія».

«Откуда сіе множество людей, соединенныхъ языкомъ и обычаями, которое называютъ *народомъ*? Очевидно, что сіе множество народилось отъ меньшаго племени, а сіе произошло изъ семейства. Итакъ, въ семействѣ лежатъ сѣмена всего, что потомъ раскрылось и возросло въ великомъ семействѣ, которое называютъ государствомъ. Тамъ нужно искать и перваго образа власти и подчиненія, видимыхъ нынѣ въ обществѣ. Отецъ, который естественно имѣетъ власть дать жизнь сыну и образовать его способности, есть первый властитель; сынъ, который ни способностей своихъ образовать, ни самой жизни сохранить не можетъ безъ повиновенія родителямъ и воспитателямъ, есть природно подвластный. Но какъ власть отца не сотворена самимъ отцомъ и не дарована ему сыномъ, а произошла вмѣстѣ съ человѣкомъ отъ Того, Кто сотворилъ человѣка, то

открывается, что глубочайшій источникъ и высочайшее начало первой, а слѣдовательно всякой послѣдующей между людьми власти въ Богѣ [1]).

«Должно, говорятъ мудрецы вѣка сего, повиноваться общественнымъ властямъ, на основаніи общественнаго договора, которымъ люди соединились въ общество и для общаго блага общимъ согласіемъ учредили начальство и подчиненность. Вотъ прекрасное основаніе для того, чтобы на немъ построить государство въ высокоумной книгѣ или въ мечтательной головѣ, а не въ природѣ вещей. Если думаютъ, что нельзя иначе основать общество, какъ на общественномъ договорѣ, то не на немъ ли основаны и общество пчелъ и муравьевъ? И не надобно ли подлинно выламывающимъ соты и разрывающимъ муравейники поручить отыскивать въ нихъ... хартію пчелъ и муравьевъ? И доколѣ сего не сдѣлано, ничто не препятствуетъ намъ думать, что пчелы и муравьи составляютъ общества не по договору, а по природѣ, по впечатлѣнной въ существѣ ихъ идеѣ общенія, которую Творецъ міра и въ семъ низкомъ кругѣ созданій Своихъ осуществить благоизволилъ. Если же нашелся въ природѣ примѣръ составленія общества по самой природѣ, или по назначенію отъ Творца природы; то нужно ли вымышлять иной способъ составленія общества человѣческаго? И къ чему годится вымыслъ общественнаго договора? Никто не можетъ спорить противъ того, что начальный видъ общества есть общество семейственное. Итакъ, младенецъ повинуется матери, а мать имѣетъ власть надъ младенцемъ, потому ли, что они договорились между собою, чтобъ она кормила его грудью, а онъ какъ можно менѣе кричалъ, когда его пеленаютъ? Что, если-бы мать предложила младенцу слишкомъ тяжкія условія? Не прикажутъ ли ему изобрѣтатели общественнаго договора идти къ чужой матери и договариваться съ нею о его воспитаніи? Сколь удобно въ семъ случаѣ приложеніе общественнаго договора, почти столько же оно удобно и во всѣхъ другихъ случаяхъ, для всякаго человѣка, отъ младенца до старца, отъ перваго до послѣдняго. Всякій договоръ человѣческій можетъ имѣть силу только тогда, когда вступаютъ въ него съ сознаніемъ и по доброй волѣ. Много ли же въ обществѣ людей, которые слышали о договорѣ общественномъ; а изъ немногихъ, которые о немъ наслышались, многіе ли о немъ имѣютъ ясное понятіе. Спросите, не говорю, простого гражданина, спросите мудреца договоровъ: когда и какъ вступилъ онъ въ общественный договоръ? Во время совершеннолѣтія. Но кто опредѣлилъ сіе время? И былъ ли онъ внѣ общества до совершеннолѣтія?..

«Посредствомъ рожденія? Это превосходно. При сей мысли охотно поздравляю всякаго Россіянина съ тѣмъ, что онъ умѣлъ, не знаю, съ

---

[1]) *Слова и Рѣчи*, т. II, стр. 135. Изданіе 1848 года.

родителями ли своими, или съ самою Россіей, договориться, чтобъ ему родиться въ могущественной Россіи... Опасаться только надобно, что ни рожденный, ни родители не думали о семъ договорѣ въ свое время, и потому ссылаться на него не значитъ ли поддѣлывать оный? И слѣдственно, не вѣрнѣе ли, какъ и простѣе, и въ повиненіи и въ прочихъ отношеніяхъ къ обществу, разбираться по праву и обязанности рожденія дѣйствительнаго, вмѣсто вымышленнаго договора,—сего сновидѣнія общественной жизни, которое, будучи разсказано не въ добрый часъ, произвело и производитъ вещественныя бѣдствія человѣческихъ обществъ. «*Повѣдаша мнѣ законопреступницы глумленія, но не яко законъ Твой Господи*» (Псал. CXVIII, 85) [1]).

«Что повиноваться должно, надобно ли сіе доказывать? Гдѣ есть общество человѣческое, тамъ необходимо есть власть, соединяющая людей въ составъ общества: ибо безъ власти можно вообразить только неустроенное множество людей, а не общество. Но власть дѣйствуетъ въ обществѣ и сохраняетъ оное посредствомъ повиновенія. Слѣдственно повиновеніе необходимо соединено съ существованіемъ общества. Кто сталъ бы колебать или ослаблять повиновеніе, тотъ колебалъ бы или ослаблялъ бы основаніе общества. Много ли въ обществѣ людей способны къ повиновенію по идеямъ и умозрѣніямъ? Когда смотрю на опыты, какъ на подобныхъ умозрѣніяхъ хотятъ въ наше время основать повиновеніе нѣкоторые народы и государства, какъ тамъ ничто не стоитъ твердо, зыблются и престолы и алтари, бразды правленія рвутся, мятежи роятся, пороки безстыдствуютъ, преступленія ругаются надъ правосудіемъ, нѣтъ ни единодушія, ни довѣренности, ни безопасности, каждый наступающій день угрожаетъ,—видя все сіе не могу не заключить: видно не на человѣческихъ умозрѣніяхъ основывать должно государственное благоустройство» [2]).

О судѣ и наказаніяхъ.

«... Устроеніе суда чрезъ избраніе важнѣйшихъ блюстителей общественнаго порядка и правосудія есть одно изъ важнѣйшихъ дѣлъ человѣческихъ: отъ него много зависитъ благо или зло многихъ людей, благоустройство или нестроеніе общества, совершенство, или несовершенство союза между государемъ и государствомъ».

«Судъ есть ограда собственности и личной безопасности, а судія есть стражъ сея ограды. Безъ суда всякая земля была бы, подобно какъ нѣкогда земля Ханаанская, землею поядающею, живущія на ней; не было бы другой собственности, кромѣ добычи хищника, до которой не достигла

[1]) Т. III, стр. 448, 449. Издан. 1877 г.
[2]) Т. II, стр. 181. Изд. 1848 года.

рука другого хищника; не было бы другой безопасности, кромѣ безопасности вооруженнаго и бодрствующаго воина, или безопасности сильнаго притѣснителя, доколѣ онъ не встрѣтится съ сильнѣйшимъ»...

«Когда законодатель за тяжкое преступленіе полагаетъ въ законѣ и провозглашаетъ тяжкое наказаніе: скажете ли, что въ сей строгости недостаетъ человѣколюбія? Напротивъ, есть человѣколюбіе въ самой строгости: строгое наказаніе полагается, во первыхъ, для того, чтобы по возможности пресѣчь преступнику пути къ новымъ преступленіямъ и слѣдовательно сберечь отъ него добрыхъ людей; во вторыхъ, для того, чтобы людей, которые нетверды въ добродѣтели и могутъ искушеніемъ быть увлечены къ преступленію, поддержать на добромъ пути страхомъ строгаго наказанія [1]).

Христосъ Спаситель созидалъ Церковь, а не государство. Силою внутренняго благодатнаго закона Онъ благоустрояетъ внутреннюю и внѣшнюю жизнь человѣковъ. Государство старается силою внѣшняго закона поставить въ порядокъ и охранить въ порядкѣ частную жизнь человѣка и общественную жизнь государства».

«И посему государство не всегда можетъ слѣдовать высокимъ правиламъ христіанства, а имѣетъ свои правила, не становясь чрезъ то недостойнымъ христіанства. Напримѣръ, христіанство говоритъ: «*хотящему судитися съ тобою и* (посредствомъ неправды въ судѣ) *ризу твою взяти, отпусти ему и срачицу*». Но государство не можетъ сказать ограбленному: «отдай грабителю и то, что еще не отнято у тебя». Съ такимъ правиломъ не могло бы устоять государство, въ которомъ есть и добрые и злые. Оно, по необходимости, говоритъ ограбленному, иди въ судъ; по суду, грабитель (хитрый или наглый) долженъ возвратить отнятое, и быть обличенъ и наказанъ.

«Вотъ изреченіе Христа Спасителя, касающееся наказаній, опредѣленныхъ въ законѣ Моисеевомъ: *Слышасте, яко речено бысть: око за око, и зубъ за зубъ. Азъ же глаголю вамъ: не противитеся злу* (Матѳ. V, 38, 39). То-есть: по закону Моисееву, выколовшій у другого глазъ, долженъ быть наказанъ выколотіемъ глаза, выбившій зубъ—выбитіемъ зуба; но вы не противоборствуйте дѣлающему вамъ зло, не воздавайте обидою за обиду, терпите великодушно, предоставляйте Богу отмщеніе. И вотъ опять правило, которому не можетъ слѣдовать законодательство государственное. Спаситель не кодексъ уголовный исправляетъ; не о томъ говоритъ, чтобъ измѣнить родъ и степень наказанія, Онъ преподаетъ духовный законъ—терпѣть и не домогаться наказанія за обиду».

«Итакъ вопросъ объ употребленіи или неупотребленіи тѣлеснаго нака-

[1]) Сочиненія митрополита Филарета. Т. V, стр. 399. Изданіе 1885 г.

занія въ государствѣ стоитъ въ сторонѣ отъ христіанства. Если государство можетъ отказаться отъ сего рода наказанія, находя достаточными болѣе кроткіе роды онаго: христіанство одобритъ сію кротость. Если государство найдетъ неизбѣжнымъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ употреблять тѣлесное наказаніе: христіанство не осудитъ сей строгости, только бы наказаніе было справедливо и нечрезмѣрно».

«Нѣкоторые полагаютъ, что тѣлесныя наказанія дѣйствуютъ разрушительно на народную нравственность. Нельзя думать, чтобы Господь Богъ чрезъ Моисея узаконилъ тѣлесное наказаніе виновному: *числомъ четыредесять ранъ да наложатъ ему* (Втор. XXV, 3), съ тѣмъ, чтобъ это разрушительно дѣйствовало на нравственность еврейскаго народа».

«Полагаютъ, что тѣлесное наказаніе поражаетъ въ наказываемомъ всякое чувство чести. Въ силѣ сего возраженія противъ тѣлесныхъ наказаній многое препятствуетъ убѣдиться. Преступникъ убилъ въ себѣ чувство чести тогда, когда рѣшился на преступленіе. Поздно щадить въ немъ сіе чувство во время наказанія».

«Тюремное заключеніе виновнаго менѣе ли поражаетъ въ немъ чувство чести, нежели тѣлесное наказаніе? Можно ли признать правильнымъ такое сужденіе, что виновный изъ-подъ розогъ идетъ съ безчестіемъ, а изъ тюрьмы съ честью».

«Если какое либо сознаніе подавляетъ виновнаго, производитъ въ немъ упадокъ духа и тѣмъ препятствуетъ ему возвыситься къ исправленію, то это сознаніе сдѣланнаго преступленія, а не понесеннаго наказанія. Имѣющіе случай обращаться съ совѣстью такихъ людей замѣчаютъ иногда, что они чувствуютъ внутреннее облегченіе, понеся унизительное наказаніе, симъ удовлетворяютъ правосудію, укрѣпляются въ надеждѣ небеснаго прощенія и побуждаются къ исправленію.

«Но да возвратится слово на христіанскую точку зрѣнія. Апостолы, претерпѣвъ отъ Синедріона безвинно тѣлесныя наказанія, *идяху радующеся отъ лица собора, яко за имя Господа Іисуса сподобишася безчестіе пріяти* (Дѣян. V, 41). Апостолъ Павелъ пишетъ къ Коринѳянамъ: *трижды палицами біенъ бых* (2 Кор. II, 25), не думая, что тѣмъ унижаетъ себя предъ ними. Итакъ, по христіанскому сужденію, тѣлесное наказаніе само по себѣ не безчестно, а безчестно только преступленіе».

«Изъ того, что святители защищаютъ личность существа, созданнаго по образу и подобію Божію, нельзя вывести никакого заключенія противъ тѣлесныхъ наказаній. Защищать личность существа, созданнаго по образу Божію, не значитъ защищать личность преступника».

«Богодухновенные писатели защищаютъ личность созданнаго по образу Божію не отъ тѣлеснаго наказанія, а отъ порока и его послѣдствій. *Ты гобіеши его жезломъ, душу же его избавиши отъ смерти*» (Притч. XXIII, 14).

Нельзя осудить *всякое* насильство *безусловно*. Если кто буйствуетъ не-

укротимо, то необходимо *насильство*, чтобы связать его. Если надобно поймать и задержать преступника, вора, разбойника: онъ, конечно, не допуститъ сего добровольно, а надобно употребить *насильство*, чтобъ его схватить и сковать.

Никаноръ, архіепископъ Херсонскій, о первоосновахъ государственности.

Первоначальное государство дѣйствительно выдѣлилось изъ Церкви, по крайней мѣрѣ выдѣлилось изъ того единаго источника и русла, изъ котораго проистекла и Церковь. Несомнѣнно, что первобытное государство образовалось изъ семейной и родовой общины, связанной, кромѣ узъ родства плотскаго, узами родства и духовнаго, скрѣпляемаго единствомъ вѣры въ Бога и въ святость родового начала. Такъ вотъ патріархъ Авраамъ, онъ отецъ и родоначальникъ и владыка въ семьѣ надъ чадами и домочадцами, онъ же и священникъ, приносящій жертву, онъ же и вождь семейнаго воинства. Онъ съ 300 домочадцевъ воюетъ съ пятью сосѣдними, подобными ему, царями и побѣждаетъ ихъ. Когда возвращался онъ съ побѣды, его встрѣчаетъ подобный же ему царь Салима, Мельхиседекъ, священникъ Бога Вышняго (Быт. гл. 14). Такой же царь былъ и патріархъ Іовъ, онъ же и жрецъ; таковы же и друзья его цари (Іова 1, 5; 48. 17).

Государственный союзъ такъ же возникъ по волѣ Божіей, какъ и союзы церковно-религіозные, родовые и семейные. По слову Спасителя,— къ каждому человѣку приставленъ особый ангелъ-хранитель; а по Апокалипсису мы знаемъ, что особые ангелы-хранители поставлены надъ разными частями и стихіями міра, надъ царствами и народами, надъ городами и особыми церквами. По слову св. апостола Павла, Богъ, сотворивъ отъ единыя крове весь родъ человѣческій и предназначивъ жить ему по всему лицу земному, Самъ уставилъ предучиненныя времена и предѣлы селенія народовъ, сколько времени и въ какихъ пространствахъ какому народу жить, указавъ цѣль жизни всякому народу—взыскати Господа. Вообще же кто вѣритъ въ живаго Бога, тотъ не можетъ не вѣрить и во вседержительный Промыслъ Божій, управляющій народами и царствами.

Изъ родового права, освященнаго религіею, произошло право и начальниковъ общинъ наказывать общинниковъ за проступки и преступленія. Не только христіанство, но и все человѣчество не знало человѣка безъ свободы воли, не знало закона, какъ случайнаго произвольнаго созданія человѣческаго ума, а не прирожденнаго голоса совѣсти; не знало и преступленія безъ вмѣненія. Христіанство, да и все человѣчество не знало преступленія, которое не было бы болѣзнью души, которое не требовало соотвѣтственнаго лекарства и не влекло-бы болѣзненныхъ послѣдствій для своего виновника. Отсюда наказаніе, и какъ врачество, и какъ возмездіе за проступокъ, какъ чувствительно непріятное послѣдствіе для виновника,

особенно же безчувственнаго. Кромѣ того, никакимъ умничаньемъ нельзя оспорить у меня право оттолкнуть человѣка, наступившаго мнѣ на больную ногу. Никакимъ умничаньемъ нельзя оспорить у меня естественное право, проистекающее изъ самаго естественнаго неотвратимаго побужденія, взяться за оружіе, чтобы отразить врага, нападающаго на меня оружіемъ. Но это естественное право самозащиты превращается для меня и въ долгъ, когда я призванъ защищать другого, когда я отецъ семьи, когда родоначальникъ, когда начальникъ общины, когда я защищаю жену, дѣтей, всякую попранную невинность, всякую угнетенную насиліемъ слабость, или поруганную нахальствомъ святыню. При этомъ врагъ, нападающій оружіемъ и кровопролитіемъ, естественно самъ вызываетъ противъ себя оружіе и кровопролитіе. Преступникъ, наносящій обиду другому, всячески вызываетъ естественное отраженіе обиды. Око за око, зубъ за зубъ, кровь за кровь,—искони вѣка было основой естественнаго правосудія. Можно ограничивать это коренное требованіе правды, можно смягчать, еще лучше возмѣщать чѣмъ-либо соотвѣтственнымъ, какимъ-либо другимъ, менѣе непоправимымъ и болѣе цѣлесообразнымъ возмездіемъ; но отмѣнить, но уничтожить этотъ прямой голосъ правды никакими умствованіями невозможно. Такъ уже Каинъ, проливший первую неповинную кровь на землю, самъ собою постигъ непреложность этой простой правды, когда выражаетъ опасеніе, что всякій, кто встрѣтится съ нимъ, сочтетъ себя въ правѣ, сочтетъ даже своимъ долгомъ убить и его, Каина, какъ убійцу. Уже тогда изъ глубины его мятущагося духа раздался незаглушимый голосъ совѣсти, читающей написанный огненными литерами на скрижаляхъ сердца приговоръ: кровь за кровь! смерть за смерть! убійство за убійство! съ прибавкою вѣчнаго проклятія на перваго убійцу... На главы народовъ и царствъ, по духу божественнаго откровенія, Промысломъ Божіимъ возложенъ долгъ не только защищать подвластныхъ имъ отъ всякихъ обидъ, но и очищать общества отъ зла, чтобы злодѣйства, привлекающія клятву на земли и народы, въ нихъ не скрывались и не заражали общественный организмъ. *Измите злаго отъ васъ самихъ, Азъ Господь Богъ ваш*, глаголетъ Самъ Господь, повторяясь многократно. *Мнѣ отмщеніе, Азъ воздамъ, глаголетъ Господь. Яко судитъ Господь людемъ своимъ* (Евр. 10, 30).

Глава III.

Церковное ученіе о государственной власти.

Въ основу ученія Церкви о государственной власти прежде всего должны быть положены: 1) Богооткровенныя слова Священнаго Писанія Ветхаго и Новаго Завѣтовъ, а затѣмъ 2) ученіе отцевъ и святителей Церкви.

1) Вотъ какъ учитъ о власти Слово Божіе.

Мною цари царствуютъ, и повелители узаконяютъ правду. Мною начальствуютъ начальники и вельможи, и всѣ судьи земли (Притч. Сол.8,15).

Итакъ прежде всего прошу совершать молитвы, прошенія, моленія, благодаренія за всѣхъ человѣковъ.

За царей, и за всѣхъ начальствующихъ, дабы проводить намъ жизнь тихую и безмятежную во всякомъ благочестіи и чистотѣ;

Ибо это хорошо и угодно Спасителю нашему Богу,

Который хочетъ, чтобы всѣ люди спаслись и достигли познанія истины (1 Тим. 1—4).

Всякая душа да будетъ покорна высшимъ властямъ: ибо нѣтъ власти не отъ Бога; существующія же власти отъ Бога установлены.

Посему противящійся власти, противится Божію установленію. А противящіеся сами навлекутъ на себя осужденіе.

Ибо начальствующіе страшны не для добрыхъ дѣлъ, но для злыхъ. Хочешь ли не бояться власти? Дѣлай добро и получишь похвалу отъ нея:

Ибо начальникъ есть Божій слуга, тебѣ на добро. Если же дѣлаешь зло, бойся: ибо онъ не напрасно носитъ мечъ; онъ Божій слуга, отмститель въ наказаніе дѣлающему злое.

И потому надобно повиноваться не только изъ страха наказанія, но и по совѣсти (Римл. 13. Зач. 111). (Сравн. Тит. 3, 1—2).

Знаетъ Господь, какъ избавлять благочестивыхъ отъ искушенія, а беззаконниковъ соблюдать ко дню суда, для наказанія.

А наипаче тѣхъ, которые идутъ вслѣдъ скверныхъ похотей плоти, презираютъ начальства, дерзки, своевольны, и не страшатся злословить высшихъ (2 Петр. 2, 9—10).

Какъ Содомъ и Гоморра и окрестные города, подобно имъ блудодѣйствовавшіе и ходившіе за иною плотію, подвергшись казни огня вѣчнаго, поставлены въ примѣръ:

Такъ точно будетъ и съ сими мечтателями, которые оскверняютъ плоть, отвергаютъ начальства, и злословятъ высокія власти (Іуд. 1, 7; Сравн. Римл. 13, 3).

Итакъ будьте покорны всякому человѣческому начальству, для Господа: царю ли, какъ верховной власти (1 Петр. 2, 13).

Напоминай имъ повиноваться и покоряться начальству и властямъ, быть готовыми на всякое доброе дѣло,

Никого не злословить, быть не сварливыми, но тихими, и оказывать всякую кротость ко всѣмъ человѣкамъ (Тит. 3, 1—2).

2) Святоотеческое ученіе о государственной власти.

«Если ея (власти) не будетъ, если всѣмъ порочнымъ, говоритъ св. *І. Златоустъ*, позволено будетъ жить по своимъ склонностямъ и прелюбодѣямъ, и убійцамъ, и ворамъ, и клятвопреступникамъ и отцеубійцамъ —не низвратится-ли тогда все? Это всякому очевидно. Если и при существованіи законовъ, при страхѣ и грозахъ злыя намѣренія едва удерживаются, то безъ этой преграды что можетъ препятствовать людямъ рѣшаться на зло?... Тысячами выгодъ обязаны государства своимъ правительствамъ; какъ скоро упразднится начальство, все разсыплется; не устоятъ ни города, ни селенія, ни домы, торжище, никакое другое заведеніе; напротивъ, все испровергнется; люди будутъ вести себя безумнѣе безсловесныхъ звѣрей, станутъ другъ-друга угрызать и снѣдать—богатый бѣднаго, сильнѣйшій слабаго и дерзкій кроткаго (Твор. І. Злат. Бес. къ Антіох. нар. I т. 329 стр.). Что связи въ зданіи, то власть въ государствѣ».

«Христіане обязаны молиться за царей и за всѣхъ, которымъ она въ такой или иной формѣ ввѣрена (Твор. І. Злат. Бес. на 1-е посл. къ Тим. 82—3 стр.), чтобы Богъ даровалъ имъ свою помощь (Твор. Аѳан. Вел. IV т. 101 стр.), благополучіе и благосостояніе, царствованіе и правленіе въ мирѣ (Твор. Аѳан. Вел. II т. 22 стр.). Хотя бы то былъ апостолъ, хотя бы евангелистъ, хотя бы пророкъ, хотя бы кто другой, повинуйся; подчиненіе власти—не подрываетъ благочестія, говоритъ св. І. Златоустъ (Твор. І. Златоуст. Бес. на посл. къ Римл. 553 стр.). Повиновеніе въ той или иной формѣ есть удѣлъ всѣхъ существъ: имъ держится не только все земное, но и небесное. (Твор. Григ. Бог. II т. 19-е сл. 154 стр.). «Смотри, куда ведетъ дѣло, чѣмъ устрашаетъ и какъ доказываетъ, что повиноваться начальству наша обязанность. Дабы кто не сказалъ изъ вѣрующихъ: ты насъ унижаешь и дѣлаешь презрѣнными, подчиняя начальникамъ—насъ, кому предоставлено небесное царство,—апостолъ доказываетъ, что и въ насто-

щемъ случаѣ подчиняетъ ихъ не начальникамъ, но Богу, ибо подчиняющійся начальству, повинуется Богу... Апостолъ вездѣ старается внушить, что повиновеніе начальству есть не добровольная какая-нибудь съ нашей стороны уступка, а нашъ долгъ... Не стыдись подчиненности. Этотъ законъ далъ Богъ и грозно отмщаетъ презрителямъ онаго. Если ослушаешься, то Онъ накажетъ тебя не легкимъ, а самымъ строгимъ образомъ; никакія отговорки не спасутъ тебя» (Твор І. Злат. Бес. на посл. къ Римл. 553—6 стр.).

«Начальникъ Божій слуга, тебѣ во благое, говоритъ *Іоаннъ Златоустъ;* онъ не только не можетъ быть страшенъ для тебя, но еще похваляетъ; не только не препятствуетъ, но еще способствуетъ» (Твор. І. Злат. Бес. на посл. къ Римл. 557—8 стр.).

Св. Иринеи говоритъ, что «цари поставляются по повелѣнію Того, по Чьему повелѣнію рождаются люди» (Ирин. Прот. ересей. V кн. XXIV гл. § 3, 646 стр.). Апологет. Аѳинагоръ въ своемъ обращеніи къ языческимъ императорамъ—Марку Аврелію и Коммоду: вы, говоритъ получили царство свыше, ибо душа царя въ рукѣ Божіей (Русск. пер. Апол. XVIII гл. 90 стр.).И отчетъ въ своей жизни и дѣятельности Царь отдастъ лишь Ему одному и никому болѣе (Твор. Григ. Богослова II. т. 17-е сл., 98—9 стр.).

Оптатъ Милевійскій говоритъ: «Учитъ блаж. ап. Павелъ: молитесь за царей и властей, чтобы мы съ ними проводили мирную и спокойную жизнь. Ибо не государство существуетъ въ церкви, а церковь въ государствѣ. Справедливо учитъ апостолъ молиться за царей и властей; и это—хотя-бы былъ и такой императоръ, который жилъ бы по язычески, а тѣмъ болѣе, если онъ христіанинъ, тѣмъ болѣе—если боящійся Бога, тѣмъ болѣе—если милосердный... Надъ императоромъ нѣтъ никого, кромѣ Бога, Который создалъ его».

Св. Кириллъ Александрійскій писалъ въ своей защитительной рѣчи къ императору Ѳеодосію: «возвышеннымъ и великимъ свойственно имѣть снисходительность. И дѣйствительно, это незлобіе, эта снисходительность принадлежатъ Высочайшему божественному естеству, а вслѣдъ и по примѣру Его—и вашему величеству, христолюбивѣйшіе императоры. Поистинѣ вы нѣкоторый образъ и подобіе небеснаго царства; вамъ однимъ досталось въ удѣлъ господствовать надъ всѣми, сохранять и оберегать своихъ подданныхъ страхомъ и кротостію, и изливать на всю вселенную славное и мирное благоденствіе» (Дѣян. всел. соб. т. II, стр. 264).

«На вопросъ Іудеевъ, слѣдуетъ ли платить дань кесарю,—Спаситель отвѣтилъ: «воздадите кесарева—кесареви, а Божія—Богови» (Матѳ. XXII гл. 21 ст.); «спрашиваетъ кесарь изображеніе свое, давайте; спрашиваетъ Богъ. изображеніе Свое, давайте; не отказывайте въ дани ни кесарю, ни Богу». Точно—также,—*говоритъ бл. Августинъ*—и апостолъ словами: всякая душа

властямъ предержащимъ да повинуется, ибо нѣтъ власти, какъ не отъ Бога (Римл. XIII гл. 1 ст), увѣщеваетъ, чтобы никто на основаніи того, что Господомъ своимъ призванъ къ свободѣ и сдѣлался христіаниномъ, не гордился и не думалъ, что въ этой жизни не должно охранять ея порядокъ и подчиняться предержащимъ властямъ, которымъ поручено управленіе временными дѣлами. Такъ какъ мы состоимъ изъ души и тѣла и, пока находимся въ этой временной жизни, пользуемся временными благами для лучшаго проведенія ея, то въ томъ, что касается ея, намъ слѣдуетъ подчиняться властямъ, т. е. людямъ, управляющимъ человѣческими дѣлами съ нѣкоторой честью».

Права и предѣлы государственной власти.

Свѣтская власть непосредственно осуществляетъ задачу государства, заботу о мирѣ и благополучіи земного, матеріальнаго существованія людей (Творен. I Злат.).

Свѣтская власть можетъ издавать законы (Ирин. Противъ ересей V кн. XXIV гл. § 2, 645 стр.), можетъ опредѣлять наказаніе нарушающимъ ихъ—ворамъ, прелюбодѣямъ, убійцамъ, клятвопреступникамъ и т. п. (Бес. на Дѣян. I т. 102—3 стр.). Свѣтская власть по самому существу своему есть власть принужденія. Богъ далъ тебѣ право, Валентиніанъ, говоритъ св. Амвросій, исполнять то, чѣмъ угрожаешь. Правителей учредилъ Богъ (Твор. I. Злат. Бес. на I посл. къ Кор.), что Онъ — Богъ мира, насаждаетъ и вчиняетъ царей на престолахъ (Твор. Григ. Бог. I т. 3-е сл., 83 стр.), даетъ и вручаетъ имъ царства и власть управленія, или—поставляетъ, опредѣляетъ, посылаетъ и т. п. (Ирин. Прот. ерес. V кн. XXIV гл. § I, 644 стр.).

«Право человѣческое, говоритъ блаженный Августинъ, находится въ законахъ царей. По какому праву каждый владѣетъ тѣмъ, чѣмъ онъ владѣетъ? Не по человѣческому ли праву?.. Такимъ образомъ, основываясь на человѣческомъ правѣ, можно сказать: эта дача моя, этотъ домъ мой, этотъ рабъ мой. Но человѣческое право есть ничто иное, какъ право государственное. Почему?—потому что чрезъ императоровъ и князей раздаетъ Богъ человѣческое право роду человѣческому... Не говори мнѣ, какое мнѣ дѣло до царя. Какое тогда тебѣ дѣло и до имущества?.. Это все равно, какъ если бы ты сказалъ, какое мнѣ дѣло до моихъ имуществъ; ты отказываешься тѣмъ самымъ отъ права, въ силу котораго ты владѣешь чѣмъ бы то ни было».

Предѣлы повиновенія государственной власти указаны въ тѣхъ словахъ св. апостоловъ, которыми они отвѣтили на слова членовъ Синедріона, упрекавшихъ ихъ въ распространеніи христіанскаго ученія.

Не запретили ли мы вамъ накрѣпко учить о Имени семъ? и вотъ, вы наполнили Іерусалимъ ученіемъ вашимъ и хотите навести на насъ кровь Того Человѣка. Петръ же и апостолы въ отвѣтъ сказали: «*должно повиноваться больше Богу, чѣмъ человѣкамъ*» (Дѣян. 5, 28 — 29). И потому, требуя безпрекословнаго повиновенія власти, св. Отцы и разъяснили, что это повиновеніе обязательно лишь когда оно касается области кесаря, т. е. жизни государственной.

«Когда ты слышишь, говоритъ св. І. Златоустъ: «воздадите кесарева— кесареви», разумѣй подъ симъ только то, что нимало не вредитъ благочестію, ибо все противное благочестію не есть уже дань кесарю, но дань и оброкъ діаволу» (Творен. І. Злат. Бес. на Ев. Матѳ. III т., 204 стр.).

«Если бы императоръ, подъ видомъ исполненія гражданской обязанности, потребовалъ чего-либо противнаго вѣрности Богу, напр. совершенія идолослуженія или чего-либо подобнаго, то не должно повиноваться, хотя бы за это пришлось пострадать» (Твор. Григ. Бог. I т. 4-е сл., 135—40 стр.).

Св. Іоаннъ Златоустъ разъясняетъ: «нѣтъ власти не отъ Бога, но отсюда не слѣдуетъ, что всякій начальникъ поставленъ отъ Бога: у апостола слово идетъ не о каждомъ начальникѣ въ особенности, а о самомъ начальствѣ; что есть начальство, что они начальствуютъ, а другіе подчинены имъ... это онъ называетъ дѣломъ премудрости Божіей» [1]).

«Если императоръ, говоритъ св. Амвросій Медіоланскій, требуетъ дани, мы не отказываемъ ему въ ней: церковныя поля платятъ дань; если императоръ желаетъ взять у насъ поля, онъ имѣетъ власть на это, никто изъ насъ не станетъ ему противиться: мы платимъ кесарю то, что принадлежитъ кесарю; или: если отъ меня требуютъ то, что мнѣ принадлежитъ, т. е. помѣстье мое, серебро мое, все въ этомъ родѣ, я не сопротивляюсь».

«Когда правитель области призвалъ Василія Великаго и потребовалъ отъ него именемъ царя, чтобы онъ исповѣдывалъ ту же вѣру какъ и царь, св. отецъ сказалъ: «Вы правители, и не отрицаю, что правители знаменитые, однако-же не выше Бога. Во всемъ иномъ, правитель, мы скромны и смирнѣе всякаго,—это повелѣваетъ намъ заповѣдь, и не только предъ такимъ могуществомъ, но даже предъ кѣмъ бы то ни было не поднимаемъ брови; а когда дѣло о Богѣ и противъ Него дерзаютъ возставать, тогда, презирая все, мы имѣемъ въ виду одного Бога» (Творен. Гр. Бог. т. 4).

Св. Амвросій въ рѣчи къ паствѣ говоритъ: «боюсь болѣе Бога, чѣмъ императора... Добровольно васъ не оставлю, но насилію сопротивляться не буду. Могу скорбѣть, плакать, вздыхать, противъ оружія, войска, Готфовъ единственное мое оружіе—слезы. Такова защита священнослужителя. Иначе я не могу и не долженъ сопротивляться... я не буду держаться за алтарь, умоляя о жизни, но даромъ пожертвую ей ради алтарей».

[1]) Твор. І. Злат. Бес. на посл. къ Римл. 533—4 стр., Бес къ Ант. нар. 1 т. 356 стр.

Область дѣйствій власти государственной и церковной.

Св. каноны такъ разграничиваютъ сферу дѣйствія власти свѣтской отъ духовной.

Въ апостольскихъ постановленіяхъ (11, 34) говорится: «послѣдній (т. е. царь) занимался только военными дѣлами, заботясь о войнѣ и мирѣ, чтобы охранять тѣла, а первый (т. е. епископъ) проходитъ священство Божіе, отклоняя отъ опасностей тѣло и душу».

Предъ VII Вселенскимъ соборомъ восточные епископы писали патріарху Тарасію: «священство есть освященіе и укрѣпленіе царства, а царство есть сила и твердыня священства. Объ этомъ одинъ мудрый государь и блаженнѣйшій изъ царей сказалъ: «величайшій даръ далъ Богъ людямъ: священство и царство; первое упорядочиваетъ и заботится о небесномъ, а второе посредствомъ правовыхъ нормъ управляетъ земнымъ. Нынѣ, поистинѣ, средостѣніе ограды разрушено, согласіе (симфонія) одержало верхъ надъ разногласіемъ, разъединеніе уступило мѣсто единенію и разномысліе изгладилось» (Дѣянія Вселен. собор. т. VII, стр. 98).

Великій Московскій Соборъ 1666—7 г.г. опредѣлилъ отношеніе свѣтской власти къ церковной такъ: «царь есть владыка лишь во всякомъ политическомъ дѣлѣ, патріархъ повинуется царю во всѣхъ политическихъ рѣшеніяхъ. Царь имѣетъ преимущество въ дѣлахъ гражданскихъ, а патріархъ въ церковныхъ, дабы, такимъ образомъ, сохранилась цѣлою и непоколебимою въ вѣкъ стройность церковнаго учрежденія»...

Соборъ Константинопольскій при патріархѣ Львѣ (1134—1143), по случаю появленія въ публикѣ нѣкоторыхъ неправомысленныхъ сочиненій, постановилъ, чтобы «никакое новоявившееся сочиненіе не было допускаемо до общаго чтенія, прежде нежели оно будетъ представлено каѳолической церкви и, по разсмотрѣніи, будетъ одобрено и признано какъ благочестивое и полезное» (Συνταγμε τ. Θείων κανόνων Т. 5, с. 81).

«Царю ввѣрены тѣла, а священнику души; царь прощаетъ недоимки денежные, а священникъ—недоимки грѣховные, тотъ заставляетъ, этотъ убѣждаетъ; тотъ дѣйствуетъ повелѣніемъ, этотъ—совѣтомъ; тотъ имѣетъ оружіе чувственное, этотъ—оружіе духовное; тотъ ведетъ войну съ варварами, а я съ демонами» (См. Твор. І. Златоуста, слова на раз. мѣс. 1 т. 246, 318—324 стр.).

Когда императоръ Левъ Исаврянинъ указомъ захотѣлъ отмѣнить церковное почитаніе святыхъ иконъ, св. Іоаннъ Дамаскинъ писалъ въ своихъ окружныхъ посланіяхъ: «Не позволимъ себѣ слѣдовать царскому опредѣленію, которое угрожаетъ превращеніемъ обычаю, преданному отцами... Рѣшать такіе вопросы дѣло соборовъ, а не царей. Не царямъ далъ Хри-

стосъ власть вязать и рѣшать, но апостоламъ и ихъ преемникамъ, пастырямъ и учителямъ».—«Что говоритъ божественный апостолъ? *Овыхъ положи Богъ въ церкви, первѣе апостоловъ, второе пророковъ, третіе (пастырей) и учителей для совершенія церкви.* Не сказалъ: царей. Также: *поминайте наставники ваша, иже глаголаша вамъ слово Божіе, ихже взирающе на скончаніе жительства, подражайте вѣрѣ ихъ.* Не цари глаголаша намъ слово Божіе, но апостолы и пророки, пастыри и учители. Повинуемся тебѣ, государь, въ дѣлахъ, относящихся до жизни, во всемъ, что касается даней, оброковъ, пошлинъ, что поручено тебѣ надъ нами; но что касается до церковнаго устройства, то у насъ есть пастыри, глаголавшіе намъ слово Божіе и утвердившіе церковное законоположеніе», (S. Loh Damasc. opr. t. 1, p. 329, 335, 336).

Св. Амвросій, по поводу приказа императора отнять у него храмъ, говоритъ: «ни мнѣ не позволительно отдавать его, ни императору—принимать; не присвояй себѣ лишняго, императоръ, думая, что имѣешь какое-либо властительное право на то, что принадлежитъ Богу. Не возносись, но если хочешь долго властвовать, будь покоренъ Богу. Въ Писаніи сказано: кесарево кесареви, Божія Богови (Матѳ. XXII гл. 21 ст.) Императору принадлежатъ дворцы, священнику храмы. Тебѣ вручено право надъ стѣнами государственными, а не церковными».

«Слышалъ ли ты, милостивѣйшій императоръ, говоритъ въ другомъ мѣстѣ тотъ же св. отецъ Амвросій Медіоланскій, чтобы въ дѣлѣ вѣры епископа судили мірскіе люди? Мірской человѣкъ тогда сталъ бы разсуждать, а епископы слушать, и епископъ учился бы въ этомъ случаѣ у мірского человѣка. Ни Священное Писаніе, ни древнія времена, не даютъ никому основанія отрицать, что въ дѣлѣ вѣры, въ дѣлѣ, говорю, вѣры епископы судятъ христіанскихъ императоровъ, а не императоры епископовъ» (Ambros. II t. 1 p. Epist. XXI, 4 car.).

«Если, говоритъ св. Аѳанасій Великій, что нибудь есть опредѣленіе епископовъ, то какъ оно касается царя? Если же царская угроза, то какая потребность въ епископахъ» (Твор. Аѳан. Вел. II т. 126 стр.).

«Нѣтъ такого правила, нѣтъ такого преданія, чтобы церковными дѣлами управляли комиты (начальники области) и несмысленные евнухи и своимъ предписаніемъ объявляли опредѣленіе, которое могутъ издавать только епископы» (Твор. Аѳан. Вел. II т. 106 стр.). Они не должны смѣшивать свѣтскаго, гражданскаго управленія съ церковными (ibid. 107 стр.). Въ гражданской области императоръ полный владыка и его вѣдѣнію подчинены всѣ дѣла, но религіозныя дѣла подлежатъ вѣдѣнію исключительно собора епископовъ—безъ всякаго съ его стороны вліянія (ibid. 102, 106, 109 стр.). На послѣднемъ, кромѣ нихъ, никто не имѣетъ права голоса—ни комиты, ни царедворцы, ни самъ царь (ibid. и 135—7 стр.). Свѣтская власть можетъ, если только желаетъ, утверждать цер-

ковныя постановленія послѣ совѣщаній собора и, такимъ образомъ, придавать имъ значеніе, кромѣ церковныхъ, также и гражданскихъ законовъ, какъ сдѣлалъ, напримѣръ, св. Константинъ Великій послѣ перваго вселенскаго собора (Ambros. 11 t. 1 p. Epist. XXI. 15 cap. Migne XVI t. 1006 col. 5862).

Св. Осія Кордубскій писалъ императору Констанцію: «Перестань, умоляю тебя, вспомни, что и ты человѣкъ смертный, убойся дня суднаго, сохрани себя на оный чистымъ. Не вступайся въ дѣла существенно церковныя и не давай намъ приказаній о нихъ, а лучше принимай ученіе отъ насъ. Тебѣ вручилъ Богъ царство, а намъ ввѣрилъ дѣла церкви. Какъ восхищающій себѣ твою власть противорѣчитъ учредителю Богу, такъ бойся и ты, чтобы, захватывая въ свои руки церковныя дѣла, не подпасть отвѣтственности въ тяжкой винѣ. Написано: «воздадите кесарева—кесареви, а Божія—Богови» (Матѳ. XXII гл. 21 ст.). Посему, какъ намъ не позволено властвовать на землѣ, такъ и ты царь не имѣешь власти приносить кадило». (Твор. Аѳан. Вел. II т. 119 стр.). «Царь получилъ власть распоряжаться дѣлами земными и больше этой власти не имѣетъ ничего», говоритъ также св. I. Златоустъ (Histor. Arianor. ad monashos. Migne XXV t. 748 col.).

— Унизительно для епископа льстивое отношеніе къ свѣтскимъ властямъ (Твор. Вас. Вел. VI т. 216 стр.).

Императору Валентиніану II, когда тотъ хотѣлъ возвратить всѣ прежнія права языческой религіи, св. Амвросій Медіоланскій писалъ: «Мы епископы никогда этого не потерпимъ спокойно. Ты можешь прійти въ церковь, но не найдешь тамъ священника, или найдешь священника, который воспретитъ тебѣ входъ. Что ты отвѣтишь священнику, если онъ скажетъ тебѣ: «церковь не хочетъ твоихъ даровъ, потому что ты почтилъ дарами язычниковъ; алтарь Христа гнушается твоими подарками, потому что ты устроилъ алтарь идоламъ... Господь не хочетъ твоей службы, ибо ты идоламъ служилъ, ибо онъ сказалъ тебѣ: нельзя служить двумъ господамъ». (Ambros. II t. 1 p. Epist. XVII, 8, 13—15 cap.).

Церковное ученіе о союзѣ Церкви и государства.

а) Блаженный Августинъ.

Тѣ, которые не хотятъ видѣть законовъ противъ нечестія, говорятъ, что апостолы не просили помощи у земныхъ царей. Кто такъ говоритъ, тотъ забываетъ, что тогда было иное время, а что все должно дѣлаться въ свое время. Ибо какой императоръ тогда увѣровалъ въ Христа и хотѣлъ бы служить Ему изданіемъ законовъ въ пользу благочестія противъ нечестія? Тогда исполнялось еще пророческое изреченіе: *Вскую шатошася языцы, и людіе поучишася тщетнымъ. Предсташа царіе земстіи и князи собрашася вкупѣ на Господа и на Христа Его* (Псал. 2, ст. 1—2). Тогда еще не приводилось въ дѣйствіе то, о чемъ говорится въ томъ же псалмѣ немного ниже: *И нынѣ, царіе, разумѣйте, накажитеся вси судящіи земли. Работайте Господеви со страхомъ и радуйтеся Ему съ трепетомъ.* Какимъ же образомъ цари служатъ Богу со страхомъ, если не воспрещая и наказывая съ благочестивою строгостью то, что противно заповѣдямъ Господнимъ? Ибо иначе служитъ царь Богу, какъ человѣкъ, и иначе, какъ царь. Какъ человѣкъ, онъ служитъ Богу, живя по христіански; но поелику онъ также царь, онъ служитъ Богу, издавая законы, повелѣвающіе то, что праведно, а противное сему воспрещая съ приличною строгостію. Такъ Господу служилъ Езекія (4 кн. Царствъ, гл. 18, ст. 4), который разрушилъ дубравы и капища языческія. Такъ служатъ Господу цари, поколику они цари, когда дѣлаютъ въ славу Божію то, что могутъ дѣлать только цари.

Никто изъ здравомыслящихъ не дерзнетъ сказать царямъ, что имъ нѣтъ нужды до того, каковы ихъ подданные, цѣломудры или развратны; и кто, кромѣ безумнаго, можетъ сказать имъ: не заботьтесь, въ какомъ бы состояніи не находилась Церковь Господня въ государствѣ вашемъ, пользуется-ли она миромъ или терпитъ бѣдствія отъ враговъ своихъ,—благочестіе или нечестіе подданныхъ вашихъ неподлежитъ вашему усмотрѣнію.

Пастыри церковные просятъ помощи у христіанскихъ императоровъ, не отомщая за себя, но охраняя ввѣренныя имъ паствы. Еслибы они этого не дѣлали, слѣдовало бы порицать ихъ за нерадѣніе. Ибо и апостолъ Павелъ не о своей жизни заботился, но о Церкви Божіей, когда, узнавъ о составленномъ противъ него заговорѣ, прибѣгнулъ къ помощи тысящника (Дѣян. 23; 12 и слѣд. 26; 32).

Итакъ укрощать и исправлять еретиковъ посредствомъ установленныхъ отъ Бога властей мнѣ кажется не безполезнымъ. А какъ апостолъ

говоритъ: *нѣсть власть, аще не отъ Бога*, то, безъ сомнѣнія, когда цари оказываютъ Церкви помощь, помощь сія намъ *о имени Господа, сотворившаго небо и землю* (Изъ посл. *Бл. Августина* къ Викентію. Ср. посл. къ Бонифацію).

б) Митрополитъ Московскій Филаретъ.

«Да, есть въ томъ польза, когда алтарь и престолъ союзны; но не взаимная польза есть первое основаніе союза ихъ, а самостоятельная истина, поддерживающая тотъ и другой. Благо и благословеніе царю покровителю алтаря; но не боится алтарь паденія и безъ сего покровительства. Правъ священникъ, проповѣдующій почтеніе царю, но не по праву взаимности, а по чистой обязанности, если бы то случилось и безъ надежды взаимности.. Константинъ Великій пришелъ къ алтарю Христову, когда сей уже стоялъ на пространствѣ Азіи, Европы и Африки: пришелъ не для того, чтобы поддержать оный своею мощью, но для того, чтобы со своимъ величествомъ повергнуться предъ его Святыней. Живый на небесѣхъ рано посмѣялся тѣмъ, которые поздно вздумали унизить Его божественную религію до зависимости отъ человѣческихъ пособій. Чтобы сдѣлать смѣшнымъ ихъ мудрованіе, Онъ три вѣка медлилъ призывать мудраго царя къ алтарю Христову, а между тѣмъ со дня на день возставали на разрушеніе алтаря сего: царь, народы, мудрецы, сила, искусство, корысть, хитрость, ярость. Что же, наконецъ? Все сіе исчезло, а церковь Христова стоитъ не потому, что поддерживается человѣческою силой»...

в) Никаноръ, архіепископъ Херсонскій.

Практика вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, и правила ихъ показываютъ, что въ нужныхъ обстоятельствахъ Церковь обращалась и должна обращаться къ гражданскимъ властямъ. Такъ, отцы карѳагенскаго собора, отправляя двухъ епископовъ посланниками отъ собора къ благочестивѣйшимъ самодержцамъ, между прочимъ, даютъ посланникамъ такое наставленіе (прав. 104): «поелику епископскій и мирный образъ дѣйствованія на донатистовъ употребленъ, и они, не могши отвѣщати противъ истины, обратились къ нелѣпымъ насильственнымъ поступкамъ, такъ что многихъ епископовъ и многихъ причетниковъ (да умолчимъ о мірянахъ) стѣснили навѣтами и въ нѣкоторыя Церкви вторгнулися, а въ другія такожде вторгнутися покушались; то царскому человѣколюбію предлежитъ попещися, чтобы каѳолическая Церковь, благочестною утробою Христу ихъ родившая и крѣпостію вѣры воспитавшая, была ограждена ихъ промышленіемъ; дабы въ благочестивыя ихъ времена дерзновенные человѣки не возгосподствовали надъ безсильнымъ народомъ, посредствомъ нѣкоего страха, когда не могутъ совратити оный посредствомъ убѣжденія. Посему противъ неистовства оныхъ отщепенцевъ просимъ дати намъ божествен-

ную помощь на необычайную и нечуждую святымъ писаніямъ. Ибо и апостолъ Павелъ, какъ показано въ Дѣяніяхъ апостольскихъ, соумышленое людей безчинныхъ препобѣдилъ воинскою силою. Такъ и мы просимъ о томъ, да неукоснительно подается охраненіе каѳолическимъ чинамъ Церквей въ каждомъ градѣ и разныхъ мѣстахъ, прилежащихъ къ каждому владѣнію. Подобаетъ вкупѣ просити благочестивѣйшихъ самодержцевъ, да соблюдаются законы, св. Церкви изданные прежними императорами. Въ силу этого канона соборовъ примѣра, и нынѣ іерархія православной русской Церкви имѣетъ не только право, но и долгъ просити Благочестивѣйшаго Самодержца всея Россіи о попеченіи, чтобы каѳолическая Церковь была ограждена промышленіемъ; дабы въ благочестивое Его царствованіе дерзновенные человѣки не возгосподствовали надъ безсильнымъ народомъ, дабы сохранялись въ православномъ русскомъ царствѣ законы, изданные разновременно противъ всякихъ отщепенцевъ, хулителей Бога, вѣры и Церкви,—законы, вытекшіе изъ всего духа нашей исторіи,—законы, заложенные въ основу не только Церкви въ русской землѣ, но и царства русскаго. (Изъ посланія къ Херсон. паствѣ).

г) Амвросій, архіепископъ Харьковскій.

«Многіе нынѣ почитаютъ лишнимъ участіе Церкви въ дѣлахъ общественныхъ. Многіе даже думаютъ, что Церковь, устроенная Богомъ для вѣчнаго спасенія людей, не должна имѣть никакихъ отношеній къ жизни гражданской или общественной. Правда, составляя сама въ себѣ особое духовное царство, Церковь не беретъ на себя устроенія внѣшняго, земного человѣческаго общежитія. Она не предлагаетъ никакихъ законовъ и постановленій относительно научнаго, или, по древнему выраженію, внѣшняго образованія, государственнаго управленія, суда, войны, охраненія народнаго здравія, условныхъ общественныхъ приличій и т. под. Но значитъ ли это, что она должна быть совершенно устранена отъ всякаго соучастія въ подобныхъ законоположеніяхъ и соотвѣтствующихъ имъ учрежденіяхъ? На западѣ имѣютъ основаніе такъ думать, но не должны такъ думать христіане Церкви Восточной, или Православные. Ученіе Православной вѣры видитъ въ этомъ взглядѣ несообразности, или очевидно противорѣчіе. Кто составляетъ видимую на землѣ Церковь? Вы сами, члены общества, исповѣдующіе православную вѣру совокупно со священствомъ, служащимъ дѣлу вашего спасенія. Какъ же вы можете раздѣлиться въ самихъ себѣ? Какъ вы можете быть христіанами въ духѣ, какъ члены Церкви, и переставать быть ими всякій разъ, когда обращаетесь ко благоустройству общественной жизни. Чтобы быть вѣрными себѣ, цѣльными, послѣдовательными, вы всѣ должны быть христіанами. Въ противномъ случаѣ одно изъ двухъ: или перестанете быть христіанами въ духѣ. или

руководитесь нехристіанскими воззрѣніями въ общественной жизни. Такое положеніе неестественно и опасно. Противорѣчія въ воззрѣніяхъ производитъ разладъ и нестроеніе въ жизни.

Въ какихъ же отношеніяхъ должны стоять къ Церкви государственные и общественные дѣятели и ихъ постановленія и учрежденія? Они должны быть въ союзѣ съ Церковью. Какъ этотъ союзъ достигается? Свободнымъ примѣненіемъ началъ христіанскаго міросозерцанія и опытовъ жизни къ общественной дѣятельности. Кто это примѣненіе или соглашеніе долженъ дѣлать? Сами общественные и государственные дѣятели. Въ какое же положеніе становится при этомъ Церковь? Она предлагаетъ имъ сокровища своего вѣдѣнія и опыта, ничего не навязывая насильно, никого ни къ чему не принуждая, никого ничѣмъ не стѣсняя. Православная Церковь ничего отъ своихъ членовъ не скрываетъ, затаенныхъ мыслей и цѣлей не имѣетъ, тайныхъ пружинъ, или происковъ для достиженія своихъ выгодъ не употребляетъ, все предоставляетъ свободному изслѣдованію и испытанію желающихъ.

Гдѣ же точки соприкосновенія церковной и государственной жизни? Въ чемъ долженъ состоять ихъ союзъ? Въ единствѣ взглядовъ и понятій о благѣ народовъ и о средствахъ для его достиженія.

Во-первыхъ, общественные дѣятели, согласно съ Церковью, должны быть убѣждены, что люди не могутъ совершенствоваться и быть счастливыми безъ развитія въ себѣ жизни духовной, когда они трудятся только для земного благосостоянія. Безъ мысли о вѣчности, безъ взора на небо они не могутъ быть сами собою, т. е. людьми, и одна жизнь животная не удовлетворитъ ихъ; она сдѣлаетъ изъ нихъ только самыхъ вредныхъ и опасныхъ животныхъ. Возбужденіе и развитіе въ людяхъ духовной жизни, охраненіе въ нихъ человѣческаго достоинства и есть первая услуга Церкви человѣческому обществу. Государство своими средствами можетъ устроять и охранять только внѣшнюю безопасность людей; наука развиваетъ только умы и обогащаетъ ихъ познаніями, и даже не въ силахъ дать имъ единство въ направленіи самыхъ познаній; искусства ведутъ только къ утонченнымъ наслажденіямъ и легко могутъ ниспасть въ область грубой чувственности. Обнимаетъ духъ человѣка со всѣхъ сторонъ, поднимаетъ глубочайшія его силы—совѣсть свободу, любовь, чувство истины и правды, способность самоотверженія, всесторонняго саморазвитія—и даетъ всѣмъ этимъ силамъ должное направленіе, крѣпость и взаимное согласіе—только Церковь. У нея одной есть для этого нужныя средства, данныя ей отъ Господа, ей одной извѣстны нужные для этого способы и пріемы. Поэтому общественные дѣятели не должны относиться къ Церкви горделиво, смотрѣть на нее, какъ на какую то старинную общину, которую каждый въ правѣ понимать какъ хочетъ, и преобразовывать какъ ему заблагоразсудится. Христіанскій дѣятель, исповѣдую-

щій съ дѣтства догматъ: «вѣрую во святую Церковь», долженъ глубоко знать ея достоинство, строеніе, права, законы, и всѣми своими расположеніями и учрежденіями давать ей свободу воспитывать духъ народа и сообразовать съ этой его задачей свои цѣли, и средства для устроенія общественнаго благосостоянія. Всякое законоположеніе, не приведенное въ согласіе съ цѣлями, съ дѣятельностью Церкви, будетъ безплодно или вредно въ дѣлѣ развитія и совершенствованія народа. Рознь съ него въ мѣропріятіяхъ для развитія умовъ породитъ заблужденіе, направленіе человѣческихъ склонностей и стремленій, несогласное съ ея пріемами, въ общемъ развитіи духа расплодитъ страсти и преступленія.

Наше время представляетъ намъ въ этомъ отношеніи поучительные опыты. Многіе мыслители и общественные дѣятели сначала на Западѣ, а потомъ у насъ, отрѣшились отъ Церкви, тяготясь ея вліяніемъ и указаніями. Съ Евангеліемъ въ рукахъ, питая уваженіе къ просвѣтительнымъ началамъ христіанства, они взяли самыя высшія истины изъ ученія Христова и принялись примѣнять ихъ по своему къ различнымъ планамъ и предположеніямъ относительно устроенія блага народовъ. Опыты не удались. Что можетъ быть выше ученія Христа Спасителя и Его Апостоловъ о различныхъ видахъ свободы человѣческой? Но въ ихъ рукахъ изъ свободы испытующаго разума вышла свобода отрицанія, изъ свободы воли—необузданное своеволіе, изъ свободы совѣсти—распущенность и безстрашіе по отношенію ко грѣху, изъ свободы вѣроисповѣданій—безразличіе къ вѣрѣ и покровительство ложнымъ религіямъ, изъ свободы въ выборѣ супруговъ—безнравственныя перемѣны связей. Что можетъ быть благотворнѣе для человѣческихъ обществъ ученія Христова объ отреченіи отъ своей собственности для блага другихъ, объ уваженіи къ человѣческой личности и многообразныхъ видахъ благотворительности? Но уже изъ добровольнаго отреченія отъ правъ собственности вышло право насильственнаго отнятія чужой собственности; уваженіе къ личности породило возмущеніе дѣтей противъ родителей, служителей—противъ господъ, работниковъ—противъ хозяевъ; а къ чистымъ видамъ благотворительности привились увеселенія.

И вотъ расторгаются общественныя связи, какъ ветхіе мѣхи, отъ не посильнаго возбужденія высокими Евангельскими истинами развращенныхъ умовъ и растлѣнныхъ сердецъ человѣческихъ. Тайной истолкованія высокихъ истинъ христіанства, пріученіемъ къ ихъ созерцанію умственныхъ очей человѣческихъ, примѣненіемъ этихъ истинъ къ жизни—владѣетъ только Церковь. Она же одна имѣетъ отъ Господа дары возрожденія растлѣнной природы человѣческой и способы укрѣпленія человѣческихъ силъ для осуществленія въ жизни ученія Христова.

Общественный порядокъ и благосостояніе держатся на чувствѣ зависимости, подчиненности, повиновенія властямъ. Церковь воспитываетъ въ

своихъ членахъ это чувство пробужденіемъ сознанія о собственной слабости, склонности къ ошибкамъ и проступкамъ, о волѣ Промысла, дающаго каждому въ мірѣ свое мѣсто, о значеніи земной власти, какъ права, дарованнаго отъ Верховнаго Правителя міра однимъ людямъ для охраненія порядка и безопасности между другими. Нынѣ, при отрицаніи этого ученія о поврежденіи человѣка, о Промыслѣ, о происхожденіи власти,— всѣ чувства зависимости, подчиненности, почтенія къ высшимъ получили названіе рабскихъ, унижающихъ человѣческое достоинство. Отсюда произошли устремленія цѣлыхъ массъ ко власти, возмущенія противъ властей законныхъ и появленіе властителей самозванныхъ. Правда, политическія и научныя воззрѣнія могутъ по времени измѣниться, умы могутъ получить иное направленіе, но ни наука, ни государственное законодательство не успокоятъ поднятаго нынѣ въ просвѣщенномъ мірѣ возбужденія страстей человѣческихъ. Это можетъ сдѣлать только Церковь своимъ вліяніемъ на сердца и совѣсти человѣческія всевластвующей силой Того, Кому «и вѣтры и море повинуются» (Мат. 8, 27). (Проповѣди Амвросія за 1873—1882 г., стр. 241—248).

«Всѣ современныя государственныя неурядицы, въ истинное смятеніе приводящія всякаго безпристрастнаго наблюдателя, суть естественные и необходимые плоды разрыва государственной жизни съ жизнью религіозно-нравственной. Они и должны были быть, и было бы чрезвычайно удивительно, если бы ихъ не было. Разъ какое бы то ни было государство начинаетъ забывать о своихъ высшихъ религіозно-нравственныхъ идеалахъ, благоволеніе Божіе покидаетъ эту страну, и въ ней неизбѣжны всякаго рода чудовищныя отступленія отъ правды во имя неправды и силы. Господь попускаетъ совершаться въ такихъ странахъ явнымъ преступленіямъ, помраченію мысли, торжеству софизмовъ, ожесточенію, растлѣнію нравовъ» (Проповѣди Амвросія, еп. Дмитровскаго, Викарія Московскаго, за 1873—1882 г., стр. 297). Явно, что государство не можетъ безнаказанно порывать свою коренную связь съ идеалами религіозными.

Епископъ Ѳеофанъ Затворникъ.

Царская власть, имѣя въ своихъ рукахъ способы удерживать движенія народныя и, держась сама христіанскихъ началъ, не попуститъ народу уклониться отъ нихъ, будетъ его сдерживать. Какъ антихристъ главнымъ дѣломъ своимъ будетъ имѣть отвлечь всѣхъ отъ Христа, то и не явится, пока будетъ въ силѣ царская власть. Она не дастъ ему развернуться, будетъ мѣшать ему дѣйствовать въ своемъ духѣ. Вотъ это и есть *удерживающее*. Когда-же царская власть падетъ, и народы всюду заведутъ самоуправство (республики, демократіи), тогда антихристу дѣйствовать будетъ просторно. Сатанѣ не трудно будетъ подготовлять голоса въ пользу-

отреченія отъ Христа, какъ это показалъ опытъ во время французской революціи. Некому будетъ сказать veto—властное. Смиренное-же заявленіе вѣры и слушать не станутъ. Итакъ, когда заведутся всюду такіе порядки благопріятные раскрытію антихристовскихъ стремленій, тогда и антихристъ явится. До того-же времени подождетъ, удержится...

Можно-бы основательно возразить, что народъ самъ будетъ блюсти свою вѣру. Но, какъ уже и впереди говорилось, трудно допустить, чтобы вѣра съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе возрастала въ силѣ. Свѣтлыя нѣкоторыхъ писателей изображенія христіанства въ будущемъ пріятно встрѣчать, но нечѣмъ оправдать. Царство Христово благодатное точно расширяется, ростетъ, полнѣетъ, но на землѣ видимо, а на небѣ невидимо, изъ лицъ, тамъ и здѣсь, въ земныхъ царствахъ, приготовляемыхъ туда спасительною силою Христовою. На землѣ-же предуказывается господство невѣрія и зла. Оно видимо расширяется; и когда уже очень возобладаетъ, тогда дѣло будетъ стоять только за началомъ. Подай только кто вліятельный примѣръ, или голосъ сильный, и отступленіе отъ вѣры начнетъ совершаться. Этотъ толчекъ и данъ будетъ антихристомъ. Отсюда можно положить, что удерживающее антихриста есть вмѣстѣ и то, что нѣтъ еще должной подготовки въ людяхъ къ принятію его; перевѣса еще не взяли невѣріе и нечестіе; много еще вѣры и добра въ родѣ человѣческомъ» [1]).

[1]) Бесѣдовательное толкованіе второго посланія къ Солунянамъ. Москва. 1873 г. 71—72 стр.

Глава IV.

Государственная власть о своихъ отношеніяхъ къ Церкви.

Какъ сама государственная власть въ лицѣ, конечно, православныхъ императоровъ, опредѣляла свои отношенія къ Церкви, можно видѣть изъ слѣдующихъ историческихъ свидѣтельствъ.

Когда Донастисты, недовольные судомъ соборовъ римскаго и арелатскаго, обратились къ суду самого императора Константина, онъ съ негодованіемъ сказалъ: «это дерзость»! «что еще нужно этимъ людямъ? Они настоящія орудія сатаны: они требуютъ суда отъ меня—меня, котораго самого ожидаетъ судъ Христовъ. Они обращаются ко мнѣ съ апелляціей, какъ будто рѣшеніе касается гражданскихъ дѣлъ. Они предметы небесные превращаютъ въ земные; но я говорю истинно, что судъ священнослужителей долженъ быть принимаемъ такъ, какъ бы Самъ Богъ возсѣдалъ въ ихъ судилищѣ; ибо имъ недозволено мыслить и судить иначе, нежели какъ наставлены они ученіемъ Христа (Евсевій «Исторія»). Но когда дѣло касалось сферы государственнаго порядка, тотъ же императоръ писалъ отцамъ собора Тирскаго: «Не знаю, каковы опредѣленія вашего собора, сдѣланныя среди мятежа и бури. Но кажется, что истина обезображена какимъ то возмутительнымъ безпорядкомъ... Да будетъ же дѣломъ Божія промысла,—обнаруживъ, разсѣять худыя слѣдствія сего раздора и ясно намъ показать, приложили ли вы, сошедшись вмѣстѣ, какое либо попеченіе объ истинѣ и точно ли опредѣленія ваши сдѣланы безъ всякой угодливости и вражды. Посему, хочу, чтобы всѣ вы съ поспѣшностью собрались къ моему благочестію и сами объяснили законность вами сдѣланнаго».

Императоръ Θеодосій младшій, назначая вселенскій соборъ въ Ефесѣ, писалъ св. Кириллу Александрійскому, что «вопросы о благочестіи (или православіи) не должны оставаться неизслѣдованными, и судіями въ рѣшеніи ихъ должны предсѣдательствовать всѣ предстоятели священства: чрезъ нихъ и мы будемъ тверже въ истинномъ ученіи». Тотъ-же импе-

раторъ, назначая на соборъ Ефесскій чиновника отъ себя, писалъ къ собору, что онъ посылаетъ этого человѣка «не затѣмъ, чтобы участвовать ему въ изслѣдованіяхъ о догматахъ: ибо непозволительно сущему внѣ списка святѣйшихъ епископовъ замѣшиваться въ церковные вопросы», но съ тѣмъ, чтобы онъ 1) толпы народа и монашествующихъ, собравшихся, или имѣющихъ собраться въ городъ, гдѣ назначенъ соборъ вселенскій, удалялъ отъ города; 2) заботился о прекращеніи несогласій между членами собора; 3) наблюдалъ чтобы никто изъ членовъ собора не удалялся изъ города ранѣе окончанія дѣла и 4) чтобы, наконецъ, не занимались на соборѣ дѣлами посторонними (Binii, concilium Ephes. p. 163, 166, 167).

6 новелла Юстиніана, вошедшая въ церковный кодексъ, гласитъ: «Великая паче инѣхъ, иже въ человѣцѣхъ два дара Божія, отъ Вышняго дарована человѣколюбія Божія—священство и царство: ово убо божественнымъ служа, се же человѣческими владѣя и пекійся, отъ единаго же и тогожде начала происходятъ, украшающе человѣческое житіе. Яко же ни что же тако бываетъ поспѣшнѣе царству сего ради, яко же святительская честь, о обоихъ самѣхъ тѣхъ присно вси Богови молятся. Аще бо они непорочни будутъ во всемъ и къ Богу имутъ дерзновеніе, и праведно и подобно украшати начнутъ грады имъ преданныя и сущая подъ ними, будетъ согласіе нѣкое—благо все, еже добро человѣчестѣй даруя жизни. Сему быти вѣруемъ, аще священныхъ правилъ соблюденіе сохранится, ихъ же, праведно похваляеми и поклоняеміи самовидцы Божію Слову, предаша апостоли и святіи отцы сохраниша и заповѣдаша».

Въ слѣдующемъ вѣкѣ—въ Эпанагогѣ императора Василія Македонянина (въ § 8 III главы)—говорится: и «Императоръ и патріархъ, священство и царство, имѣютъ отношеніе между собою, какъ душа и тѣло, и въ ихъ симфоніи состоитъ благо государства». Въ XII вѣкѣ императоръ Іоаннъ Комненъ писалъ папѣ Гонорію: «Два предмета въ продолженіи моего царствованія я признавалъ совершенно отличными одинъ отъ другого: одинъ—это власть духовная (т. е. священство), которая отъ великаго и высочайшаго Первосвященника, Князя міра, Христа, дарована Его апостоламъ и ученикамъ, какъ благо неизмѣнное, чрезъ которое (благо), по божественному праву, они получили власть вязать и рѣшить всѣхъ людей; а другой—предметъ—это власть мірская (т. е. царство), обращенная къ временному, по божественному слову: «воздадите Кесарю,—что ему принадлежитъ»,—власть заключенная въ своей сферѣ. Эти двѣ господствующія власти, хотя раздѣльны и различны, но дѣйствуютъ къ обоюдной пользѣ въ гармоническомъ соединеніи (т. е. симфоніи), вспомоществуя и дополняя одна другую. Онѣ могутъ быть сравнены съ двумя сестрами—Маріей и Марѳою, о которыхъ повѣствуется въ Евангеліи. Изъ согласнаго обнаруженія этихъ властей проистекаетъ общее благо, а изъ враждебныхъ отношеній великій вредъ. (Лебедевъ. Собраніе церк.-историческихъ соч. т. VII).

Въ XIV вѣкѣ въ алфавитной Синтагмѣ Матѳея Властаря говорится: «величайшія и необходимѣйшія части государства, составляемаго подобно человѣку изъ частей и частицъ, суть царь и патріархъ, почему миръ и счастіе подданныхъ и по душѣ и по тѣлу заключается въ единомысліи и согласіи (симфоніи) во всемъ священства и царства.

До Василія Темнаго русская Церковь была въ подчиненіи Константинопольскому патріаршему престолу. Но флорентійская унія, въ которой участвовалъ русскій митрополитъ Исидоръ, положила конецъ этому подчиненію Когда Исидоръ, явившись съ собора, началъ во исполненіе постановленія флорентійскаго собора, поминать папу, великій князь выступилъ въ роли защитника и блюстителя православія—«начали мы, писалъ великій князь византійскому императору, попеченіе имѣть о своемъ православіи, о безсмертныхъ нашихъ душахъ и о смертномъ часѣ и о предстаніи нашемъ на страшный судъ предъ Судьей всѣхъ тайныхъ помышленій».

Въ Москвѣ рѣшились поставить митрополита (Іону) соборомъ собственныхъ епископовъ; соборъ русскихъ епископовъ въ Москвѣ въ 1459 г. обязался повиноваться тому, кто будетъ поставленъ «по избранію Св. Духа... по повелѣнію господина великаго князя... русскаго самодержца, въ соборной церкви Св. Богородицы на Москвѣ» [1]). Иванъ III ввелъ вручение государемъ пастырскаго жезла новопоставленному главѣ русской церкви. Максимъ Грекъ опредѣлилъ отношеніе между властью духовной и свѣтской на Руси такъ: цари должны исправлять недостатки духовныхъ лицъ, какъ Константинъ, Ѳеодосій и Юстиніанъ, а святители должны обличать неправды и злоупотребленія царей, какъ Амвросій Медіоланскій.

Извѣстный церковный канонистъ проф. Н. А. Заозерскій [2]), полемизируя съ тѣми, кто утверждаетъ, якобы русскую Церковь поглощаетъ государство, говоритъ «неправда, что установленіемъ Св. Синода русская церковь превратилась въ государственное учрежденіе». У Петра Великаго и у Ѳеофана Прокоповича была мысль, поставить на мѣсто патріарха государственную коллегію, но, выражаясь словами митроп. Филарета,—«Провидѣніе Божіе и церковный духъ превратили ее въ Святѣйшій Синодъ», самодержавная власть въ Россіи въ лицѣ Петра Великаго сама высказалась со всею рѣшительностію противъ идеи цезарепапизма, когда сказала, «что не дѣло Государя рѣшать вопросы вѣры; это дѣло епископовъ». Государь есть высшій защитникъ и покровитель правъ и привилегій, опредѣляемыхъ закономъ гражданскимъ, а въ церкви есть защитникъ и покровитель правъ и привилегій, опредѣляемыхъ закономъ церковнымъ.

---

[1]) Р. И. Б. т. VI, № 83 столб. 630.

[2]) «О церковной власти», 1894 г., стр, 335.

Дѣйствующія взаимоотношенія русской Церкви и государства.

«Какое же въ теченіе двухъ послѣднихъ столѣтій было отношеніе государства къ церковному законодательству? Послѣ уничтоженія патріаршества, послѣ уничтоженія помѣстныхъ соборовъ къ Св. Пр. Синоду всецѣло перешла вся руководственно соборная власть. Въ вопросахъ догмата, въ вопросахъ каноническихъ съ этого времени Пр. Св. Синодъ дѣйствуетъ совершенно автономно. Не стѣсняется Синодъ государственной властью и въ вопросахъ церковнаго законодательства, восходящаго непосредственно на одобреніе Монарха и касающагося внутренняго управленія, внутренняго устроенія Церкви. Къ этой области относятся, напримѣръ, синодальное и консисторское законодательство, законодательство учебное, относящееся до академій, до семинарій, учебныхъ духовныхъ комитетовъ, касающееся церковныхъ старостъ и много другихъ еще вопросовъ. Но независимо отъ этого, вполнѣ самостоятельнаго церковнаго законодательства. Св. Синодъ, со времени его учрежденія, принимаетъ также живое участіе и въ общей законодательной жизни страны, связывающей Церковь съ другими сторонами государственнаго строя, государственнаго управленія. Въ этомъ отношеніи создался обиходъ въ большинствѣ случаевъ такой: если какой либо законопроектъ возникалъ въ Св. Синодѣ, то послѣдній черезъ оберъ-прокурора Св. Синода запрашивалъ заключеніе заинтересованныхъ вѣдомствъ. Если же законодательная иниціатива возникала въ томъ или другомъ Министерствѣ, то Министерство запрашивало со своей стороны заключеніе оберъ-прокурора Св. Синода, но послѣ этого всегда, во всѣхъ случаяхъ, послѣ разработки законопроекта онъ поступалъ на государственное уваженіе въ общемъ законодательномъ порядкѣ.

Обращеніе къ прошлому показываетъ, что естественное развитіе взаимоотношеній Церкви и Государства повело къ полной самостоятельности Церкви въ вопросахъ догмата, въ вопросахъ каноническихъ, къ нестѣсненію Церкви Государствомъ въ области церковнаго законодательства, вѣдающаго церковное устроеніе и церковное управленіе и къ *оставленію за собою государствомъ полной свободы въ дѣлѣ опредѣленія отношеній Церкви къ Государству.* Наука государственнаго права вполнѣ подтверждаетъ правильность такого порядка вещей. Говоря о господствующемъ исповѣданіи, нашъ извѣстный ученый Чичеринъ указываетъ на то, что Государство, конечно, въ правѣ надѣлять господствующую Церковь и политическими, и имущественными правами. «Но, говоритъ Чичеринъ, чѣмъ выше политическое положеніе Церкви въ Государствѣ, чѣмъ тѣснѣе она входитъ въ область государственнаго организма, тѣмъ значительнѣе должны быть и права Государства».

Отказъ Государства отъ церковно-гражданскаго законодательства, перенесеніе его всецѣло въ область вѣдѣнія Церкви, повело бы къ разрыву той вѣковой связи, которая существуетъ между Государствомъ и Церковью, той связи, въ которой Государство черпаетъ силу духа, а Церковь черпаетъ крѣпость, той связи, которая дала жизнь нашему Государству и принесла ей неоцѣнимыя услуги. Этотъ разрывъ ознаменовалъ бы также наступленіе новой эры взаимнаго недовѣрія, подозрительности между церковной властью и властью общезаконодательной, которая утратила бы природное свое свойство власти съ Церковью союзной. Государство въ глазахъ Церкви утратило бы значеніе Государства православнаго, а Церковь, въ свою очередь, была бы поставлена въ тяжелое положеніе, въ необходимость самой надѣлять себя политическими и гражданскими правами, со всѣми опасными отсюда проистекающими послѣдствіями. Поэтому ясно, мнѣніе о томъ, что Церковь должна сама опредѣлять свои права, свое положеніе въ Государствѣ, проистекаетъ изъ инстинктивнаго недовѣрія къ существующимъ государственнымъ установленіямъ, особенно съ того времени, когда начали принимать въ нихъ участіе иновѣрцы и лица нехристіанскаго вѣроисповѣданія. Но законодательныя рѣшенія, и то не окончательныя, принимаютъ не отдѣльныя лица, не думскія даже комиссіи, а Дума въ своемъ цѣломъ, которая, по словамъ Царскаго Манифеста, «должна быть русской по духу и въ которой иныя народности должны имѣть представителей своихъ нуждъ, но не въ количествѣ, дѣлающемъ ихъ вершителями дѣлъ чисто русскихъ». Затѣмъ, если бы Дума допустила ошибку, что всегда возможно, то законопроекты переходятъ вѣдь на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта и затѣмъ идутъ на судъ Монарха, Который по нашему закону является защитникомъ православной Церкви, является хранителемъ ея догматовъ.

Законный путь заключается въ томъ, что Государство, не вмѣшиваясь ни въ каноническіе, ни въ догматическіе вопросы, не стѣсняя самостоятельности Церкви въ Церковномъ законодательствѣ, оставляетъ за собою и право и обязанность опредѣлять политическія, имущественныя, гражданскія и общеуголовныя нормы, вытекающія изъ вѣроисповѣднаго состоянія гражданъ. Но и въ послѣднемъ вопросѣ правительство должно прилагать всѣ усилія для того, чтобы *согласовать интересы вѣроисповѣдной свободы и общегосударственные интересы съ интересами господствующей первенствующей Церкви* и съ этою цѣлью должны входить съ нею по этимъ вопросамъ въ предварительныя соглашенія. (П. А. Столыпина рѣчь въ Гос. Думѣ).

Глава V.

Церковь и государство по свѣтскимъ писателямъ.

Проф. Заозерскаго.

Извѣстный современный канонистъ проф. Заозерскій приводитъ слѣдующія опредѣленія Церкви: 1) Церковь есть общественный союзъ, параллельный Государству, даже болѣе обширный и сильный, чѣмъ Государство (средне-вѣковая римско-католическая теорія); 2) Церковь есть *часть* государственнаго организма (по древне-римскому государственному устройству и по нынѣ дѣйствующему русскому государственному праву); 3) Церковь есть частное въ Государствѣ общество, не имѣющее никакой съ первымъ аналогіи (протестантское воззрѣніе); 4) Церковь есть властная духовная организація, параллельная представляемой священствомъ властью матеріальной организаціи, представляемой императорскою властью (Византійское государственное устройство). Проф. признаетъ эти опредѣленія неправильными и съ своей стороны такъ опредѣляетъ Церковь.

Наиболѣе подходящею аналогіей для церковнаго союза служитъ понятіе *общества*. «Церковь есть союзъ единомыслящихъ», на этомъ принципѣ и зиждутся безчисленныя протестантскія общины, сектанты, старообрядческіе безпоповскіе толки.

Но различіе между понятіями «Церковь» и «общество» заключается въ той внутренней силѣ, которая сплачиваетъ личности въ союзъ церковный и союзъ общественный. Внутреннимъ стимуломъ, сплачивающимъ отдѣльныя личности въ союзъ общественный, служитъ спеціальный личный интересъ, которому отвѣчаетъ задача, цѣль общества. Солидарность интересовъ и согласованность личныхъ произволовъ обусловливаютъ и крѣпость и цѣлость общества. Не то въ Церкви: соціирующею силою здѣсь является влеченіе сердца—съ одной стороны, а съ другой—Божественное Лицо Христа. По Евангелію—Христосъ вселяется въ сердце человѣка, «вечеряетъ въ немъ». Это таинственное единеніе Единаго съ многими сближаетъ между собою послѣднихъ, ассимилируетъ духовно, дѣлаетъ родными

по духу, какъ бы обстоятельства пространства, времени и прочихъ условій человѣческой жизни ни различали, ни раздѣляли ихъ. Путь ко вступленію въ союзъ церковный открываетъ не умъ и не воля, а сердце; умъ и воля вступаютъ со своею дѣятельностью въ дальнѣйшей стадіи религіознаго воспитанія и совершенствованія тогда только, когда сердце стало способнымъ къ воспріятію Христа, горитъ къ Нему любовію. Холодность, «ожесточеніе» сердца—такое препятствіе на этомъ пути, котораго не въ силахъ преодолѣть ни какіе угодно научные аргументы, ни средства воздѣйствія, давленія на волю. Нужно обновленіе сердца, нужно «вновь родиться человѣку».

Итакъ, что же такое Церковь? Это есть духовная семья Единаго Отца Небеснаго. Что такое члены Церкви? Это—братья и сестры, старшіе и младшіе, «большіе» и «меньшіе». По канонической организаціи цѣлый каѳолическій союзъ Церкви состоитъ изъ такихъ семей: приходъ, монастырь, епархія, митрополія, помѣстная церковь, *вселенская церковь*, или родъ-народъ христіанскій, «народъ Божій, разсѣянный по вселенной».

Вопросами объ отношеніи Церкви къ государству много занимались русскіе писатели, особенно т. н. славянофилы.

Знаменитый славянофилъ А. С. Хомяковъ, много занимавшійся богословскими вопросами, такъ опредѣляетъ понятіе Церкви:

Церковь, по опредѣленію *Хомякова* [1]), своимъ догматическимъ ученіемъ пребываетъ для всѣхъ временъ въ Священномъ Писаніи и догматическихъ рѣшеніяхъ Вселенскихъ соборовъ; по животворной силѣ она проходитъ чрезъ всѣ времена въ святыхъ Божіихъ Таинствахъ и въ многозначительномъ, хотя и измѣняемомъ, обрядѣ; по своему человѣческому составу она проявляется во всѣхъ своихъ членахъ.

Сфера Церковная и Государственная по Хомякову.

А. С. Хомяковъ говоритъ о сферѣ дѣйствія Церкви и государства такъ:

— Въ православной Церкви произведено полное раздѣленіе дѣлъ вѣры отъ дѣлъ мірскихъ: въ первыхъ дѣлахъ всѣ, начиная съ Государя и оканчивая послѣднимъ его подданнымъ, обязаны безпрекословно подчиняться постановленіямъ всей церкви; въ дѣлахъ мірскихъ — всѣ обязаны подчиняться верховной государственной власти и ея представителямъ. Въ своемъ положительномъ законѣ государство опредѣляетъ среднюю нравственную высоту, ниже которой стоятъ многіе его члены, и выше которыхъ всегда стоятъ нѣкоторые. Христіанинъ, являясь гражданиномъ обоихъ обществъ, совершеннаго небеснаго — Церкви и несовершеннаго земного — государства, совмѣщаетъ обязанности обѣихъ областей, перенося

[1]) Т. 1 стр. 238.

постоянно уроки высшей въ низшую, повинуясь обѣимъ; а равно и все гражданское общество, признавая абсолютный духовный законъ, должно постоянно черпать изъ него для своей жизни уроки въ отношеніи къ положительному праву [1]).

Другой извѣстный славянофилъ *И. Кирѣевскій* пишетъ: «Древняя русская Церковь твердо опредѣлила навсегда границы между собою и мірскимъ государствомъ, всегда оставаясь внѣ государства и его мірскихъ отношеній, высоко надъ ними, какъ недосягаемый свѣтлый идеалъ, къ которому они должны стремиться и который самъ не смѣшивался съ ихъ земными пружинами. Управляя личнымъ убѣжденіемъ людей, православная Церковь никогда не имѣла притязанія насильственно управлять ихъ волею или пріобрѣтать власть свѣтско-правительственную, или еще менѣе искать формальнаго господства надъ правительственною властію. Государство, правда, стояло Церковію: оно было тѣмъ крѣпче въ своихъ основахъ, тѣмъ святѣе въ своемъ устройствѣ, тѣмъ цѣльнѣе въ своей внутренней жизни, чѣмъ болѣе проникалось ею. Но Церковь никогда не стремилась быть государствомъ, какъ и государство, въ свою очередь, смиренно сознавая свое мірское назначеніе, никогда не называло себя «святымъ».

«Призваніе человѣка, говоритъ *К. С. Аксаковъ* въ своей «Запискѣ о внутреннемъ состояніи Россіи», и есть нравственное приближеніе къ Богу, къ своему Спасителю; законъ человѣка—внутри его самого Этотъ законъ: полная любовь къ Богу и ближнему. Если бы таковы были всѣ люди, если-бы они были святы, тогда не нужно было государства, тогда было бы уже царство Божіе на землѣ. Но люди не таковы и, сверхъ того, не таковы въ разной степени; законъ внутренній для нихъ недостаточенъ, необходимъ законъ внѣшній, необходимо государство—власть отъ міра сего».

Вопросомъ объ отношеніи Церкви къ государству много занимался и *И. С. Аксаковъ*.—Христіанское ученіе, говоритъ онъ, учитъ выплачивать государству слѣдующій ему динарій, молиться за право-правящихъ, вообще *бояться* только Бога и *чтить* земную предержащую власть, повинуясь ей во всемъ, что относится до ея области. Если Церковь настаиваетъ на исполненіи гражданами своихъ обязанностей, то не потому, что это выгодно для государства, а потому, что это требуется (и при томъ только въ той мѣрѣ, въ какой требуется) Самимъ Христовымъ завѣтомъ. Она имѣетъ въ виду не гражданъ, а членовъ церкви, общество не политическое, а общество вѣрующихъ. Она побуждаетъ послѣднихъ къ совершенію только своего христіанскаго долга, и только съ этой точки зрѣнія смотритъ на долгъ въ отношеніи къ государству, но, во всякомъ случаѣ, обязываетъ вѣрующихъ воздавать кесарю, что принадлежитъ кесарю. Церковь

[1]) Хомяковъ, II, 239—241.

не можетъ снизойти на степень государства, не измѣнивъ своему основному характеру, не утративъ своей свободы и святости съ одной стороны,—не стѣснивъ свободы и правильности государственныхъ отправленій—съ другой. Государство не должно присваивать себѣ ни авторитета, ни атрибутовъ Церкви, ни дѣлать Церковь подчиненнымъ себѣ орудіемъ: иначе оно внесетъ ложь и лицемѣріе, какъ въ свою сферу, такъ и въ сферу церковную, и подорветъ авторитетъ Церкви. Исторія указываетъ намъ немало примѣровъ, какимъ зломъ вѣнчалось всегда вмѣшательство Церкви въ дѣла государства, соединеніе власти духовной съ властью свѣтской, совмѣщеніе въ одной рукѣ меча духовнаго съ мечомъ государственнымъ,—однимъ словомъ, облеченіе Церкви въ доспѣхи государственнаго могущества. Точно также и государство, если бы вздумало присвоить себѣ значеніе и власть Церкви, если бы взялось быть судьей и рѣшителемъ вѣры, внесло бы въ Церковь элементъ, совершенно инородный, чуждый, ограничило бы безпредѣльную духовность вѣры, овнѣшило бы, огрубило бы ее, однимъ словомъ, исказило бы самое существо Церкви.

Высокій подвигъ совершаетъ правительство, когда бодрственно стоитъ на стражѣ храма въ то время, когда въ немъ совершается богослуженіе и возсылается общественная молитва; стоитъ на стражѣ и не можетъ вторгнуться въ храмъ, *какъ устройство*, но какъ человѣкъ можетъ принимать участіе въ этой жизни».

По ученію А. А. Кирѣева, между Церковью и государствомъ должна быть органическая связь. «Въ силу этой органической связи Государь при чинѣ вѣнчанія на царство, принимая отъ Московскаго митрополита царскій вѣнецъ, произноситъ православный символъ вѣры и тѣмъ нравственно связываетъ свою совѣсть, и, какъ христіанскій государь, является отвѣтственнымъ предъ Богомъ и Церковью. Этотъ обрядъ вѣнчанія знаменуетъ неразрывную, органическую связь государства съ Церковью, связь, превращающую «Государство—Россійское» въ «Святую Русь».

Формула церкви по Соловьеву.

Церковь, какъ мы знаемъ, есть богочеловѣческая организація, нравственно опредѣляемая благочестіемъ. По самому существу этого мотива съ церкви божественное начало рѣшительно преобладаетъ надъ человѣческимъ, въ ихъ связи первое преимущественно дѣятельно, а второе по преимуществу страдательно: такъ, очевидно, должно быть при прямомъ соотношеніи человѣческой воли съ высшимъ началомъ. Дѣятельное проявленіе этой воли, требуемое самимъ Божествомъ, возможно только въ мірской области, собирательно представляемой государствомъ и имѣющей свою дѣйствительность раньше откровенія божественнаго начала и внѣ прямой зависимости отъ него. Христіанское государство связано съ Боже-

ствомъ, какъ и Церковь, оно есть также въ извѣстномъ смыслѣ богочеловѣческая организація, но уже съ преобладаніемъ человѣческаго начала, гдѣ возможно только потому, что это государство имѣетъ реализацію божественнаго начала не въ себѣ, а передъ собою—въ Церкви. (Оправданіе добра. Влад. Соловьева. Стр. 560—61).

Итакъ нормальное отношеніе между Церковью и государствомъ состоитъ въ томъ, что государство признаетъ за вселенскою Церковью принадлежащій ей высшій духовный авторитетъ, обозначающій общее направленіе доброй воли человѣчества и окончательную цѣль ея историческаго дѣйствія, а Церковь предоставляетъ государству всю полноту власти для соглашенія законныхъ мірскихъ интересовъ съ этою высшею волей и для сообразованія политическихъ отношеній и дѣлъ съ требованіями этой окончательной цѣли,—такъ чтобы и церкви не было никакой принудительной власти, а принудительная власть государства не имѣла никакого соприкосновенія съ областью религіи.

Глава VI.

Возможно ли отдѣленіе Церкви отъ государства.

Этимъ вопросомъ много занимался почившій К. П. Побѣдоносцевъ. «Въ Московскомъ Сборникѣ» онъ посвящаетъ разсмотрѣнію этого вопроса слѣдующія разсужденія:

Какъ бы ни была громадна власть Государственная, она утверждается не на иномъ чемъ, какъ на единствѣ духовнаго самосознанія между народомъ и правительствомъ, на вѣрѣ народной. власть подкапывается съ той минуты, какъ начинается раздвоеніе этого, на вѣрѣ основаннаго, сознанія. Народъ, въ единеніи съ Государствомъ, много можетъ понести тягостей, много можетъ уступить и отдать государственной власти. Одного только государственная власть не въ правѣ требовать, одного не отдадутъ—того, въ чемъ каждая вѣрующая душа въ отдѣльности, и всѣ вмѣстѣ, полагаютъ основаніе духовнаго бытія своего и связываютъ себя съ вѣчностью. Есть такія глубины, до которыхъ государственная власть не можетъ и не должна касаться, чтобы не возмутить коренныхъ источниковъ вѣрованія въ душѣ у всѣхъ и каждаго.

Въ историческомъ ходѣ событій на западѣ Европы, неразрывно связанныхъ съ развитіемъ римско-католической церкви, сложилось и вошло въ систему государственнаго устройства понятіе о Церкви, какъ объ учрежденіи духовно-политическомъ.

Изъ-за этого политическаго значенія Церкви отошло на задній планъ природное понятіе о Церкви, какъ о собраніи христіанъ, органически связанныхъ единствомъ вѣрованія въ союзъ богоучрежденный. Это понятіе таится, однако, въ глубинѣ народнаго сознанія, соотвѣтствуя самой коренной и глубочайшей потребности души человѣческой—потребности вѣрованія и единенія въ вѣрѣ. Въ этомъ смыслѣ Церковь, какъ общество вѣрующихъ, не отдѣляетъ и не можетъ отдѣлять себя отъ государства, какъ общества соединеннаго въ гражданскій союзъ. До какого бы совершенства ни достигло въ умѣ логическое построеніе отношеній, на раздѣленіи основан-

ныхъ, между государствомъ и Церковью, имъ не удовлетворится простое сознаніе въ массѣ вѣрующаго народа. Жизнь духовная ищетъ и требуетъ выше всего единства духовнаго. Вѣрованіе,—по свойству своему безусловное, не терпитъ ничего условнаго.

Возразятъ, можетъ быть, что здѣсь дѣло идетъ о личномъ вѣрованіи. Но личное вѣрованіе не отдѣляетъ себя отъ вѣрованія церковнаго, такъ какъ существенная его потребность есть единеніе въ вѣрѣ, и этой потребности оно находитъ удовлетвореніе въ Церкви.

Въ Западной Европѣ издавна продолжается борьба Церкви съ государствомъ и государства съ Церковью. Государство опирается на силы интеллигенціи, Церковь опирается на вѣрованіе народной массы и на сознаніе авторитета духовнаго.

Хотя къ вѣрованію обыкновенно примѣняется понятіе объ убѣжденіяхъ, но убѣжденіе разсудка нельзя смѣшать съ убѣжденіемъ вѣры, и сила умственная, сила интеллигенціи и мышленія весьма ошибается, если полагаетъ въ себѣ самой все нужное для силы духовной, независимо отъ вѣрованія, составляющаго самую сущность духовной силы. Когда, въ эпоху реформаціи, государственная власть въ Германіи становилась во главѣ движенія противъ старой церковной власти и вырабатывала новую организацію Церкви,—она обладала дѣйствительною духовною силою вѣрованія. Движеніе, къ которому присоединилась она, возникло въ массѣ народной, проникнутое глубокимъ, сосредоточеннымъ вѣрованіемъ: первые вожаки его, представляя въ себѣ высшую интеллигенцію тогдашняго общества, въ то же время горѣли огнемъ вѣры глубокой, объединявшей ихъ съ народомъ. Итакъ, въ этомъ движеніи сосредоточилась громадная духовная сила, которой должна была уступить, послѣ долголѣтней борьбы, вѣками утвердившаяся сила стараго закона.

Политическая наука построила ученіе о рѣшительномъ отдѣленіи Церкви и государства, ученіе, вслѣдствіе коего, по закону, не допускающему двойственнаго раздѣленія центральныхъ силъ, Церковь непремѣнно оказывается на дѣлѣ учрежденіемъ подчиненнымъ государству. Вмѣстѣ съ тѣмъ государство, какъ учрежденіе, въ политической идеѣ своей является отрѣшеннымъ отъ всякаго вѣрованія и равнодушнымъ къ вѣрованію. Съ этой точки зрѣнія Церковь представляется не инымъ чѣмъ, какъ учрежденіемъ, удовлетворяющимъ одной изъ признанныхъ государствомъ потребностей населенія—потребности религіозной, и новѣйшее государство обращается къ ней съ правомъ своей авторизаціи, своего надзора и контроля, не заботясь объ вѣрованіи. Для государства, какъ для верховнаго учрежденія политическаго, такая теорія привлекательна, потому что обѣщаетъ ему полную автономію, рѣшительное устраненіе всякаго, даже духовнаго, противодѣйствія, и упрощеніе всѣхъ операцій церковной его политики. Но этой теоріи, сочиненной въ кабинетѣ министра и ученаго

народное вѣрованіе не приметъ. Во всемъ, что относится до вѣрованія, сознаніе народное отвращается отъ искусственно составленныхъ понятій. Такъ, напримѣръ, политическая теорія можетъ удобно мириться съ оставленіемъ въ должности и на церковной каѳедрѣ пастора, или профессора на богословской каѳедрѣ, который (явленіе, къ несчастію, ставшее уже обычнымъ въ Германіи) публично объявилъ, что не вѣруетъ въ Божество Спасителя; но совѣсть народная никогда не пойметъ такой конструкціи понятія о церковномъ пастырѣ, и съ отвращеніемъ назоветъ ее ложью. Печально и ненадежно будетъ положеніе государственной власти, когда ея распоряженіе и дѣйствіе по предметамъ, относящимся до вѣры—совѣсть народная привыкнетъ ставить въ ложь и причитать къ безвѣрію.

Проповѣдуется отдѣленіе Церкви отъ государства. Тутъ одни слова, но нѣтъ единой идеи, потому что подъ однимъ словомъ отдѣленія разумѣть можно многое. Пусть опредѣлятъ сначала, въ чемъ оно заключается. Ученые люди опредѣляютъ его такъ: государству не должно быть дѣла до Церкви и Церкви—до государства.

Можно ли ожидать, чтобы Церковь—какая бы то ни была—согласилась устранить изъ сознанія своего гражданское общество, семейное общество, человѣческое общество—все то, что разумѣется въ словѣ: государство? Съ которыхъ поръ положено, что Церковь существуетъ для того, чтобы образовывать аскетовъ, наполнять монастыри и выказывать въ храмахъ поэзію своихъ обрядовъ и процессій? Нѣтъ, все это—лишь малая часть той дѣятельности, которую Церковь ставитъ себѣ цѣлью. Ей указано иное званіе: научите вся языки. Вотъ ея дѣло. Ей предстоитъ образовывать на землѣ людей для того, чтобы люди, среди земного града и земной семьи, содѣлались не совсѣмъ недостойными вступить въ градъ небесный и въ небесное общеніе. При рожденіи, при бракѣ, при смерти,—въ самые главные моменты бытія человѣческаго, Церковь является съ тремя торжественными таинствами,—а говорятъ, что ей нѣтъ дѣла до семейства. На нее возложено внушить народу уваженіе къ закону и къ властямъ, внушить власти уваженіе къ свободѣ человѣческой.—а говорятъ, что ей нѣтъ дѣла до общества.

Нѣтъ,—нравственное начало едино. Оно не можетъ двоиться, такъ чтобы одно было нравственное ученіе частное, другое общественное. Единое нравственное начало объемлетъ всѣ отношенія—частныя, домашнія, политическія, и Церковь, хранящая сознаніе своего достоинства, никогда не откажется отъ своего законнаго вліянія, въ вопросахъ, относящихся и до семьи, и до гражданскаго общества.

Самая древняя система отношеній между Церковью и государствомъ есть установленной или государственной церкви. Государство признаетъ одно вѣроисповѣданіе изъ числа всѣхъ истиннымъ вѣроисповѣданіемъ и одну Церковь исключительно поддерживаетъ и покровительствуетъ, всѣ

остальныя церкви не признаются истинными. Государство не можетъ быть представителемъ однихъ матеріальныхъ интересовъ общества, въ такомъ случаѣ оно само себя лишило бы духовной силы и отрѣшилось бы отъ духовнаго единенія съ народомъ. Государство тѣмъ сильнѣе тѣмъ болѣе имѣетъ значенія, чѣмъ явственнѣе въ немъ обозначается представительство духовное. Только подъ этимъ условіемъ поддерживается и укрѣпляется въ средѣ народной и въ гражданской жизни чувство законности, уваженіе къ закону и довѣріе къ государственной власти. Ни начало цѣлости государственной или государственнаго блага, государственной пользы, ни даже начало нравственное—сами по себѣ недостаточны къ утвержденію прочной связи между народомъ и государственною властью; и нравственное начало неустойчиво, непрочно, лишено основного корня, когда отрѣшается отъ религіозной санкціи. Довѣріе массы народа къ правителямъ основано на вѣрѣ, т. е. не только на единовѣріи народа съ правительствомъ, но и на простой увѣренности въ томъ, что правительство имѣетъ вѣру и по вѣрѣ дѣйствуетъ.

Съ 1848 года нахлынувшія волны либерализма угрожаютъ ниспровергнуть древнія основы христіанской государственности. Провозглашается—освобожденіе государства отъ Церкви. Провозглашается и отрѣшеніе Церкви отъ государства: всякій воленъ вѣровать какъ угодно или—ни во что не вѣровать. Символомъ этой доктрины служатъ основныя начала, провозглашенныя Франкфуртскимъ Парламентомъ 1848/9 года. Они послужили и служатъ до-нынѣ идеаломъ для проведенія либеральныхъ началъ въ новѣйшія законодательства. Политическія и гражданскія права отрѣшаются отъ вѣрованія и отъ принадлежности къ той или иной церкви и сектѣ. Государство никого не спрашиваетъ о вѣрѣ. Отъ Церкви отрѣшается и заключеніе брака и веденіе актовъ гражданскаго состоянія. Провозглашается полная свобода смѣшанныхъ браковъ, а церковное начало неразрывности брака нарушается облегченіемъ развода, отрѣшеннаго отъ судовъ церковныхъ.

Въ виду всѣхъ измѣненій,—достигающихъ въ нынѣшней оффиціальной Франціи до отрицанія вѣры и до насилія надъ церковнымъ вѣрованіемъ, позволительно спросить: можно ли новѣйшее государство признать государствомъ христіанскимъ? Но здѣсь открывается та же непослѣдовательность, какую видимъ въ отдѣльномъ лицѣ, когда оно, отрекшись отъ христіанства, въ то же время ведетъ жизнь, въ которой отражаются всѣ христіанскія начала. Подобно тому видимъ, что и новѣйшее государство—отрекаясь отъ органическаго союза съ Христіанскою Церковью, не можетъ обойтись безъ формъ и обрядовъ, предполагающихъ христіанское вѣрованіе, и государству въ парламентѣ и во всѣхъ дѣлахъ общественныхъ приходится считаться съ партіями того или иного вѣроисповѣданія. Сѣверо-американскій Союзъ есть страна религіознаго равенства. Ко всякой отдѣль-

ной церкви, ко всякому религіозному обществу государство относится не иначе какъ къ частной корпораціи. Въ школахъ, завѣдываемыхъ государствомъ, не допускается обученіе Закону Божію и обязательное чтеніе Библіи. И при всемъ томъ конгрессъ открываетъ свои засѣданія молитвою, при участіи духовнаго лица. Духовныя лица содержатся государствомъ при арміи и флотѣ. Президентъ объявляетъ отъ времени до времени установленные дни благодарственные и покаянные. Святость воскреснаго дня охраняется строгимъ закономъ. Въ нѣкоторыхъ штатахъ установлены строгія наказанія за божбу и богохуленіе.

Не слѣдуетъ ли изъ этого, что государство безвѣрное есть не что иное, какъ утопія невозможная къ осуществленію, ибо безвѣріе есть прямое отрицаніе государства. Религія, и именно христіанство, есть духовная основа всякаго права въ государственномъ и гражданскомъ быту и всякой истинной культуры. Вотъ почему мы видимъ, что политическія партіи самыя враждебныя общественному порядку, партіи радикально отрицающія государство, провозглашаютъ впереди всего, что религія есть одно лишь личное, частное дѣло, одинъ лишь личный и частный интересъ.

Какъ бы категорически не выводилось отвлеченнымъ ученіемъ правило: «всѣ церкви и всѣ вѣрованія равны; все равно, что одна вѣра, что другая»,—съ этимъ положеніемъ, въ дѣйствительности, для себя лично, не можетъ согласиться безусловно ни одна душа, хранящая въ глубинѣ своей и испытывающая потребность вѣры. Положимъ, что сегодня провозглашено будетъ въ государствѣ самое строгое и точное уравненіе всѣхъ церквей и вѣрованій передъ закономъ. Пройдетъ 30, 50 лѣтъ со времени законнаго уравненія церквей—и тогда обнаружится, что въ числѣ церквей есть одна, которая въ сущности пользуется преобладающимъ вліяніемъ и господствуетъ надъ умами и рѣшеніями.

Сѣверо-американскій Союзъ поставилъ основнымъ условіемъ своего устройства—не имѣть никакого дѣла до вѣры. Послѣдствіемъ такого юридическаго состоянія выходитъ на дѣлѣ, что преобладающею церковью въ Соединенныхъ Штатахъ становится мало-по-малу римское католичество. Въ Сѣверной Америкѣ пользуется оно такою свободою преобладанія, какой не имѣетъ ни въ одномъ европейскомъ государствѣ. Не стѣсняясь никакимъ отношеніемъ къ государству, не подвергаясь никакому контролю, папа распредѣляетъ въ Сѣверной Америкѣ епархіи, назначаетъ епископовъ, основываетъ во множествѣ духовные ордена и монастыри, окидываетъ всю территорію мало-по-малу частою сѣтью церковныхъ агентовъ и учрежденій. Захватывая подъ свое вліяніе массы католиковъ, ежегодно увеличивающіяся съ прибытіемъ новыхъ эмигрантовъ, папство считаетъ уже нынѣ своею—цѣлую четверть всего населенія, въ виду отдѣльныхъ грехъ четвертей, разбитыхъ на множество сектъ и толковъ.

На бумагѣ можно отличить опредѣленною чертою и разграничить область политической дѣятельности отъ духовно-нравственной. На самомъ дѣлѣ не то. Людей невозможно считать только умственными машинами, располагая ими такъ, какъ располагаетъ полководецъ массами солдатъ, когда составляетъ планъ баталіи. Всякій человѣкъ вмѣщаетъ въ себѣ міръ духовно-нравственной жизни; изъ этого міра выходятъ побужденія, опредѣляющія его дѣятельность во всѣхъ сферахъ жизни, а главное, центральное изъ побужденій проистекаетъ отъ вѣры, отъ убѣжденія въ истинѣ.

И такъ, свободное государство можетъ положить, что ему нѣтъ дѣла до свободной церкви; только свободная церковь, если она подлинно основана на вѣрованіи, не приметъ этого положенія и не станетъ въ равнодушное отношеніе къ свободному государству. Церковь не можетъ отказаться отъ своего вліянія на жизнь гражданскую и общественную; если вмѣстѣ съ тѣмъ не отречется отъ своего божественнаго призванія, если хранитъ вѣру въ него и сознаніе долга, съ нимъ связаннаго. На Церкви лежитъ долгъ учительства и наставленія. Церкви принадлежитъ совершеніе таинствъ и обрядовъ, изъ коихъ нѣкоторые соединяются съ важнѣйшими актами и гражданской жизни. Въ этой своей дѣятельности Церковь, по необходимости, безпрестанно входитъ въ соприкосновеніе съ общественною и гражданскою жизнью (не говоря о другихъ случаяхъ, достаточно указать на вопросы брака и воспитанія). Итакъ, въ той мѣрѣ, какъ государство, отдѣляя себя отъ церкви, предоставляетъ своему вѣдѣнію исключительно гражданскую часть всѣхъ такихъ дѣлъ и устраняетъ отъ себя вѣдѣніе духовно-нравственной ихъ части, Церковь по необходимости вступитъ въ отправленіе, покинутое государствомъ, и, въ отдѣленіи отъ него, завладѣетъ мало по-малу вполнѣ и исключительно тѣмъ духовно-нравственнымъ вліяніемъ, которое и для государства составляетъ необходимую, дѣйствительную силу. За государствомъ останется только сила матеріальная и, можетъ быть, еще разсудочная, но и той и другой недостаточно, когда съ ними не соединяется сила вѣры. Итакъ, мало-по-малу, вмѣсто воображаемаго уравненія отправленій государства и Церкви въ политическомъ союзѣ, окажется неравенство и противоположеніе

Вл. С. Соловьевъ объ отдѣленіи Церкви отъ государства

Полное отдѣленіе Церкви отъ государства принуждаетъ церковь къ одному изъ двухъ: или отказаться отъ всякаго дѣятельнаго служенія Добру и предаться квіэтизму и равнодушію, что противно духу Христову, или же имѣя ревность къ дѣятельному приготовленію міра для пришествія Царства Божія, но не имѣя въ разобщеніи и отчужденія отъ государства никакихъ способовъ для реализаціи своего духовнаго дѣйствія, церковь въ лицѣ своихъ властныхъ представителей сама хватается за реальныя орудія мірского дѣйствія, вмѣшивается во всѣ земныя дѣла и при несо-

мѣнной чистотѣ и высотѣ первоначальной цѣли, все болѣе и болѣе о ней забываетъ въ заботѣ о средствахъ, и если бы такому смѣшенію дозволено было упрочиться, то церковь теряла бы самое основаніе своего бытія. Не менѣе пагубнымъ оказывается это разобщеніе и для другой стороны. Отдѣленное отъ церкви государство или совсѣмъ отказывается отъ духовныхъ интересовъ, лишается высшаго освященія и достоинства и вслѣдъ за нравственнымъ уваженіемъ теряетъ и матеріальную покорность подданныхъ; или же сознавая важность духовныхъ интересовъ въ жизни человѣческой, но не имѣя, при своемъ отчужденіи отъ церкви, компетентной и самостоятельной инстанціи, которой оно могло бы предоставить высшее попеченіе о духовномъ благѣ своихъ подданныхъ, или о воспитаніи народовъ для Царства Божія, государство рѣшается брать эту заботу всецѣло въ свои руки; а для этого ему пришлось бы послѣдовательно присвоить себѣ высшій духовный авторитетъ, что было бы безумною и пагубною узурпаціей, напоминающею «человѣка беззаконія» послѣднихъ дней: ясно, что государство, забывая свое сыновнее положеніе относительно Церкви, выступало бы тутъ во имя свое, а не во имя Отца.

О свободѣ совѣсти.

Какъ должно относиться къ религіозной свободѣ государство? Должно ли оно какъ-либо ограничивать эту свободу или вполнѣ признавать ее? Въ 1888 г. Швейцарскій центральный комитетъ евангелическаго союза христіанъ обратился къ Императору Александру III съ ходатайствомъ объ отмѣнѣ законовъ, воспрещающихъ членамъ православной церкви переходить въ другія исповѣданія.

Вотъ что писалъ К. П. Побѣдоносцевъ отъ имени Государя Александра III на имя президента этого союза—Эдуарда Навилля.

«Нигдѣ въ Европѣ инославныя и даже нехристіанскія исповѣданія не пользуются столь широкою свободою, какъ посреди русскаго народа. Увы, въ Европѣ не хотятъ признать этой истины. Почему? Потому единственно, что тамъ къ понятію о свободѣ исповѣданія примѣшалось безусловное право пропаганды его. И вотъ источникъ вашихъ сѣтованій, говоритъ оберъ-прокуроръ, на наши законы о совращеніяхъ изъ православія и объ отпаденіяхъ отъ него. Въ этихъ законахъ, ограждающихъ господствующее въ Россіи исповѣданіе и устраняющихъ посягательство на спокойствіе его, Европа видитъ ограниченіе свободы для другихъ исповѣданій, даже преслѣдованіе ихъ». «Охрана православной вѣры отъ колебаній и отъ покушеній на нее, съ какой-то бы ни было стороны, составляетъ важнѣйшій историческій долгъ Россіи, потребность жизни ея». «Россіи нужна твердая устойчивость въ собственныхъ началахъ. Что бы было съ Россіей, съ чувствомъ глубокаго патріотизма, если бы она, окруженная

съ востока и запада многими десятками народностей и исповѣданій, и постепенно давая имъ пріютъ у себя, колебалась въ недоумѣніи между одними и другими! Отъ Азіи шли мусульманскія вліянія, западныя исповѣданія у насъ были несвободны отъ мірскихъ видовъ: католицизмъ проникся полонизмомъ, лютеранство, въ лицѣ бывшихъ ливонскихъ рыцарей, ведетъ борьбу съ туземцами, ищущими единенія съ Россіей,—за исключительное господство въ краѣ». Извѣстная русская писательница Новикова въ статьѣ, написанной по поводу книги Стэда: «Правда о Россіи», пишетъ: «Единство Церкви составляетъ у насъ существенную силу Россіи. Всякій расколъ представляется намъ зломъ, отъ коего нужно освободиться. Мы любимъ величественное зданіе нашей церкви и вовсе не расположены замѣнять его сборнымъ дворомъ раздирающихъ другъ друга сектъ. Святая Русь—это государство, коего первое призваніе хранить и оберегать Церковь, душу Россіи».

Архіепископъ Сергій Финляндскій.

«Распространеніе ложныхъ ученій можно сравнить съ продажей опіума. Конечно, мы признаемъ, что идеальное состояніе было бы такое, когда всякій членъ русской церкви могъ бы относиться къ этой области сознательно. Но есть-ли это отношеніе? Если нѣтъ, то нельзя требовать отъ насъ, чтобы мы уничтожали хотя бы искусственную преграду, которая поставлена законодателемъ».

Какъ древняя Русь смотрѣла на свободу совѣсти? Новгородцы сбрасывали «развратниковъ христіанской вѣры» въ Волховъ, позднѣе, подвергали тѣлеснымъ наказаніямъ. Митрополитъ Новгородскій Геннадій и соборъ епископовъ требовалъ смертной казни для жидовствующихъ. Первая глава Уложенія царя Алексѣя Михайловича о богохульникахъ и церковныхъ мятежникахъ гласитъ: «иновѣрцевъ и православныхъ, возлагающихъ хулу на Бога, Божію Матерь, на Крестъ или Святыхъ угодниковъ, обличивъ, казнить, сжечь. Нарушителей благочинія въ церкви во время службы казнить смертью безъ пощады».

Проф. Заозерскій.

Не полное отдѣленіе государства отъ церкви по французскому или американскому шаблону, а совсѣмъ иная система отношеній между ними болѣе сродна, какъ намъ думается, исконному національному сознанію русскаго народа. Это—система нравственнаго единенія, или союза государства и церкви съ сохраненіемъ полной автономіи ея внутренняго управленія, какъ религіозной организаціи, подъ внѣшнимъ главенствомъ Государя. Этотъ строй, это духовно-нравственное единеніе государства съ церковью опирается не на юридическую, искусственную основу—договоръ, или конкордатъ двухъ властей—папской и императорской (священство и царство—по византійской терминологіи), а на основу болѣе устой-

чивую—на духовную организацію свободной человѣческой личности съ ея неистребимыми стремленіями къ доброму, разумному и прекрасному,—на ту же основу, на которой зиждется и единеніе культурнаго государства съ наукою, искусствомъ. Религія есть такая же неудержимая потребность человѣческаго сердца, какъ наука—неудержимая потребность человѣческаго ума. Отдѣленіе церкви отъ государства представляется раціональнымъ и желательнымъ ни съ точки зрѣнія національной, ни съ общечеловѣческой. Тамъ, гдѣ оно дѣйствительно существуетъ, оно есть результатъ печальной борьбы римско-католической церкви съ культурою. Вообще же безрелигіозное государствованіе есть поворотъ назадъ, въ темную (въ религіозномъ отношеніи) дохристіанскую древность, а не поступательное движеніе впередъ при свѣтѣ Евангелія, распространеніе котораго—священная и вѣчная задача церкви («Церковь и государство»).

Л. А Тихомировъ.

За все историческое существованіе человѣчества, тѣсная связь между государствомъ и національною религіей составляла фактъ, необходимость котораго не подвергалась никакому сомнѣнію. Даже въ протестантизмѣ, который въ идеѣ заключалъ требованіе свободы разума въ отношеніи вѣры, принципъ тѣсной связи между государствомъ и религіей былъ провозглашенъ едва ли не рѣзче прежняго, хотя и съ характеромъ подчиненія вѣры государству (Cujus regio—ejus religio).

Величайшая изъ ошибокъ—усвоеніе государствомъ религіознаго безразличія.

Дѣло здѣсь не въ личной религіозности правителя или законодателя. Законодатель можетъ быть, напримѣръ, лично въ высшей степени миролюбивъ, но—размышляя о потребностяхъ государства, не можетъ не стараться сохранить въ населеніи духъ мужества. Точно также—и въ несравненно большей степени—законодательный разумъ не можетъ не дорожить религіознымъ духомъ народа, въ виду неразрывной связи религіи съ *нравственностью*

Какъ бы ни были разработаны законы и усовершенствованы правительственный механизмъ, судъ и администрація, это еще не обезпечиваетъ достиженія благихъ цѣлей государства, если граждане не стремятся по собственному побужденію жить согласно справедливости и своему *нравственному долгу.*

Государство само по себѣ не имѣетъ способовъ *порождать* это необходимое ему чувство. Государство можетъ принимать мѣры къ тому, чтобы нравственное чувство не подрывалось распространеніемъ безнравственныхъ ученій, или деморализующимъ зрѣлищемъ торжествующаго порока и т. п. Но все это имѣетъ полезное значеніе лишь въ томъ случаѣ, если нравственное чувство чѣмъ-либо «порождается» въ душахъ, то-есть когда имѣется уже «матеріалъ», которымъ могутъ оперировать механическія мѣры.

Чѣмъ «порождается» нравственное чувство? Источникъ его нѣкоторые усматриваютъ въ соціальной жизни.

Но психическій зародышъ нравственности не порождается обществомъ въ личности. Нравственное чувство лишь находитъ себѣ въ обществѣ извѣстное помѣщеніе, но само по себѣ, по природѣ своей, есть не общественное, *а религіозное.*

Этика неотдѣлима отъ религіи.

Поэтому государству приходится заботливо беречь и поддерживать все то, въ чемъ происходитъ самое *зарожденіе* нравственнаго чувства.

Нравственность истекаетъ изъ религіи, религія истолковываетъ и утверждаетъ нравственность. Общій историческій фактъ состоитъ въ томъ, что люди соединяются въ особыя общества для совмѣстной жизни своими религіозно-нравственными задачами.

Въ христіанскомъ мірѣ коллективная религіозная жизнь совершается въ Церкви... Такимъ-то образомъ, потребность охранить и развить общественную нравственность естественно приводитъ государство къ связи съ Церковью.

Наука составляетъ также область *свободы,* какъ и вѣра. Ни науку, ни вѣру государство не можетъ направлять. Однако мы видимъ, какъ велики заботы государства объ *учрежденіяхъ,* гдѣ зрѣетъ наука: университетахъ, академіяхъ, библіотекахъ, музеяхъ и т. д. То же самое, при логичности государственной мысли, естественно видѣть и въ отношеніи Церкви.

Религіозная нравственность, признавая моральное чувство основнымъ, врожденнымъ, не признаетъ его «самобытнымъ», «автономнымъ»... Источникъ этого чувства она видитъ въ Богѣ, почему и вѣрное или ложное направленіе морали ставитъ въ зависимость отъ соотвѣтствія ея съ идеаломъ, указаннымъ Богомъ.

Автономная мораль, напротивъ, основана на предположеніи, что врожденное нравственное чувство само по себѣ руководитъ человѣкомъ. Для уясненія же того, что должно и чего не должно дѣлать, требуется просвѣщеніе, знаніе потребностей человѣка и общества, пониманія солидарности человѣческихъ интересовъ и т. д.

Съ этой точки зрѣнія, дѣло государства, для развитія нравственности, сводится къ развитію школы и умноженію прочихъ способовъ развитія просвѣщенія, пожалуй съ преподаваніемъ «курсовъ морали».

Тенденція замѣнить Церковь школой теперь очень сильна, и практически государство и законъ современныхъ странъ сдѣлали уже очень много для торжества идеи автономной морали въ подрывъ религіозной. Этого нельзя не признать огромною ошибкой.

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о научной слабости идеи автономной морали, во всякомъ случаѣ должно сказать, что съ соціальной и полити-

ческой точекъ зрѣнія она совершенно непригодна для устроенія общества: напротивъ, она грозитъ самому его существованію

Прежде всего, съ точки зрѣнія общественной, удобна лишь мораль единообразная для всѣхъ людей. Мораль подобна закону Если есть много законовъ, противорѣчащихъ одинъ другому, то это хуже чѣмъ полное отсутствіе закона. Между тѣмъ «автономная» мораль ведетъ именно къ безконечному многообразію нравственныхъ правилъ, къ исчезновенію какой бы то ни было общепринятой линіи поведенія.

Право личности имѣть «автономную» мораль уничтожаетъ возможность нравственной общественной дисциплины. Какую бы гнусность ни совершилъ человѣкъ, онъ всегда имѣетъ возможность заявить, что по «его морали»—такой поступокъ дозволителенъ или даже очень возвышенъ. Мы это уже видимъ у анархистовъ. Общество не имѣетъ мѣрки для обличенія лжи такого заявленія. Оно можетъ убить такого человѣка, но не можетъ его нравственно судить и осудить.

Автономность морали подрываетъ и силу закона. Для того, чтобы быть сильнымъ, законъ долженъ совпадать съ голосомъ морали. Но съ какою же «офиціальною» моралью сообразовать его, если автономность морали будетъ порождать въ обществѣ самыя различныя системы кружковой и даже единоличной морали?

Автономность морали приводитъ такимъ образомъ къ нравственному хаосу, при которомъ невозможны ни законъ, ни обычай, ни общественное мнѣніе, то-есть вообще никакая соціальная или политическая дисциплина. Общество и государство должны были бы при этомъ или уничтожиться, или держаться чистымъ деспотизмомъ, лишеннымъ всякаго нравственнаго руководства и контроля.

Нравственность дѣйствительная, съ нравственнымъ закономъ, независящимъ отъ произвола и имѣющимъ характеръ всеобщности,—дается только *религіей*. Этою «религіозною нравственностью» всегда и жило человѣчество; остатками, привычками, ея живутъ эпохи сознательно покидающія Бога.

Въ нашъ вѣкъ сами люди «автономной» морали нерѣдко должны бы были повторить слова г-жи Роланъ: «Я оставила христіанскую вѣру, но всю жизнь поступала такъ, какъ еслибъ я была христіанка». Но это значитъ жить прежнимъ капиталомъ, и благо, пока онъ есть... Однако, если его только тратить, не накопляя, не возобновляя, то обществу не избѣжать нравственнаго банкротства.

А потому государственный человѣкъ, какъ бы ни былъ онъ лично скептиченъ, не можетъ не считать для блага государства величайшею драгоцѣнностью тѣ религіозныя учрежденія, въ которыхъ люди выращиваютъ и воспитываютъ свое религіозное чувство, дающее имъ крѣпкое нравственное чувство и правила поведенія.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Глава VII.

Государство и Государственная власть.

Государство ученые государствовѣды опредѣляютъ такъ:

Проф. *Н. М. Коркуновъ* въ своей книгѣ «Русское государственное право» говоритъ: «государство есть общественный союзъ, представляющій собою самостоятельное и признанное принудительное властвованіе надъ свободными людьми». Въ человѣческомъ обществѣ государство является монополистомъ принужденія. Принудительнымъ характеромъ государственнаго властвованія опредѣляются и задачи, какія могутъ быть имъ достигнуты, и границы, какія должны быть поставлены дѣятельности государства.

Итакъ, основа государства—принудительность, основа Церкви—любовь, свободное изволеніе сердца.

Другой извѣстный государствовѣдъ *Б. Чичеринъ* доказываетъ, что человѣчество можетъ существовать и развиваться лишь на почвѣ государственности.

Вотъ какъ выясняетъ *Б. Чичеринъ* значеніе государства. Положеніе человѣка опредѣлялось частными, случайными, даже внѣшними его преимуществами. Личность во всей ея случайности, свобода во всей ея необузданности, лежали въ основаніи общественнаго быта, и должны были привести къ господству силы, къ неравенству, междуусобіямъ и анархіи... Такое положеніе создавало необходимость высшаго союза — государства. Только въ государствѣ можетъ развиваться разумная свобода и нравственная личность; предоставленныя же самимъ себѣ, безъ высшей сдерживающей власти, оба эти начала разрушаютъ сами себя...

Государство,—поясняетъ онъ,—есть высшая форма общежитія. Въ немъ неопредѣленная народность собирается въ единое тѣло, получаетъ отече-

ство, становится народомъ. Въ немъ верховная власть служитъ представительницей высшей воли общественной, каковъ бы ни былъ образъ правленія. Эта общественная воля подчиняетъ себѣ воли частныя и устанавливаетъ такимъ образомъ твердый порядокъ въ обществѣ. Ограждая слабаго отъ сильнаго, она даетъ возможность развиться разумной свободѣ; уничтожая всѣ преимущества случайныя, она производитъ уравненіе между людьми; оцѣнивая заслуги, оказанныя обществу, она возвышаетъ внутреннее достоинство человѣка. Заставляя всѣхъ подданныхъ удѣлять часть своихъ средствъ для общественной пользы, она содѣйствуетъ осуществленію тѣхъ разнообразныхъ человѣческихъ цѣлей, которыя могутъ быть достигнуты только въ общежитіи при взаимной помощи и для которыхъ существуетъ гражданскій союзъ.

Изъ какихъ же элементовъ составляется государство.

1) Нація, которая представляетъ всю массу лицъ и группъ, коихъ совмѣстное сожительство порождаетъ идею верховной власти, надъ ними одинаково владычествующей.

2) Верховная власть, которая есть конкретное выраженіе принципа, принимаемаго націею за объединительное начало.

3) Государство, какъ совокупность верховной власти и подчинившихся ей подданныхъ.

4) Правительство, которое есть организація системы управленія. Оно организуется верховной властью, но не есть сама верховная власть, а только орудіе ея.

Члены государственнаго союза, въ отношеніи верховной власти, подданные, въ отношеніи же къ правительству—граждане, права и обязанности которыхъ опредѣляются верховной властью, а правительство,—какъ орудіе управленія, само по себѣ никакой власти не имѣетъ и пользуется лишь тѣми полномочіями, какія ему дарованы верховной властью. (*Тихомировъ.* «Монарх. Гос.»).

Формула верховной власти.

Верховная власть едина и нераздѣльна. Власть правительственная основана на спеціализаціи—на раздѣленіе властей.

Б. Чичеринъ такъ объясняетъ Верховную власть. Верховная власть—едина, постоянна, непрерывна, державна, священна, ненарушима, безотвѣтственна, вездѣ присуща и есть источникъ всякой государственной власти. Совокупность принадлежащихъ ей правъ есть полновластіе, какъ внутреннее, такъ и внѣшнее. Юридически она ничѣмъ не ограничена. Она не подчиняется ничьему суду, ибо если бы былъ высшій судья, то ему бы принадлежала верховная власть. Она—верховный судья всякаго права... Словомъ, это власть въ юридической области полная и безусловная.

Всякія ея ограниченія могутъ быть только нравственныя, а не юридическія. Будучи юридически безграничною, верховная власть находитъ предѣлъ какъ въ собственномъ нравственномъ сознаніи, такъ и въ совѣсти гражданъ. По той же причинѣ, по какой (верховная власть) неотчуждаема, говоритъ онъ,—она и недѣлима (то-есть едина). (Чичеринъ. «Курсъ Гос. Права»).

Такой верховной власти, которая бы лишь «царствовала», а не «управляла» нѣтъ, это возможно лишь наканунѣ паденія данной верховной власти, которая уже въ сущности перестала ею быть, но еще официально не упразднена. Верховная же власть, дѣйствительная, всегда управляетъ. Но въ то же время нѣтъ верховной власти, которая бы не призывала къ управленію, ею создаваемому,—другихъ, подчиненныхъ общественныхъ силъ Верховная власть, сила царствующая». (Л. Тихомировъ. «Мон. Госуд.»).

Конституціонное право, забывая различіе между властью верховной и управительной, раздѣленіе властей распространяетъ и на саму верховную власть. Въ видѣ контроля подданныхъ надъ правительствомъ, понимаемымъ въ смыслѣ верховной власти. Но если контроль подданныхъ не можетъ заставить верховную власть измѣнить свой способъ дѣйствій, то какой въ немъ смыслъ? Если же подданные могутъ заставить верховную власть дѣйствовать иначе, то, значитъ, верховная власть имъ подвластна. Чистая монархія представляетъ и высшій нравственный порядокъ. Здѣсь верховная власть независима отъ воли народной; поэтому здѣсь господствуетъ начало обязанности или подчиненія высшему порядку.

Власть передаточная.

Верховная власть, юридически абсолютная, фактически всетаки ограничена своимъ количественнымъ содержаніемъ. Она можетъ охватить своимъ прямымъ вліяніемъ лишь извѣстные предѣлы. Отсюда является необходимость передаточнаго вліянія управительнаго механизма, который передаетъ центральную силу за предѣлы ея непосредственной физической способности дѣйствія. Ея дѣйствіе становится вмѣсто прямого—передаточнымъ, а это послѣднее имѣетъ два главные вида: 1) служилое, 2) представительное. Необходимость прибѣгать къ передаточному дѣйствію не должна сопровождаться извращеніемъ самаго содержанія верховной власти. Ограниченіе содержанія верховной власти выдѣленіемъ изъ ея вѣдѣнія, напримѣръ, судебнаго дѣла, было бы уничтоженіемъ ея, ибо верховная власть только потому и верховна, что универсальна, имѣетъ всѣ компетенціи; лишаясь же хотя какой-нибудь изъ нихъ—уже тѣмъ самымъ она не верховная, а такая же спеціальная, какъ другія. Прямое дѣйствіе верховной власти спеціализируется на контролѣ и направленіи всѣхъ передаточныхъ властей. При несовершенствѣ контроля и направленія, служеб-

ныя учрежденія передаточной власти могутъ искажать намѣренія и волю верховной власти (Тихомировъ. «Мон. Гос.», стр. 57).

Какая форма власти народное представительство.

Представительство—одна изъ формъ передаточной власти. Власть свою могутъ передавать и монархъ, и аристократія, и народъ. Служилыя формы передаточной власти представляютъ мало опасности. Дѣло, порученное служилому, чиновнику, комиссару—всегда строго опредѣлено. Положеніе и право представителя воли верховной власти совсѣмъ иное. Его задача—не исполнить данное отдѣльное порученіе, но дѣйствовать во имя его довѣрителя, представлять самую волю его въ отношеніи даже тѣхъ случаевъ, гдѣ воля эта сама себя еще не опредѣлила. По чужую волю нельзя представлять, потому что она даже неизвѣстна заранѣе. Никто не можетъ и самъ знать заранѣе, какова будетъ его воля Тѣмъ болѣе не можетъ этого знать «представитель». Въ парламентарныхъ странахъ роль народа состоитъ почти исключительно въ томъ, чтобы выбрать своихъ повелителей. Немало предлагалось способовъ ограниченія всевластія этихъ представителей. Наиболѣе распространенная мысль, чтобы они дѣйствовали по «наказамъ» избирателей. Но въ отношеніи дѣлъ правленія заранѣе неизвѣстныхъ—составлять наказы и невозможно. А безъ нихъ парламентаризмъ вырождается въ полный произволъ партій,—которыя безусловно держатъ въ своихъ рукахъ депутатовъ, по теоріи представляющихъ волю народа, но въ дѣйствительности—исполняющихъ лишь волю своихъ партій. (Тамъ же, стр. 63).

Три вида власти

Власть въ обществахъ и государствахъ всегда является только въ видѣ монархіи, аристократіи или демократіи. Эволюціонная теорія старается свести все къ развитію одной основной формы, что основная форма—демократія, изъ которой остальныя развиваются и въ нее же окончательно переходятъ. Но это совершенно особые типы власти, имѣющіе различный смыслъ и содержаніе. Переходить эволюціонно одинъ въ другой они не могутъ, но смѣнять другъ друга по господству они могутъ (стр. 72).

Верховная власть можетъ выражаться въ трехъ формахъ власти: демократія, аристократія, и монархія.

Въ различныхъ формахъ верховной власти выражается то, какого рода силѣ нація, по нравственному состоянію своему, наиболѣе довѣряетъ.

Демократія выражаетъ довѣріе къ силѣ количественной. Аристократія выражаетъ довѣріе къ разумности силы. Монархія выражаетъ довѣріе къ

силѣ нравственной. Если въ обществѣ не существуетъ достаточно напряженнаго вѣрованія, охватывающаго всѣ стороны жизни въ подчиненіи одному идеалу, то связующей силой обществъ является численная сила, количественная, которая создаетъ возможность подчиненія людей власти даже въ тѣхъ случаяхъ, когда у нихъ нѣтъ внутренней готовности къ этому. Это, элементарный фазисъ чувства дисциплины. Если хотя идеалы не сознаются достаточно ярко всѣми, но все-таки, въ народѣ имѣется вѣра въ существованіе разумнаго закона, появляется господство аристократіи, людей «лучшихъ». Если наконецъ въ націи силенъ всеобъемлющій идеалъ, всѣхъ во всемъ приводящій къ готовности добровольнаго себѣ подчиненія, то появляется монархія.

Принципіальное начало монархіи.

Признаніе верховной государственной власти одного человѣка надъ милліонами подобныхъ ему человѣческихъ существъ не можетъ имѣть мѣста иначе, какъ при фактѣ или презумпціи, что въ данной личности—Царѣ—дѣйствуетъ нѣкоторая высшая сверхчеловѣческая сила, которой нація желаетъ подчиняться или не можетъ подчиняться (стр. 89). Но какимъ образомъ одинъ человѣкъ можетъ стать верховной властью для того народа, къ которому онъ самъ принадлежитъ, и который во столько же разъ сильнѣе всякой отдѣльной личности, во сколько милліоны больше единицы? Это можетъ быть произведено только вліяніемъ религіознаго начала,—тѣмъ фактомъ, что монархъ является представителемъ какой-то высшей силы, противъ которой ничтожны милліоны человѣческихъ существъ. Участіе религіознаго начала безусловно необходимо для существованія монархіи, какъ государственой верховной власти. Безъ религіознаго начала единоличная власть, хотя бы и самаго геніальнаго человѣка, можетъ быть только диктатурой, властью безграничной, но не верховной, а управительной, получившей всѣ права лишь въ качествѣ представительства народной власти (стр. 90).

Монархическая власть является представительницей не собственно народа, а той высшей силы, которая есть источникъ народнаго идеала. Признавать верховное господство этого идеала надъ своей государственной жизнью нація можетъ только тогда, когда вѣритъ въ абсолютное значеніе этого идеала, а стало быть возводитъ его къ абсолютному личному началу, т. е. Богу. Истекая изъ человѣческихъ сферъ, идеалъ не былъ бы абсолютенъ. Истекая не изъ личнаго источника—онъ не могъ бы быть нравственнымъ. Такимъ образомъ—желая подчинить свою жизнь нравственному началу, нація желаетъ подчинить себя Божественному руководству, ищетъ верховной власти Бога.

Тутъ монархъ властвуетъ не для себя, и даже не по своему желанію, а есть Божій Слуга, всецѣло подчиненный Богу на своей службѣ, подобно тому, какъ и каждый подданный, въ своемъ долгѣ семейномъ и общественномъ, исполняетъ извѣстную малую миссію, Богомъ назначенную. Такъ и несетъ въ царствованіи лишь службу Богу. Такой власти народъ подчиняется безгранично, въ предѣлахъ ея Божія служенія, т. е. пока монархъ не заставляетъ подданнаго нарушать воли Божіей, и, слѣдовательно, перестаетъ самъ быть слугой Бога. Верховная власть Государя зависитъ не отъ того, будто бы народъ отрекся, въ его пользу отъ своей верховной власти. Народъ отказывается не въ пользу монарха, а въ пользу Бога, т. е. просто требуетъ надъ собой власти Божіей. Для конкретнаго же исполненія этой власти Божіей въ государственности—Богомъ создается монархъ.

Религіозное происхожденіе монархіи.

Въ протестантствѣ очень распространена мысль, будто бы въ Библіи царская власть не одобряется и составляетъ, по выраженію Библіи, «грѣхъ передъ Господомъ».

Невѣрно и то, будто бы Богъ признавался, во времена Моисея, «главою государства». Господь признавался Владыкой Израиля въ нравственномъ смыслѣ, какъ союза духовнаго, т. е. какъ церкви. Въ силу такого верховнаго царствованія Господа надъ Израилемъ—конкретнымъ делегатомъ Его должна была все-таки явиться какая нибудь личность или учрежденіе.

Избранному народу сначала было дано основаніе закона нравственнаго, состоящее въ вѣрѣ въ Бога.

Затѣмъ въ десяти заповѣдяхъ даны основы соціальнаго строя; черезъ Самуила Богомъ установлена и Царская власть. Для земного существованія человѣка достаточно было бы и одного закона нравственнаго, предполагая безусловное его усвоеніе и соблюденіе человѣкомъ. Но человѣкъ—существо, склонное ко грѣху, «жестоковыйное», и вотъ, по этой его «жестоковыйности», становятся необходимы рамки соціальнаго строя, для облегченія человѣку возможности жизни, согласной съ нравственнымъ закономъ, т. е. богоугодной. Если человѣкъ могъ бы жить даже однимъ нравственнымъ закономъ, то тѣмъ болѣе, казалось бы, онъ могъ бы жить при поддержкѣ соціальнымъ строемъ и церковью, подъ непосредственнымъ водительствомъ Божіимъ.

Это и есть настоящій идеалъ общественной жизни, возвѣщенный особенно Самуиломъ. Люди, достойные Бога, должны, безъ принужденія власти, умѣть жить такъ, какъ угодно Богу, и когда они этого достигаютъ, то находятся подъ непосредственнымъ управленіемъ Бога, не

нуждаясь въ принудительной власти. Но по своей «жестоковыйности» въ грѣхѣ, въ порывахъ страсти и эгоизма, люди къ этому неспособны.

Моисей, не учреждая царства, предвидѣлъ его и заранѣе указалъ Израилю. Когда придешь ты въ землю, которую Господь Богъ твой дастъ, тебѣ, и скажешь себѣ: поставлю я надъ собою царя, подобно прочимъ народамъ, которые вокругъ меня, то поставь надъ собою царя, котораго избираетъ Господь твой. Моисей именно заранѣе указалъ два условія возникновенія царской власти: чтобы самъ народъ созналъ ея необходимость; чтобы не народъ избралъ царя надъ собою, но представилъ это Господу.

Моисей указываетъ руководство и для самого царя:

«Когда онъ сядетъ на престолѣ царства своего, долженъ списать для себя списокъ сего закона (Моисеева), съ книги, находящейся у священниковъ левитовъ. И пусть онъ читаетъ его во всѣ дни жизни своей, дабы научился бояться Господа Бога своего и старался исполнять всѣ слова закона сего.

Опытъ эпохи судей показалъ народу, что онъ подъ непосредственнымъ водительствомъ Бога—жить неспособенъ. «И въ тыя дни не бяше Царя во Израили: мужъ еже угодно предъ очима его творяше». (Суд. XVII, 6, XVIII, 1, XIX, 1, XIX, 25)...

Израильтяне сказали Самуилу «Поставь намъ Царя, чтобы онъ судилъ насъ, какъ и у прочихъ народовъ» Эти слова не понравились Самуилу, но Господь сказалъ ему:

«Послушай голоса народа», но только сначала «представь имъ права царя». Пророкъ такъ и сдѣлалъ, объяснивъ самымъ краснорѣчивымъ образомъ народу всю тяжесть государственности, однако народъ настолько чувствовалъ себя неспособнымъ обходиться безъ государственности, что не согласился послушаться голоса Самуила и сказалъ: «нѣтъ, пусть царь будетъ надъ нами». И Господь оправдалъ не пророка, а народъ, и сказалъ: «Послушай голоса ихъ и поставь имъ царя». (Тамъ же, гл. 8, ст. 6—22).

Царь бы поставленъ не народнымъ избраніемъ, а Богомъ. Помазывая Саула, Самуилъ сказалъ: «Господь помазываетъ тебя въ правители наслѣдія Своего во Израилѣ и ты будешь царствовать надъ народомъ Господнимъ и спасешь ихъ отъ руки враговъ ихъ», и «найдетъ на тебя Духъ Господень». Царю при этомъ ставится въ обязанность исполненіе воли Божіей. Однако царь, даже осужденный Богомъ, объявляется неприкосновеннымъ для людей: «Не прикасайтеся помазаннымъ Моимъ».

Царство, стало быть, является по желанію народа, сознающаго свою неспособность находиться подъ непосредственнымъ водительствомъ Бога, а потому просящимъ у Бога конкретнаго представителя власти, причемъ народъ не выходитъ изъ власти Божіей, и даже не избираетъ самъ себѣ

царя, а принимаетъ назначеннаго Богомъ. Эта, Богомъ делегированная, власть Имъ же освящается и получаетъ обязанность исполнять не свою волю, а Божію Подданные же получаютъ обязанность повиноваться царю. По правамъ царя, изложеннымъ народу Самуиломъ, царь имѣетъ власть надъ личностью подданныхъ и надъ ихъ имуществомъ, и ограниченіе власти царя состоитъ только въ томъ, что онъ обязанъ повиноваться Богу. Эта обязанность царя составляетъ условіе для подчиненія ему подданныхъ. («Монархическое Государство». Тихомирова).

Идея царской власти на Руси.

Идея царской власти на Руси вылилась въ слѣдующихъ словахъ привѣтствія князю Владиміру: «Ты, княже, поставленъ отъ Бога на казнь злымъ, а добрымъ на милованье». Даніилъ Заточникъ, различая начало власти князя и власти его слугъ, говоритъ: «лучше пусть моя нога войдетъ въ лыкѣ въ твой дворъ, нежели въ червленномъ сапогѣ во дворъ боярскій; лучше мнѣ тебѣ въ деркѣ служить, нежели въ багряницѣ въ боярскомъ дворѣ; лучше мнѣ воду пить въ дому твоемъ, нежели вино въ боярскомъ. Какъ дубъ крѣпится корнемъ, говоритъ Даніилъ,—такъ градъ твоею державой. Кормчій—глава кораблю, а ты, князь,—людямъ своимъ... Мужъ—глава жены, а князь—мужамъ, а князю—Богъ. Княже господине мой,—орелъ—царь надъ птицами, осетеръ — надъ рыбами, левъ—надъ звѣрями, а ты, княже, надъ переяславцами. Левъ рыкнетъ: кто не устрашится? Ты, князь, слово скажешь — кто не убоится? Тѣло крѣпится жилами, а мы, княже, твоею державой. «Златая Цѣпь», относящаяся къ XIV вѣку, поучаетъ: «покоряйтесь князю земли вашей, не речите ему зла въ сердцѣ вашемъ, прямите ему головой своею и мечемъ своимъ, и всею мыслью своею, и не возмогутъ чужіе противиться князю вашему; если хорошо служите князю, обогатѣетъ земля ваша и соберете добрый плодъ. Если кто отъ своего князя отпадетъ къ иному, не будучи имъ обиженъ, подобенъ есть Іудѣ».

Іоаннъ Грозный въ своей перепискѣ съ Курбскимъ съ исчерпывающей полнотой формулируетъ значеніе царской власти. Когда представитель аристократическаго начала, князь Курбскій, обвинялъ его въ томъ, что онъ избиваетъ «лучшихъ людей», «сильныхъ» во Израилѣ, доблестями которыхъ стояла русская земля, Іоаннъ объяснялъ князю, что личныя доблести отдѣльныхъ лицъ не помогутъ, если нѣтъ «правильнаго строенія». Какъ дерево не можетъ цвѣсти, если корни засыхаютъ, такъ и это: аще не прежде строенія благая въ царствѣ будутъ, не будетъ и храбрости. Ты же прославляешь только доблести, а «Богомъ цари царствуютъ и сильные пишутъ правду». Не отъ народа, а отъ Божіей милости царское самодержавіе. Царская власть дана для поощренія добрыхъ и кары злыхъ. Овыхъ милуйте разсуждающе, овыхъ страхомъ спасайте. Иное дѣло свою душу

спасать, иное же о многихъ душахъ и тѣлесахъ пещися. Царь самъ наказуется отъ Бога, если его несмотрѣніемъ происходитъ зло (стр. 40)

Всѣ божественныя писанія исповѣдуютъ, яко не повелѣваютъ чадамъ отцомъ противитися и рабѣмъ господомъ: однако же, кромѣ вѣры. Но противъ вѣры, доказываетъ Іоаннъ, онъ ничего не требовалъ и не сдѣлалъ. Грозный нѣсколько разъ начинаетъ доказывать, что ни въ чемъ не нарушилъ правъ церкви и ни въ чемъ не погрѣшилъ противъ вѣры. «Не токмо ты, но и всѣ твои согласились и бѣсовъ служители не могутъ въ насъ этого обрѣсти—пишетъ онъ Курбскому.

На землѣ же, передъ подданными, царь не даетъ отвѣта. Но передъ Богомъ воздастъ отвѣтъ за все. Судиться же приводиши Христа Бога между мною и тобою, и азъ убо сего судилища не отметаюсь. Вѣрую, говоритъ Іоаннъ, яко о всѣхъ своихъ согрѣшеніяхъ, вольныхъ и невольныхъ, судъ пріяти ми яко рабу, и не токмо о своихъ, но и о подвластныхъ мнѣ дать отвѣтъ, аще моимъ несмотрѣніемъ согрѣшаютъ».

Такимъ образомъ идеалы царя и народа были тождественны, какъ царь принимаетъ свою власть лишь отъ Бога, такъ и народъ лишь отъ Бога желаетъ ее надъ собою получить. Такое настроеніе, говоритъ Л. А. Тихомировъ, естественно приводитъ народъ къ исканію единоличнаго носителя власти, и притомъ подчиненнаго волѣ Божіей, т. е. именно монарха-самодержца.

Царская власть, упраздняя какъ аристократическую, такъ и демократическую власть, въ качествѣ верховныхъ, являлась посредницею между ними. Она, во имя религіозныхъ началъ, поддерживала справедливость въ отношеніяхъ между всѣми существующими въ странѣ силами, т. е. умѣряя чрезмѣрныя притязанія каждой, каждой давала справедливое удовлетвореніе («Мон. Гос.» стр. 57),—цари самодержцы явились охранителями правъ народныхъ. Грозные государи Московскіе, Іоаннъ III и Іоаннъ IV, пишетъ проф. Бѣляевъ—были самыми усердными утвердителями исконныхъ крестьянскихъ правъ, и особенно царь Иванъ Васильевичъ постоянно стремился къ тому, чтобы крестьяне въ общественныхъ отношеніяхъ были независимы и имѣли одинаковыя права съ прочими классами русскаго общества.

а) Митрополитъ Филаретъ.

«Вотъ и другое воззваніе бывшаго рыбаря: «Царя чтите». Пусть поищутъ мудрецы сомнѣній и подозрѣній, какая взаимность, выгода, надежда могла заставить проповѣдника пристрастно благопріятствовать царю. Кто былъ царь, который прежде и ближе другихъ встрѣтился съ проповѣдію Святаго Петра?

«Измѣнить Царю и отечеству на войнѣ, расхитить государственное сокровище, осудить невиннаго на тяжкое наказаніе, эти вопіющія невѣр-

ности противъ Царя, Отечества и закона поражаютъ всякаго, и тяжесть преступленія входитъ въ число средствъ, предохраняющихъ отъ покушенія на оное. Но не исполнять царской службы и пользоваться воздаяніемъ или наградой за службу, ввести виды личной корысти въ распоряженіе дѣлами и средствами общественными, принять въ судѣ ходатайство вмѣсто доказательства и оправдать неправаго. это, говорятъ, небольшія неточности, извиняемыя иногда обстоятельствами и не препятствующія вѣрности въ дѣлахъ важнѣйшихъ. Не обольщайте себя. Эти небольшія неточности не очень малы, особенно-же потому, что беременны большими невѣрностями. Это неопасная, повидимому, неправда *вмалѣ* ведетъ за собою невѣрность во многѣ.

«*Воздавать Кесарева Кесареви*, значитъ за благодѣтельныя для подданныхъ дѣйствія Царской власти воздавать неуклоннымъ исполненіемъ соотвѣтственныхъ онымъ вѣрноподданническихъ обязанностей.

«Царь даетъ тебѣ законъ и управленіе, чтобы въ обществѣ существовалъ порядокъ, чтобы права твоего званія были извѣстны и признаны, чтобы собственность твоя была несомнѣнна, и личность твоя неприкосновенна постороннему своеволію: воздавай Ему повиновеніемъ Его закону и управленію, и тѣмъ облегчай Ему подвигъ доставленія сихъ благъ тебѣ и всѣмъ».

«Царь даетъ тебѣ судъ и правду противъ обидъ и неправедныхъ лишеній: воздавай Ему твоею благонамѣренною подсудностію; являйся въ судъ съ правдою, а не съ клеветою и лукавствомъ; не позволяй себѣ самоуправства; будь правдивымъ свидѣтелемъ по законному требованію суда».

«Царь доставляетъ тебѣ общественную тишину и безопасность отъ враговъ, непрестанно бодрствуя противъ духа тревогъ и браней не только въ предѣлахъ и на предѣлахъ, но и за предѣлами Своей Державы, многими трудами образуя, съ многотрудными соображеніями употребляя воинство, и даже Самъ съ Своими присными становясь въ чинъ воиновъ; воздавай Ему съ одной стороны любовію къ тихому и безмолвному житію, съ другой готовностію принести на защиту общественной безопасности всякую жертву, какую Царь и Отечество потребовать могутъ».

б) Архіепископъ Иннокентій Херсонскій.

Посмотримъ, для чего восходятъ благочестивѣйшіе государи на престолъ?—Первѣе всего для того, дабы съ высоты престола быть видимѣе для всѣхъ требующихъ помощи. Кто не знаетъ, что въ обществахъ человѣческихъ, какъ бы ни были они устроены, всегда есть много людей, требующихъ самодержавной защиты то отъ насилія, злобы и лукавства, то отъ превратностей жизни и судьбы? И лучшимъ преимуществомъ престоловъ царскихъ всегда было и будетъ то, что они служатъ естествен-

нымъ прибѣжищемъ для всѣхъ скорбящихъ и обремененныхъ. Но что за всеобщее прибѣжище, если оно по высотѣ своей не видимо всѣми и каждымъ, и если его надобно съ трудомъ отыскивать среди равныхъ, или подобныхъ ему по высотѣ зданій? Что за всенародная сѣнь, если она не возносится надъ всѣми высотами земли, и не простирается во всѣ концы царства? Такимъ образомъ, самое благо бѣдствующаго человѣчества требуетъ, чтобы престолъ царскій былъ какъ можно возвышеннѣе, дабы никто изъ поверженныхъ долу превратностью судьбы или насиліемъ, не могъ укрыться отъ благотворнаго призрѣнія сѣдящаго на престолѣ. Въ семъ отношеніи, о царѣ земномъ должно сказать то же, что Псалмопѣвецъ говоритъ о Царѣ небесномъ. высокъ надъ всѣми языки Господь; сего ради—на смиренныя призираетъ, воздвигаетъ отъ земли нища, вселяетъ неплодовь въ домъ, и творитъ ее матерь о чадѣхъ веселящуюся (Псал. 112, 4—9).

Для чего благочестивѣйшіе государи восходятъ на престолъ?—Дабы съ высоты престола удобнѣе видѣть всѣ нужды царства, всѣ движенія жизни общественной. И благіе домостроители устрояютъ мѣста, съ коихъ можно было бы обзирать все, происходящее въ ихъ достояніи. Тѣмъ нужнѣе таковое мѣсто всеобщаго блюстительства для царства, въ коемъ на всѣхъ концахъ его могутъ внезапно происходить великія перемѣны, требующія всего вниманія и дѣятельности. Посему-то у всѣхъ народовъ есть престолы царей, или что-либо подобное имъ по высотѣ. Чѣмъ выше престолъ, тѣмъ виднѣе все пространство, коего онъ служитъ средоточіемъ; тѣмъ замѣтнѣе всѣ неравности и положенія различныхъ сословій, все теченіе событій, всѣ новыя явленія, всѣ уклоненія отъ законовъ и остановки; все правое и неправое, радостное и печальное. Посему, чѣмъ выше престолъ, тѣмъ скорѣе можетъ быть усмотрѣно и предотвращено зло; тѣмъ вѣрнѣе могутъ быть сдѣланы соображенія, надежнѣе приняты средства, удобнѣе достигнуты цѣли.

Для чего восходятъ благочестивѣйшіе государи на престолъ?—Дабы съ высоты престола удобнѣе видѣть ходъ всемірныхъ событій, и провидѣть опасности отечества. Среди брани и въ другія смутныя времена нарочно устрояютъ высоты, съ коихъ наблюдаются движенія враговъ и всѣ перемѣны, у нихъ происходящія.

Для чего восходятъ благочестивѣйшіе государи на престолъ?—Дабы. на высотѣ его быть свободнѣе отъ слабостей и недостатковъ общежитія человѣческаго. Бѣдная земля наша такъ исполнена неправдою, что самое вещественное удаленіе отъ нея есть уже нѣкое средство къ совершенству На великихъ высотахъ дыханіе становится свободнѣе, самыя мысли и чувства принимаютъ какое-то возвышеннѣйшее направленіе. Тѣмъ нужнѣе возвышеніе надъ обществомъ человѣческимъ тому, кто хочетъ быть превыше недостатковъ общежитія: ибо, при настоящемъ грѣховномъ состоя-

ни рода человѣческаго, всѣ общественныя отношенія таковы, что удобно могутъ наклонять человѣка къ землѣ, дѣлать рабомъ предубѣжденій, привязанностей, выгодъ, милостей, страстей. Но въ комъ всего менѣе должно быть таковыхъ слабостей, какъ не въ представителѣ и владыкѣ цѣлаго народа? Посему, кто болѣе долженъ быть, такъ сказать, разобщенъ съ падшею и клонящею къ паденію землею, какъ не государь? И для сего-то необходимаго разобщенія служитъ высота престоловъ царскихъ.

Для чего восходятъ благочестивѣйшіе государи на престолъ?—Дабы съ высоты его быть ближе къ небу, постояннѣе и безпрепятственнѣе сообщаться духомъ съ Тѣмъ, въ деснице Коего судьбы народовъ и царей. И язычники знаютъ, что благоденствіе царствъ зависитъ не отъ одного произвола и усилій человѣческихъ; христіанинъ тѣмъ паче вѣруетъ, что Вышній владѣетъ царствомъ человѣческимъ (Дан. 4, 22), и что народоправители, при всемъ величіи ихъ, суть только слуги (Рим. 13, 4) Самодержца небеснаго. Посему между Царемъ земнымъ и Небеснымъ должно происходить непрестанное, живое сношеніе для блага народа. Гдѣ же должно быть сему? Ужели среди толпы людей? Среди шума предразсудковъ и страстей? Среди праха и вихрей заботъ житейскихъ? Предъ глазами всѣхъ и каждаго?—Моисей восходитъ на Синай для собесѣдованія съ Богомъ и принятія отъ Него закона (Исх. 19, 20); Илія возводится на Хоривъ для созерцанія славы Божіей (3 Цар. 19, 11); Самъ Сынъ Божій на безмолвной вершинѣ Ѳавора слышитъ гласъ, нарицающій Его Сыномъ возлюбленнымъ (Мато. 17, 5). Долженъ быть и для народовъ постоянный Синай, на коемъ слышна была бы воля небеснаго Законодателя;—постоянный Ѳаворъ, гдѣ бы свѣтъ славы Божіей отражался на лицѣ вѣнчанныхъ представителей народа. Этотъ Синай, сей Ѳаворъ, есть—престолъ царскій.

Въ то время, какъ Евангеліе основаніемъ и залогомъ истинной свободы гражданской полагаетъ свободу духа и сердца отъ грѣховъ и страстей, гордость и невѣріе считаютъ единственнымъ основаніемъ ея полное равенство всѣхъ гражданъ въ рѣшеніи политическихъ и общественныхъ вопросовъ чрезъ общую подачу голосовъ или чрезъ депутатовъ, избранныхъ такимъ именно всеобщимъ и равнымъ голосованіемъ. Отъ рѣшеній общимъ гласомъ народа ожидаютъ всегда справедливости и безпристрастія, что и прельщаетъ какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлые народы. Не разбирая этого вопроса по существу, мы остановимся на одномъ, самомъ разительномъ, примѣрѣ изъ исторіи. Испросившая смерть Господу Іисусу Христу, толпа, до очевидности, показала собою, что значитъ народный голосъ и какъ легко злоупотреблять его дѣйствіемъ людямъ злонамѣреннымъ (IX, 273). Пилатъ среди беззаконнаго суда надъ Іисусомъ обратился къ общему народному голосу, разсчитывая именно на то мнимое безпристрастіе и на ту мнимую справедливость общаго гласа народа,

которыя, какъ мы сказали, и теперь прельщаютъ многихъ: «Есть же обычай, да единаго вамъ отпущу на Пасху: хощете ли убо, да отпущу вамъ Царя Іудейска? Возопиша же вси, глаголюще: не сего, но Варавву; бѣ же Варавва разбойникъ» (Іоан. 18, 39—40)... И Пилатъ—подобно нынѣшнимъ мудрецамъ—увѣренъ былъ въ превосходствѣ добродѣтели предъ порокомъ, почему и почиталъ совершенно достаточнымъ поставить только невиннаго Іисуса предъ народнымъ собраніемъ на ряду съ Варавввою, дабы спасти Его отъ казни крестной; но что вышло? Вмѣсто гласа Божія, каковымъ привыкли иногда называть гласъ народа, изъ устъ іудеевъ раздался ужасный голосъ духа злобы: не сего, но Варавву!..

в) Никонъ епископъ Вологодскій.

Существенный признакъ Самодержавной Власти состоитъ въ томъ, что воля Монарха есть источникъ законовъ для его подданныхъ, источникъ независимый отъ воли сихъ подданныхъ. Въ области законодательства Самодержецъ ограниченъ только закономъ Божіимъ, своею совѣстью и послушаніемъ православной Церкви, но не волею народа.

Если онъ признаетъ, что его власть не только отъ Бога, но и по образу Божественнаго міроправленія, то *не имѣетъ и права* поступаться своимъ правомъ издавать законы полновластно, безъ «одобренія» волею народа. Онъ можетъ спросить народъ, какъ и отецъ спрашиваетъ мнѣнія дѣтей, но въ рѣшеніи долженъ слѣдовать не тому, какъ укажетъ ему народъ, а какъ велитъ ему Богъ въ его совѣсти. И народъ долженъ по совѣсти же подчиниться всякому закону, который Царь положитъ по своей, Богомъ руководимой, совѣсти. Не забудемъ, что вѣра въ такое руководительство *свыше* основывается на благодатномъ таинствѣ муро помазанія Царя. Потому Царь и Самодержецъ, что Онъ—Божій помазанникъ. Идеалъ *нравственныхъ* отношеній Царя и народа, опредѣляемый такимъ самодержавіемъ (въ Церкви Восточной), несравненно выше всякаго идеала *юридическихъ* отношеній, опредѣляемыхъ конституціей (на Западѣ). И тѣ и другія отношенія созидались вѣками, исторически, а ломать исторію—не безопасно для жизни народной. И если бы мы дожили до того, что Царь долженъ бы былъ давать присягу (которая предполагаетъ какъ бы недовѣріе народа къ Его нравственному авторитету), то это было бы несчастіемъ: у насъ былъ бы не Царь, а только *полуцарь*... («Моск. Вѣд.»).

Выраженіе идеи Самодержавія въ обрядахъ и обычаяхъ Церкви.

Достопримѣчательны обряды и обычаи церковные, чрезъ которые выражается и утверждается въ русскомъ народѣ церковно-библейская идея самодержавнаго царя, помазанника Божія. Русскіе государи, при

вступленіи на престолъ, вѣнчаются на царство въ Большомъ Успенскомъ соборѣ, въ томъ всероссійскомъ соборномъ храмѣ, самое созданіе котораго было по увѣщанію митрополита Петра и сопровождалось предсказаніемъ святителя о славѣ московскаго князя въ роды родовъ. При этомъ, послѣ всенароднаго исповѣданія царемъ вѣры православной, онъ отъ архіерея и съ его благословенія принимаетъ знаки царскаго достоинства своего — корону, скипетръ и державу и самоличго возлагаетъ ихъ на себя. Въ заключеніе всего чрезъ помазаніе св. мѵромъ боговѣнчанный получаетъ благодать Св. Духа, какъ нарочитую Божественную силу, потребную для его служенія, и въ алтарѣ, у самаго престола Господня пріобщается св. таинъ, какъ хлѣба жизни вѣчной. Какъ живо и ясно до очевидности выражается здѣсь, что царь есть избранникъ Божій, Его милостію, а не волею народа царствуетъ, Его закономъ руководствуется и Его Божественными силами дѣйствуетъ! А присяга царская, крестнымъ цѣлованіемъ запечатлѣваемая, какъ много говоритъ она о томъ, на комъ утверждается царская власть и кѣмъ обязуемся мы въ своемъ повиновеніи царю! Постоянно за каждымъ богослуженіемъ произносимою и нарочитою молитвою о царѣ Церковь учитъ насъ выдѣлять царя—въ своихъ чувствахъ и отношеніяхъ къ нему—изъ ряда всѣхъ прочихъ человѣковъ, какъ лицо исключительное не только въ своемъ царскомъ величіи и славѣ, а и въ своей царской власти и силѣ. Въ молитвахъ своихъ она самое служеніе царя прямо-таки называетъ служеніемъ къ Богу. *Умудри и настави его* (т.-е. царя) *непоползновенно проходити великое сіе къ Тебѣ служеніе*, вотъ слова церковной молитвы въ день свящ. коронованія...

Глубоко воспринялъ русскій народъ въ свою совѣсть и твердо усвоилъ въ своей жизни церковно-библейское ученіе о царской власти, какъ самодержавной, и царѣ, какъ помазанникѣ Божіемъ.

Это съ особенною очевидностію явствуетъ изъ народныхъ пословицъ, которыя говорятъ о царѣ, его власти и могуществѣ и о нашемъ къ нему отношеніи. «Богъ на небѣ, а царь на землѣ», или: «Безъ Бога свѣтъ не стоитъ, безъ царя земля не правится»; «Что Богъ, то Богъ, а свята воля царская»; «царское осужденіе безсудно» (т.-е. суду не подлежитъ); «не Москва государю указъ, а государь — Москвѣ»; «самъ государь знаетъ, кто ему врагъ и кто—недругъ». «Кто Богу не грѣшенъ, царю не виноватъ»; но «Богъ помилуетъ и царь пожалуетъ».

Все это выраженіе неизмѣнной вѣрности ученію о царской власти слова Божія,—въ немъ именно говорится, что *сердце царево въ руцѣ Божіей* (Пр. XXI, 1); то же самое, что выражено въ пословицѣ, что «царскій—гнѣвъ и милость въ Божьей рукѣ». Въ любимой народомъ псалтири заповѣдано намъ: *не прикасайтеся помазаннымъ Моимъ* (Пс. CXIV, 15); *ибо касаяйся ихъ*, какъ говоритъ другой пророкъ, *яко касаяйся въ зеницу ока Господня* (Зах. II, 8). (Прот. І. Соловьевъ. «Вѣра и Церк.»).

Глава VIII.

Ложь народовластія.

(Изъ «Московск. Сборника»).

Одно изъ самыхъ лживыхъ политическихъ началъ есть начало народовластія, та идея, что всякая власть исходитъ отъ народа и имѣетъ основаніе въ волѣ народной. Въ чемъ состоитъ теорія парламентаризма? Предполагается, что весь народъ въ народныхъ собраніяхъ творитъ себѣ законы, избираетъ должностныя лица, стало быть изъявляетъ непосредственно свою волю и приводитъ ее въ дѣйствіе. Прямое осуществленіе его невозможно: отдѣльныя племена сливаются въ цѣлый народъ или группируются въ разноязычіи подъ однимъ государственнымъ знаменемъ, наконецъ, разрастается безъ конца государственная территорія: непосредственное народоправленіе при такихъ условіяхъ немыслимо. Народъ долженъ переносить свое право властительства на нѣкоторое число выборныхъ людей и облекать ихъ правительственною автономіей. Эти выборные люди, въ свою очередь, не могутъ править непосредственно, но принуждены выбирать еще меньшее число довѣренныхъ лицъ,—министровъ.

Но этотъ механизмъ могъ-бы успѣшно дѣйствовать, когда-бы довѣренныя отъ народа лица устранились вовсе отъ своей личности; когда-бы на парламентскихъ скамьяхъ сидѣли механическіе исполнители даннаго имъ наказа; когда-бы министры явились тоже безличными, механическими исполнителями воли большинства; когда-бы притомъ представителями народа избираемы были всегда лица, способныя уразумѣть въ точности и исполнять добросовѣстно данную имъ и математически точно выраженную программу дѣйствій. Вотъ, при такихъ условіяхъ дѣйствительно машина работала-бы исправно и достигала-бы цѣли. Законъ дѣйствительно выражалъ-бы волю народа; управленіе дѣйствительно исходило-бы отъ парламента; опорная точка государственнаго зданія лежала-бы дѣйствительно въ собраніяхъ избирателей, и каждый гражданинъ явно и сознательно участвовалъ-бы въ правленіи общественными дѣлами.

Такова теорія. Но посмотримъ на практику. Представители народные не стѣсняются нисколько взглядами и мнѣніями избирателей, но руководятся собственнымъ произвольнымъ усмотрѣніемъ или расчетомъ, соображаемымъ съ тактикою противной партіи. Министры въ дѣйствительности самовластны. Они вступаютъ во власть и оставляютъ власть не въ силу воли народной, но потому, что ихъ ставитъ къ власти или устраняетъ отъ нея могущественное личное вліяніе или вліяніе сильной партіи. Они располагаютъ всѣми силами и достатками націи по своему усмотрѣнію и не боятся никакого порицанія, если располагаютъ большинствомъ въ парламентѣ, а большинство поддерживаютъ раздачей всякой благостыни съ обильной трапезы, которую государство отдало имъ въ распоряженіе. Въ дѣйствительности министры столь-же безотвѣтственны, какъ и народные представители.

Парламентъ есть учрежденіе, служащее для удовлетворенія личнаго честолюбія и тщеславія и личныхъ интересовъ представителей. Парламентаризмъ есть торжество эгоизма, высшее его выраженіе. По смыслу парламентской фикціи, представитель отказывается въ своемъ званіи отъ личности и долженъ служить выраженіемъ воли и мысли своихъ избирателей; а въ дѣйствительности избиратели въ самомъ актѣ избранія отказываются отъ всѣхъ своихъ правъ въ пользу избраннаго представителя.

Вотъ какъ практикуется выборное начало. Честолюбивый искатель самъ выступаетъ передъ согражданами и старается всячески увѣрить ихъ, что онъ, болѣе чѣмъ всякій иной, достоинъ ихъ довѣрія. Изъ какихъ побужденій выступаетъ онъ на это искательство. Кто по натурѣ своей способенъ къ безкорыстному служенію общественной пользѣ въ сознаніи долга, тотъ не пойдетъ заискивать голоса, не станетъ воспѣвать хвалу себѣ на выборныхъ собраніяхъ. Лучшимъ людямъ, людямъ долга и чести противна выборная процедура.

Искатель представительства, если не имѣетъ еще самъ по себѣ извѣстнаго имени, начинаетъ съ того, что подбираетъ себѣ кружокъ пріятелей и споспѣшниковъ; затѣмъ всѣ вмѣстѣ производятъ ловлю комитета, руководящаго и овладѣвающаго выборами—это своего рода компанія на акціяхъ. Организуются собранія, произносятся рѣчи: здѣсь тотъ, кто обладаетъ крѣпкимъ голосомъ и умѣетъ быстро и ловко нанизывать фразы, производитъ всегда впечатлѣніе на массу, получаетъ извѣстность. Фраза и не что иное, какъ фраза господствуетъ въ этихъ собраніяхъ. Толпа слушаетъ лишь того, кто громче кричитъ и искуснѣе поддѣлывается подъ ходячія въ массѣ понятія и наклонности.

Лишь немногіе подаютъ голоса свои сознательно. Большинство избирателей даетъ свой голосъ стаднымъ обычаемъ, за одного изъ кандидатовъ, выставленныхъ комитетомъ. На билетахъ пишется то имя, которое

всего громче натвержено и звенѣло въ ушахъ у всѣхъ въ послѣднее время. Никто почти не знаетъ человѣка, не даетъ себѣ отчета ни о характерѣ его, ни о способностяхъ, ни о направленіи: выбираютъ потому что много наслышаны объ его имени. Положимъ, какой-нибудь добросовѣстный избиратель пожелалъ-бы дѣйствовать сознательно въ такомъ важномъ дѣлѣ, не захотѣлъ-бы подчиниться насильственному давленію комитета. Ему остается—или уклониться, или подать голосъ за своего кандидата. Но какъ-бы ни поступилъ онъ,—все-таки выбранъ будетъ тотъ, кого провозгласила масса легкомысленныхъ, равнодушныхъ или уговоренныхъ избирателей.

По теоріи, избранный долженъ быть излюбленнымъ человѣкомъ большинства, а на самомъ дѣлѣ избирается излюбленникъ меньшинства, иногда очень скуднаго, только это меньшинство представляетъ организованную силу, тогда какъ большинство, какъ песокъ, ничѣмъ не связано, и потому безсильно передъ кружкомъ или партіей. Выборъ долженъ-бы падать на разумнаго и способнаго, а въ дѣйствительности падаетъ на того, кто нахальнѣе суется впередъ. Казалось-бы, для кандидата существенно требуется образованіе, опытность, добросовѣстность въ работѣ; а въ дѣйствительности всѣ эти качества могутъ быть и не быть: они не требуются въ избирательной борьбѣ, тутъ важнѣе всего—смѣлость, самоувѣренность въ соединеніи съ ораторствомъ.

Такъ нараждается народный представитель, пріобѣтается его полномочіе. Какъ онъ употребляетъ его? Если натура у него энергическая, онъ принимается образовывать партію; если онъ заурядной натуры, то самъ примыкаетъ къ той или другой партіи.

Большая, значительная въ парламентѣ партія образуется подъ вліяніемъ личнаго честолюбія, группируясь около одного господствующаго лица. Люди, по природѣ, дѣлятся на двѣ категоріи: одни—не терпятъ надъ собою никакой власти, и потому необходимо стремятся господствовать сами, другіе, по характеру своему, страшась нести на себѣ отвѣтственность, соединенную со всякимъ рѣшительнымъ дѣйствіемъ, уклоняются отъ всякаго рѣшительнаго акта воли: эти послѣдніе составляютъ изъ себя стадо, слѣдующее за людьми воли и рѣшенія, составляющими меньшинство. Итакъ, всѣ существенныя дѣйствія парламентаризма отправляются вождями партій: они ставятъ рѣшенія, они ведутъ борьбу. Публичныя засѣданія не что иное какъ представленіе для публики. Произносятся рѣчи для того, чтобы поддержать фикцію парламентаризма: рѣчи служатъ къ прославленію ораторовъ, къ возвышенію популярности, къ составленію карьеры,—но въ рѣдкихъ случаяхъ рѣшаютъ подборъ голосовъ. Каково должно быть большинство,—это рѣшается обыкновенно внѣ засѣданія. По теоріи парламентаризма, должно господствовать разумное большинство; на практикѣ господствуютъ пять-шесть предводителей пар-

тіи. По теоріи, убѣжденіе утверждается ясными доводами во время парламентскихъ дебатовъ; на практикѣ—оно не зависитъ нисколько отъ дебатовъ, но направляется волею предводителей и соображеніями личнаго интереса. По теоріи, народные представители имѣютъ въ виду единственно народное благо; на практикѣ—они подъ предлогомъ народнаго блага, и на счетъ его, имѣютъ въ виду преимущественно личное благо свое и друзей своихъ. По теоріи—избиратель даетъ голосъ за своего кандидата потому, что знаетъ его и довѣряетъ ему; на практикѣ—избиратель даетъ голосъ за человѣка, котораго по большей части совсѣмъ не знаетъ, но о которомъ натверженно ему рѣчами и криками заинтересованной партіи.

Государственная власть призвана дѣйствовать и распоряжаться; дѣйствія ея суть проявленія единой воли,—безъ этого немыслимо никакое правительство. Но въ какомъ смыслѣ множество людей или собраніе народное можетъ проявлять единую волю? На дѣлѣ народное собраніе способно только принимать мнѣніе, выраженное однимъ человѣкомъ или нѣкоторымъ числомъ людей; или, наконецъ—безразличное мнѣніе того или другого вліятельнаго органа печати. Выборы, съ раздробленіемъ партій, приняли характеръ личной борьбы мѣстныхъ интересовъ, отрѣшенной отъ основной идеи о пользѣ государственной. При крайнемъ умноженіи числа членовъ собранія большинство ихъ, помимо интереса борьбы и партіи, заражается равнодушіемъ къ общественному дѣлу и теряетъ привычку присутствовать во всѣхъ засѣданіяхъ и участвовать непосредственно въ обсужденіи всѣхъ дѣлъ. Каждымъ отдѣльнымъ племенемъ принадлежащимъ къ составу разноплеменнаго государства, овладѣваетъ желаніе имѣть свое самостоятельное управленіе. И это происходитъ не съ тѣми только племенами, которыя имѣли свою исторію и, въ прошедшемъ своемъ, отдѣльную политическую жизнь и культуру,—но и съ тѣми, которыя никогда не жили особою политическою жизнью. Монархія неограниченная успѣвала устранять или примирить всѣ подобныя требованія и порывы,—и не одною только силой, но и уравненіемъ правъ и отношеній подъ одною властью. Но демократія не можетъ съ ними справиться, каждое племя изъ своей мѣстности высылаетъ представителей—не государственной и народной идеи, но представителей племенныхъ инстинктовъ, племенного раздраженія, племенной ненависти—и къ господствующему племени.

Величайшее зло конституціоннаго порядка состоитъ въ образованіи министерства на парламентскихъ началахъ. Каждая политическая партія одержима стремленіемъ захватить въ свои руки правительственную власть, и къ ней пробирается. Сторонники министерской партіи подаютъ голосъ всегда за правительство; имъ приходится во всякомъ случаѣ стоять за него не изъ-за внутренняго согласія въ мнѣніяхъ, но потому, что это правительство само держитъ членовъ своей партіи во власти и во всѣхъ сопряженныхъ со властью преимуществахъ, выгодахъ и прибыляхъ.

Вмѣсто неограниченной власти монарха неограниченная власть парламента, съ тою разницей, что въ лицѣ монарха можно представить себѣ единство разумной воли; а въ парламентѣ нѣтъ его, ибо здѣсь все зависитъ отъ случайности, такъ какъ воля парламента опредѣляется большинствомъ, но какъ скоро при большинствѣ, составляемомъ, подъ вліяніемъ игры въ партію, есть меньшинство, воля большинства не есть уже воля цѣлаго парламента: тѣмъ еще менѣе можно признать ее волею народа, здоровая масса коего не принимаетъ никакого участія въ игрѣ партій и даже уклоняется отъ нея. Напротивъ того, именно нездоровая часть населенія мало-по-малу вводится въ эту игру и ею развращается; ибо главный мотивъ этой игры есть стремленіе къ власти и къ наживѣ. Политическая свобода становится фикціей, подерживаемою на бумагѣ, параграфами и фразами конституціи; начало монархической власти совсѣмъ пропадаетъ, торжествуетъ либеральная демократія, водворяя безорядокъ и насиле въ обществѣ, вмѣстѣ съ началами безвѣрія и матеріализма, провозглашая свободу, равенство и братство—тамъ, гдѣ нѣтъ уже мѣста ни свободѣ, ни равенству. Такое состояніе ведетъ неотразимо къ анархіи, отъ которой общество спасается одною лишь диктатурой, т. е. возстановленіемъ единой воли и единой власти въ правленіи.

(«Моск. Сборн». *К. П. Побѣдоносцева*).

Западные мыслители о парламентаризмѣ.

Ницше о Россіи и народномъ представительствѣ: «Россія—единственная держава, у которой въ настоящее время есть будущность, которая можетъ ждать, можетъ обѣщать. Россія—явленіе, обратное жалкой нервности мелкихъ европейскихъ государствъ. У всего Запада исчезли тѣ инстинкты, изъ которыхъ выростаютъ учрежденія, на которыхъ строится будущее. Люди живутъ торопливо, снимая съ себя всякую отвѣтственность за жизнь и это называютъ «*свободой*».

«Ничто не причиняетъ, такого вреда свободѣ, какъ общепризнанныя либеральныя учрежденія. Они подводятъ подъ одинъ уровень высокое и низкое, они дѣлаютъ людей мелкими и трусливыми, — въ нихъ торжествуетъ стадное животное. Либерализмъ въ переводѣ означаетъ торжество «*стаднаго начала*».

Ибсенъ въ «докторѣ Штокманъ» говоритъ: «Опаснѣйшіе среди насъ враги истины и свободы — это сплоченное большинство. Проклятое сплоченное, либеральное большинство!.. Это общественная ложь, одна изъ тѣхъ общепринятыхъ лживыхъ условностей, противъ которыхъ обязанъ возставать каждый свободный и мыслящій человѣкъ. Изъ какихъ людей составляется большинство въ странѣ? Изъ умныхъ или глупыхъ? Я думаю, всѣ согласятся, что глупые люди составляютъ страшное, подавляю-

щее большинство на всемъ земномъ шарѣ. Но правильно ли, чтобъ глупые управляли умными? На сторонѣ большинства *сила*, къ сожалѣнію, но не *право*».

Поль Бурже пишетъ: «всеобщая подача голосовъ, *глупая тиранія числа*, царство силы въ формѣ наиболѣе несправедливой и слѣпой, вотъ режимъ, установленный демократіей всюду, гдѣ она восторжествовала. Къ этому она присоединила бѣшеное пробужденіе толпы, всеобщее недовольство судьбою и постоянную угрозу бунтомъ со стороны четвертаго класса, класса нищеты и ненависти къ цивилизаціи, которая обѣщала свободу, равенство и братство и обанкротилась съ этими неосуществимыми обѣщаніями».

Профессоръ Лабандъ говоритъ: Если не болѣе какъ ни на чемъ *не основанная и произвольная фикція, будто большинство депутатовъ парламента* выражаетъ волю большинства народа, то эта фикція доводится уже просто до смѣшного, если какая-нибудь маленькая кучка случайно присутствующихъ членовъ парламента должна представлять собою представительство цѣлаго народа».

И. Тэнъ. Чтобы избиратель побезпокоился и пришелъ подать голосъ, нужно дать ему что нибудь положительное: мѣсто, обѣщаніе мѣста, нѣсколько хорошихъ обѣдовъ, эля, вина, иногда денегъ. Убитые и раненые или посаженные въ тюрьмы избиратели—вотъ наглядное доказательство «свободы, насаждаемой парламентаризмомъ».

Глава IX.

Современная форма правленія въ Россіи.

Основнымъ актомъ, юридическимъ основаніемъ образа правленія въ Россіи служитъ «*Утверженная Грамота*» собора 1613 года [1]). Рукопись грамоты, въ двухъ экземплярахъ, скрѣплена печатями и подписями высшихъ митрополитовъ, епископовъ, настоятелей монастырей, бояръ, окольничихъ и выборныхъ отъ дворянъ, приказныхъ, посадскихъ и сельскихъ людей. Одинъ экземпляръ хранится въ Московской Оружейной Палатѣ, другой въ Московскомъ Государственномъ Древлехранилищѣ.

Вотъ эта грамота:

«*Послалъ Господь Богъ Свой Святый праведный Духъ* въ сердца всѣхъ православныхъ хрестьянъ, яко едиными усты вопияху, *что быти на Владимерскомъ и на Московскомъ и на всѣхъ государствахъ Россійскаго Царствія государемъ царемъ и великимъ княземъ, всеа Русіи самодержцемъ*... тебѣ великому государю Михайлу Федоровичу» [2]).

«Цѣловали есмя животворящій крестъ и обѣтъ дали..., что за великого государя, *Богомъ почтеннаго и Богомъ избраннаго и Богомъ возлюбленнаго*, царя и великого князя Михайла Ѳедоровича, *всеа Русіи самодержца*, и за его благовѣрную царицу и великую княгиню, *и за ихъ царскіе дѣти, которыхъ имъ, государемъ, впередъ Богъ дастъ*, души свои и головы положити, и *служити имъ*, государемъ нашимъ, *вѣрою и правдою, всѣмъ, душами своими и головами*... И иного государя, мимо государя царя и великого князя Михайла Ѳедоровича, *всеа Русіи самодержца, и ихъ царскихъ дѣтей, которыхъ имъ, великимъ государемъ, впередъ Богъ дастъ*... не искати и не хотѣти. А хто похочетъ мимо государя царя и великого князя Михайла Ѳедоровича, всеа Русіи самодержца, *и ихъ царскихъ дѣтей, которыхъ, государемъ, впередъ Богъ дастъ*, искати и хотѣти иного государя ис какихъ людей ни буди, или *какое лихо похочетъ учинити*, и намъ бояромъ, и окольничимъ, и дворяномъ, и приказнымъ людемъ, и гостемъ, и дѣтемъ боярскимъ и всякимъ людемъ, *на тѣ*

[1]) См. изд. 1906 г., подъ ред. С. А. Бѣлокурова.

[2]) Тамъ же, стр. 49.

измѣнника, стояти всею землею за одинъ». «Прочтоша сію *Утвержденную Грамоту* на *Вселенскомъ Соборѣ*, и выслушавъ на большое во вѣки укрепленіе... быти такъ во всемъ по тому, какъ въ сей Утвержденной Грамотѣ писано. А кто убо не похощетъ послушати *сего Соборнаго Уложенія, его же Богъ благослови*, и начнетъ глаголати ина, и молву въ людехъ чинити, и таковый, аще отъ священныхъ чину, и отъ бояръ царскихъ сигклитъ и воинственныхъ, или инъ хто отъ простыхъ людей, и въ какомъ чину ни буди, *по священнымъ правиломъ святыхъ апостолъ и вселенскихъ седми соборовъ святыхъ отецъ и помѣстныхъ, и по Соборному Уложенію всего Освященнаго собора, чину своего изверженъ будетъ, и отъ Церкви Божіи отлученъ и святыхъ Христовыхъ Таинъ пріобщенія, яко раскольникъ Церкви Божія, и всего православнаго христьянства мятежникъ и разорителъ закону Божію*, а по царскимъ закономъ месть воспримет, и нашего смиренія и *всего Освященнаго Собора* не буди на немъ благословенія *отнынѣ и до вѣка... Да будетъ твердо и неразрушимо въ предъидущія лѣта, въ роды и роды, и не прейдетъ ни едина черта или ота едина отъ написанныхъ въ ней, ни чесоже.* И тако вси вкупе совещавшеся, и твердымъ *согласіемъ Святого Духа*, положиша ю въ хранила царскіе, къ докончальнымъ и утвержеиным грамотамъ».

«А на соборе были Московскаго государства изо всѣхъ городовъ Россійскаго Царствія власти: митрополиты, и епископы, и архимариты, и игумены, и протопопы, и *весь Освященный Соборъ*, и бояре и окольничіе, и чашники, и столники, и стряпчіе, и думные дворяне, и діяки, и жильцы, и дворяне большіе, и дворяне изъ городовъ, и діяки исъ приказовъ, и головы стрелетцкіе, и всякіе приказные и дворовые люди, и гости, и сотники стрелецкіе, и атаманы казачьи, и стрельцы и казаки, и торговые и посадцкіе, и всякихъ чиновъ всякіе служилые и жилетцкіе люди, и изо всѣхъ городовъ всего Россійскаго Царствія выборные люди, которые присланы съ выборы за всякихъ людей руками о государскомъ обиранье».

«А уложена бысть и написана сія *Утвержденная Грамота*, за руками и за печатми, великого государя нашего Царя и великого князя Михаила Федоровича, всеа Руссіи Самодержца, въ царствующемъ градѣ Москвѣ, въ первое лѣто царства Его, а отъ созданія миру 7121-го».

Такимъ образомъ Соборное Уложеніе 1613 года, передаетъ «*по повелѣнію Господа Бога*» дому Романовыхъ *на вѣчныя времена наслѣдственную самодержавную царскую власть*, а для опредѣленія существа власти русскаго Монарха внесены въ русское законодательство слѣдующія опредѣленія.

При Петрѣ Великомъ власть Государя закономъ опредѣляется такъ:

«Монарховъ власть есть *самодержавная, которымъ повиноватися Самъ Богъ за совѣсть повелѣваетъ*».

«Его Величество есть *самовластный Монархъ*, который никому на свѣтѣ о своихъ дѣлахъ отвѣту дать не долженъ».

Когда по смерти Петра II на престолъ вступила Анна Іоанновна, она какъ извѣстно, приняла престолъ на условіяхъ ограниченной власти, но затѣмъ уничтожила принятые пункты, объявивъ указомъ:

«Вѣрные наши подданные, всѣ единогласно Насъ просили, дабы Мы *самодержавство* въ Нашей Россійской Имперіи, *какъ издревлѣ прародители Наши имѣли*, воспріять соизволили, по которому ихъ всенижайшему прошенію, *Мы то самодержавство воспріять и соизволили*» [1].

Императоръ Павелъ I, въ 1797 году, утвердилъ акты «*О наслѣдованіи престола*», и «*Учрежденіе объ Императорской Фамиліи*». Оба акта Россійской Имперіи, и въ день коронаціи Павла I *были положены на престолѣ Успенскаго Собора, какъ бы подъ охрану православной Церкви и православнаго русскаго народа* [2].

Въ этомъ актѣ говорится:

Царствующій, яко *неограниченный Самодержецъ*, во всякомъ противномъ случаѣ, имѣетъ право отъ назначеннаго Нами отрѣшать, и поступать, какъ съ неповинующимися воли Нашей [3].

Въ настоящее время извѣстныя политическія партіи и часть печати утверждаютъ, якобы въ Россіи существовавшая до 1905 года форма правленія измѣнена на конституціонную, въ видѣ ограниченной монархіи.

Въ доказательство *перемѣны образа правленія* въ Россіи, — преобразованія неограниченной монархіи въ конституціонную, — указываютъ на слѣдующія измѣненія, внесенныя изданіемъ «Свода Основныхъ Государственныхъ Законовъ» 1906 года въ старыя формулы опредѣленія «существа Верховной Самодержавной Власти».

Основной законъ редакціи Сперанскаго, изданный въ 1832 году, опредѣлялъ «существо Верховной Самодержавной Власти» въ Россіи формулою: «Императоръ Всероссійскій есть *Монархъ* Самодержавный и *неограниченный*»; а въ новыхъ основныхъ законахъ эти формулы измѣнены такъ:

«*Императору Всероссійскому принадлежитъ Верховная Самодержавная власть*».

Отсюда заключаютъ, что *неограниченность Царской власти упразднена, а остался только «Императоръ Самодержавный»*, а Самодержавный значитъ просто независимый отъ какого-либо другого государя.

Далѣе неограниченность законодательной власти а Самодержавнаго Царя основной законъ редакціи граф. Сперанскаго опредѣлялъ такою формулою:

---

[1] Пол. Собр. Зак., № 5509.

[2] Тамъ же, № 17910.

[3] Тамъ же, № 17906; отд. I, п. 71.

«Имперія Россійская управляется на твердыхъ основаніяхъ положительныхъ законовъ, учрежденій и уставовъ, *отъ Самодержавной власти исходящихъ*» (с. 47).

А по новымъ основнымъ законамъ:

Государь Императоръ осуществляетъ законодательную власть *въ единеніи съ Государственнымъ Совѣтомъ и Государственною Думою* (7).

Государю Императору принадлежитъ *починъ* по всѣмъ предметамъ законодательства (8).

Никакой новый законъ не можетъ послѣдовать безъ одобренія Государственнаго Совѣта и Государственной Думы и воспріять силу безъ утвержденія Государя Императора (9, 86, 111).

Отсюда заключаютъ, что *Императору принадлежатъ только инициатива закона и утвержденіе.*

По редакціи законовъ 1832 г. формула Сперанскаго такъ опредѣляла власть Государя въ верховномъ государственномъ правленіи:

Власть управленія *во всемъ ея пространствѣ* принадлежитъ Государю. Въ управленіи верховномъ власть Его дѣйствуетъ непосредственно; въ дѣлахъ же управленія подчиненнаго опредѣленная степень власти ввѣряется отъ Него мѣстамъ и лицамъ, дѣйствующимъ Его именемъ и по Его повелѣнію (с. 80).

Въ новыхъ основныхъ законахъ:

Власть управленія во всемъ ея объемѣ принадлежитъ Государю Императору въ предѣлахъ всего государства россійскаго. Въ управленіи верховномъ власть его дѣйствуетъ непосредственно; въ дѣлахъ же управленія подчиненнаго опредѣленная степень власти ввѣряется отъ него, *согласно закону*, подлежащимъ мѣстамъ и лицамъ, дѣйствующимъ Его именемъ и по Его повелѣнію (10).

Отсюда заключаютъ, что власть Государя ограничена законами, долженствующими истекать изъ воли народныхъ представителей.

Всѣ эти доводы опровергаются слѣдующими фактами.

Въ 1-хъ, совершенно невѣрно утвержденіе, будто «Самодержецъ» означаетъ лишь независимость Государя отъ иностраннаго сюзерена.

Это доказывается слѣдующимъ:

«Утвержденная Грамота» говоритъ, что избранному на царство Михаилу Романову и его потомкамъ вручается «Самодержавство». Нигдѣ не прибавляется и «неограниченная власть», слѣдовательно, Самодержавство разумѣвалось тождественнымъ съ неограниченной властью.

Нѣкоторые утверждаютъ, якобы Михаилъ Ѳеодоровичъ принялъ царство на нѣкоторыхъ ограничивающихъ условіяхъ. Но Петръ Великій былъ несомнѣнно Монархъ неограниченный, а между тѣмъ онъ внесъ въ государственные акты опредѣленіе своей власти, что она есть власть «Самодержавная».

Анна Іоанновна, разорвавъ тѣ ограничительные пункты, на которыхъ она приняла россійскій престолъ, объявила, что она «Самодержавство соизволила воспріять». Не прибавляя «неограниченная».

Итакъ, ясно, что Самодержавство понималось въ смыслѣ неограниченности, и до 1797 года слово «неограниченный» ни въ какихъ государственныхъ актахъ и не употреблялось. Слово «неограниченный» внесено въ формулу Царской власти лишь въ 1832 году г. при кодификаціи законовъ подъ редакціей графа Сперанскаго, и если понимать формулу «Самодержавный» такъ, какъ толкуютъ конституціоналисты, придется признать, что до Императора Николая I-го, когда прибавлено въ формулу Царской власти слово неограниченный, у насъ Царская власть была ограниченная.

Кромѣ того, та статья уложенія объ императорской фамиліи, въ которой Императоръ Павелъ I-й впервые внесъ слово неограниченный,—въ той же редакціи вошла и въ новые основные законы 1906 г. Она гласитъ:

«*Царствующій Императоръ, яко неограниченный Самодержецъ*, во всякомъ противномъ случаѣ, имѣетъ власть отрѣшать неповинующагося отъ назначенныхъ въ семъ законѣ правъ, и поступать съ нимъ, яко преслушнымъ волѣ *Монаршей*» (ст. 222). Значитъ и новые основные законы употребляютъ въ приложеніи къ нынѣ существующей Царской власти не только терминъ, «Самодержавная» но и «неограниченная», не разлагая ихъ.

Что же касается до статей 7—8-й Осн. Законовъ, изданія 1906 г., въ которыхъ говорится, что Государь Императоръ осуществляетъ законодательную власть въ единеніи съ Гос. Совѣтомъ и Гос. Думой и что никакой законъ не можетъ послѣдовать безъ одобренія Гос. Совѣта и Гос. Думы, то выводить отсюда объ ограниченія Царской власти нельзя, ибо и въ прежнихъ законахъ редакціи Сперанскаго значится слѣдующее:

«*Всѣ предначертанія законовъ разсматриваются въ Гос. Совѣтѣ*, потомъ восходятъ на Высочайшее усмотрѣніе, *и не иначе поступаютъ къ предназначенному ихъ совершенію, какъ дѣйствіемъ Самодержавной власти*» (ст. 50).

Такъ какъ этой статьей устанавливалась обязательность прохожденія законовъ чрезъ Гос. Совѣтъ, то, слѣдовательно, и раньше могли утверждать, будто власть Императора ограничена Гос. Совѣтомъ.

Манифестъ 20 февраля 1906 г. ни слова не говоритъ о томъ, что существо самой власти Государя измѣняется, а лишь объявляетъ, что устанавливаются новые пути, *по которымъ будетъ проявляться Самодержавная власть* Всероссійскихъ Монарховъ».

Манифестъ прямо указываетъ, что представительныя учрежденія есть лишь «новые пути» проявленія той же «Самодержавной власти

Монарха» и, слѣдовательно, ограничивать Монарха никоимъ образомъ не могутъ.

Кромѣ сего члены Гос. Думы и Гос. Совѣта обязаны Государю Императору вѣрноподданнической присягой, текстъ которой, содержащійся въ основныхъ законахъ, гласитъ слѣдующее:

«Я, нижепоименованный, *обѣщаюсь и клянусь* Всемогущимъ Богомъ, предъ святымъ Его Евангеліемъ *въ томъ, что хочу и долженъ* Его Императорскому Величеству, своему истинному и природному Всемилостивѣйшему Великому Государю Императору NN, *Самодержцу Всероссійскому, и законному Его Императорскаго Величества Всероссійскаго Престола Наслѣднику вѣрно и нелицемѣрно служить и во всемъ повиноваться, не щадя живота своего до послѣдней капли крови, и всѣ* къ высокому *Его* Императорскаго Величества самодержавству, силѣ и власти принадлежащія *права и преимущества*, узаконенныя и впредь узаконяемыя, по крайнему разумѣнію, силѣ и возможности *предостерегать и оборонять*» (приложеніе I).

Такимъ образомъ, *новѣйшее преобразованіе Г. Совѣта* включеніемъ въ его составъ выборныхъ людей и *учрежденіе Г. Думы* изъ выборныхъ людей *не измѣнили самодержавную неограниченную власть русскаго Монарха во власть монарха конституціоннаго, ограниченнаго парламентомъ народныхъ представителей. Парламентъ соучаствуетъ въ верховной власти Государя, а наши Г. Совѣтъ и Г. Дума*, состоящіе изъ членовъ, принявшихъ присягу хранить и оберегать всѣ принадлежащія Его Императорскому Величеству Самодержавству права такими-то участниками быть не могутъ, а просто представляютъ собою только высшія совѣщательныя учрежденія, состоящія при Государѣ и по его повелѣнію обязанныя повѣрять бюджетъ, обсуждать законы и контролировать государственную службу по исполненію законовъ, истекающихъ изъ воли Самодержавнаго Императора.

Самоквасовъ говоритъ: самое слово «Самодержавный» доказываетъ, что у насъ не только нѣтъ конституціоннаго ограниченія царской власти, но и быть его не можетъ, ибо *русскій Императоръ юридически не можетъ*, подобно западно-европейскимъ князьямъ и королямъ, *октроировать конституцію*,— уступить по своей волѣ парламенту народныхъ представителей «священныя» права самодержавнаго Царя русской земли, врученныя дому Романовыхъ соборомъ 1613 года, какъ не можетъ Онъ измѣнить русскому Православію.

Законный Наслѣдникъ Всероссійскаго престола можетъ воспользоваться правомъ отреченія, но если онъ принимаетъ престолъ, то при «священномъ» короноваціи и муропомазаніи обязуется: 1) *Свято соблюдать установленные законы о наслѣдіи* Всероссійскаго престола; 2) *исповѣдывать Православную вѣру*, а потому предъ совершеніемъ обряда священнаго коронованія произнести всенародно символъ Православной вѣры; 3) во время обряда коронованія и муропомазанія, *облекшись въ символы неограниченной самодержавной власти*, въ порфиру, корону, скипетръ и

державу, *въ установленной молитвѣ призвать благословеніе Божіе на правленіе* Всероссійскимъ Царствомъ къ пользѣ своего народа и къ славѣ Божіей, *повинуясь въ своемъ служеніи, въ значеніи Царя и Судьи, только премудрости, присущей Божественному престолу, и отдавая отчетъ въ своемъ правленіи только суду Божію* (ст. 39, 57, 58, 63). (Верховная Самодержавная власть).

Говорятъ, что современныя мечтанія объ «учредительныхъ собраніяхъ» излюбленныхъ и избранныхъ народомъ земскихъ и всякаго рода людей для обсужденія государственнаго строя и государственной жизни нисколько не противны поэтому завѣтамъ родной старины.

Всѣ тѣ соборы, которые были при Грозномъ, при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и Алексѣѣ Михайловичѣ, созываемы были по волѣ и желанію самихъ царей — ими самими, происходили не безъ участія представителей Церкви и никогда не имѣли рѣшающаго народовластительскаго характера. Это отсутствіе народовластительства въ древне-русскихъ земскихъ соборахъ сказалось даже на такомъ соборѣ, какъ соборъ 1598 года, когда не было царя, и царь только еще былъ избираемъ; ибо на этомъ соборѣ «всенароднымъ множествомъ» Борисъ Годуновъ потому и былъ объявленъ царемъ, что онъ, какъ братъ царицы Ирины, принявшей иночество былъ самымъ законнымъ преемникомъ ея царственнаго права. Потому-то соборъ и не избралъ собственно Годунова, а уяснивъ, въ согласіи съ патріархомъ эту законность преемства Годунова, лишь упрашивалъ его не отказаться отъ власти и умолялъ царицу благословить брата на царство. Въ этомъ благословеніи не было бы надобности, если бы соборъ признавалъ за своимъ постановленіемъ рѣшающую силу, или, что то же, законодательное значеніе.

Въ этомъ смыслѣ древніе земскіе соборы вполнѣ справедливо могутъ быть приравниваемы къ тому современному государственному учрежденію, которое именуется Г. Совѣтомъ, съ тѣмъ лишь различіемъ, что это учрежденіе—постоянное, а тѣ были временныя, вызывавшіяся особенными, выходившими изъ ряда обычныхъ, нуждами и потребностями государства и потому они составлялись изъ опытныхъ и свѣдущихъ людей, всякаго званія и состоянія. Правда, въ Г. Совѣтѣ нѣтъ и этой всесословности старинныхъ земскихъ соборовъ. Но главное, что было въ этихъ соборахъ, есть и въ Г. Совѣтѣ, но чего нѣтъ въ лелѣемыхъ нашими конституціоналистами, «учредительныхъ собраніяхъ», это то, что соборы эти соблюдались не по волѣ народа и въ составѣ своемъ опредѣлялись не самовольными желаніями его, а указаніями царя, и подобно тому, какъ и нашъ постоянный Государственный Совѣтъ, имѣли лишь совѣщательный, а не учредительный, или, что то же, законодательный характеръ; такъ что государь воленъ не утвердить его и согласиться съ меньшинствомъ, какъ это и бывало. (Прот. Соловьевъ).

Глава X.

О правѣ духовенства участвовать въ выборахъ въ Гос. Думу и Гос. Совѣтъ.

Голосъ архипастырей русской Церкви о необходимости активнаго участія духовенства въ государственныхъ и общественныхъ дѣлахъ и учрежденіяхъ.

Со времени учрежденія въ Россіи Г. Думы и Г. Совѣта—съ выборными отъ населенія Имперіи депутатами въ названныя законодательныя Палаты, предъ Церковью Православной и въ—частности ея духовенствомъ сталъ серьезный вопросъ о взаимоотношеніи Церкви и Государства вообще и о степени участія духовенства въ дѣлахъ государственнаго и общественнаго управленія—въ частности.

Рѣшеніе этого послѣдняго вопроса—объ участіи духовенства въ гражданскихъ дѣлахъ церковные люди даютъ троякое: 1) или церковные пастыри должны принимать активное участіе во *всѣхъ* дѣлахъ, касающихся жизни ихъ паствы, 2) или они могутъ принимать участіе въ государственныхъ и общественныхъ дѣлахъ, имѣющихъ только *ближайшее* отношеніе къ *вѣрѣ* и *благочестію* и 3) или они совсѣмъ *не должны* участвовать въ этихъ гражданскихъ дѣлахъ.

Въ виду важности этого вопроса и въ государственномъ и въ церковномъ отношеніи, и принимая во вниманіе, что рѣшеніе его въ церковныхъ кругахъ получается различное, Св. Синодъ, предполагая подвергнуть этотъ вопросъ обсужденію на предстоящемъ помѣстномъ соборѣ Русской Церкви, въ 1905 году въ числѣ другихъ вопросовъ предложилъ для отзыва епархіальнымъ архіереямъ и этотъ вопросъ—объ участіи духовенства въ общественныхъ и государственныхъ дѣлахъ и учрежденіяхъ.

Подавляющее большинство епархіальныхъ преосвященныхъ (или почти всѣ) высказалось по сему вопросу положительно, т. е. что *непосредственное и активное участіе духовенства въ общественныхъ и государственныхъ дѣлахъ и учрежденіяхъ необходимо*, что, при современномъ строѣ государственнаго управленія и законодательства, уклоненіе духовенства отъ такого участія въ дѣлахъ гражданскаго устроенія Св. Руси, гдѣ «живетъ и движется» 90% населенія православной паствы, было бы прямо преступно, поелику устроеніе это касается интересовъ не только внѣшняго благосостоянія и порядка въ Отечествѣ, но и *духовныхъ нуждъ церковнаго стада*.

Вотъ эти отзывы:

По вопросу объ участіи духовенства въ общественныхъ учрежденіяхъ епархіальные преосвященные принимали въ разсужденіе: 1) Слово Божіе, каноны Вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и наставленія свв. отцовъ; II) исторію Церквей греческой и русской; III) дѣйствующій законъ и законодательныя предначертанія власти, и IV) положеніе пастырей Церкви въ христіанскомъ обществѣ вообще и въ настоящее время въ частности—и въ подавляющемъ большинствѣ высказались, имѣя въ виду проведеніе чистыхъ христіанскихъ началъ въ общественно-государственную жизнь и вмѣстѣ—благо и Церкви православной и Русскаго Государства, за непосредственное участіе духовенства во всѣхъ государственно-общественныхъ учрежденіяхъ и всѣхъ ихъ дѣлахъ.

(По Слову Божію, церковнымъ канонамъ и ученію св. отцовъ).

Устроя на землѣ для спасенія вѣрующихъ Церковь, Христосъ Спаситель назвалъ ее Царствомъ не отъ міра сего, слѣдовательно—чуждою мірскихъ интересовъ. На просьбу одного изъ народа о раздѣлѣ имущества съ братомъ, Спаситель отвѣтилъ: «кто поставилъ Меня судить или дѣлить васъ?» Такимъ отвѣтомъ Іисусъ Христосъ показалъ, что Онъ заботился о вѣчномъ благѣ душъ, а всѣ остальные людскіе интересы чужды Ему. Судя по сему, жизнь общественная должна быть внѣ круга дѣятельности священнослужителей, какъ продолжателей устроенія Царства Христова на землѣ.—Правда, Іисусъ Христосъ ставитъ выше всего спасеніе и благо души. Но нельзя забывать, что милосердіе Его охватываетъ человѣка во всей его цѣлости. Его отношеніе къ тѣмъ страданіямъ и несправедливостямъ, которыя Онъ встрѣчалъ, Его негодованіе при видѣ неправды, глубокая жалость ко всѣмъ сирымъ и обездоленнымъ, постоянная заботливость о страданіяхъ тѣлесныхъ, многочисленныя чудеса для облегченія людей, терзаемыхъ болѣзнью или голодомъ,—все это говоритъ о томъ, что и тѣлесныя нужды человѣка не были чужды Христу Спасителю. Онъ заботился объ облегченіи ихъ, чѣмъ показалъ, что мірскіе

интересы не могутъ быть изъяты совершенно изъ круга дѣятельности служителей алтаря Господня, пока человѣкъ живетъ на землѣ. Вотъ почему, посылая учениковъ Своихъ на проповѣдь, Іисусъ Христосъ заповѣдалъ имъ исцѣлять больныхъ, очищать прокаженныхъ, изгонять бѣсовъ, способствуя такимъ образомъ матеріальному благосостоянію обездоленныхъ, ибо здоровье дороже всѣхъ внѣшнихъ благъ. Первая христианская община устроилась такъ, что въ ней церковные и общественные интересы слились нераздѣльно: полное общеніе имуществъ, почему между вѣрующими не было никого нуждающагося. Когда произошло несогласіе изъ-за раздаянія потребностей, апостолы избрали въ помощь себѣ діаконовъ, установивъ особый чинъ іерархическаго служенія, поручивъ ему заботу о мірскихъ интересахъ, съ возложеніемъ извѣстныхъ церковныхъ обязанностей. Ясно, что съ церковнымъ служеніемъ лицъ іерархіи могутъ соединяться извѣстныя общественныя обязанности, клонящіяся ко благу Церкви и удовлетворенію тѣлесныхъ нуждъ вѣрующихъ. Сборъ милостыни для бѣдныхъ производился или самими апостолами, или, по порученію ихъ, учениками и предстоятелями Церквей,—благовѣстниками Евангелія о вѣчномъ спасеніи, которымъ такимъ образомъ не должны быть чужды заботы объ удовлетвореніи тѣлесныхъ потребностей вѣрующихъ.—Вотъ почему апостольскія и соборныя правила, запрещая священнослужителямъ принимать на себя мірскія попеченія ради личныхъ корыстныхъ цѣлей, разрѣшаютъ управленія имѣніями сиротъ, больныхъ, вдовъ, чтобы не попало таковое управленіе въ руки обидящихъ. Такъ, 6 апостольское правило, подъ угрозою извержения, запрещаетъ епископу, пресвитеру и діакону принимать на себя «мірскія попеченія»,—по толкованію въ Кормчей книгѣ «злаго ради пріобрѣтенія своего, аще гдѣ не закономъ позвани будутъ младыхъ и несовершенныхъ возрастовъ дѣтей оставшееся имъ отъ родителей имѣніе управляти, или инако како повелѣни будутъ заступати вдовицъ и сиротъ и немощныя управляти, и не дати въ руцѣ обидящихъ стяжанія ихъ»; изъ этихъ словъ Кормчей книги ясно видно, когда и въ какихъ случаяхъ запрещается священнослужителямъ принимать на себя «мірскія попеченія»—только ради злого пріобрѣтенія своего. 81-е апостольское правило подтверждаетъ предыдущее: «не подобаетъ епископу или пресвитеру вдаватися въ народныя управленія, но неопустительно быти при дѣлахъ церковныхъ», и 83-е апостольское правило говоритъ: «епископъ или пресвитеръ или діаконъ, въ воинскомъ дѣлѣ упражняющійся и хотящій удержати обое, т. е. римское начальство и священническую должность, да будетъ изверженъ изъ священнаго чина». Вселенскіе и нѣкоторые изъ помѣстныхъ соборовъ подробно изъясняютъ, когда и въ какомъ случаѣ священнослужителямъ разрѣшается принимать на себя извѣстныя общественныя обязанности. Такъ, въ 3-емъ правилѣ IV Вселенскаго Собора сказано: «дошло до святого собора, что нѣкоторые

изъ принадлежащихъ къ клиру ради гнуснаго прибытка берутъ на откупъ чужія имѣнія и устрояютъ мірскія дѣла, о Божіемъ служеніи небрегутъ, а по домамъ мірскихъ людей скитаются, и порученія по имѣніямъ пріемлютъ, изъ сребролюбія. Посему опредѣлилъ святый и великій соборъ, чтобы впредь никто, ни епископъ, ни клирикъ, ни монашествующій не бралъ на откупъ имѣній и въ распоряженіе мірскими дѣлами не вступалъ, развѣ токмо по закону призванъ будетъ къ неизбѣжному попечительству надъ малолѣтними, или епископъ града поручитъ кому имѣть попеченіе о церковныхъ дѣлахъ, или сиротахъ и вдовахъ безпомощныхъ, и о лицахъ, которымъ нужно оказать церковную помощь ради страха Божія». 10-е правило VII Вселенскаго Собора, подтверждая вышеуказанное правило, запрещающее клирикамъ принимать на себя «мірскія и житейскія попеченія» или «занимать мірскую должность у глаголемыхъ вельможъ», рекомендуетъ клирикамъ: «лучше да идетъ учити отроковъ и домочадцевъ, читая имъ божественное Писаніе, ибо для сего и священство получилъ».

На помѣстномъ Карѳагенскомъ соборѣ, между прочимъ, постановлено девятнадцатымъ правиломъ: «да не бываютъ епископы и пресвитеры, и діаконы откупателями ради корысти, или управителями, и да не пріобрѣтаютъ пропитанія занятіемъ безчестнымъ или презрительнымъ». Наконецъ, двукратный помѣстный соборъ, происходившій въ Константинополѣ въ 861 году, подъ угрозою изверженія на основаніи божественныхъ правилъ, запрещаетъ клирикамъ: «принимать на себя мірскія начальственныя должности или попеченія или въ домахъ мірскихъ начальственныхъ лицъ званіе управителей».

Изъ приведенныхъ выше правилъ св. апостоловъ, Вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ нельзя заключать, чтобы клирики совершенно были устранены отъ участія въ государственныхъ и общественныхъ дѣлахъ. По духу сихъ правилъ, занятія мірскими дѣлами, или, на современномъ языкѣ, государственно-общественными, будутъ несовмѣстимы съ священнымъ званіемъ въ томъ случаѣ, когда они приняты были бы духовными лицами въ видахъ корыстныхъ и когда эти занятія явно отвлекали бы ихъ отъ исполненія прямыхъ обязанностей служенія Церкви. (Преосвященный Минскій).

Въ книгѣ «О должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ» даются такія наставленія объ участіи пастырей въ нуждахъ пасомыхъ: «Не точію къ страннымъ священникъ долженъ быть любителенъ, но и ко всѣмъ требующимъ помощи его, а наипаче нищимъ и въ недугахъ лежащимъ пособлять, о сиротахъ промышлять, вдовицъ и обиженныхъ заступать, о невинныхъ ходатайствовать. Если же убогія священники добродѣтель сію за невозможное почитаютъ, яко и сами требуютъ подаянія, то и въ такихъ обстоятельствахъ должны воззрѣть на апостоловъ, которые, дѣлая своими руками, о нищихъ помнили (Гал. II, 10), немощныя заступали

(Дѣян. XX, 35). Къ тому же могутъ да и должны суть прихожанъ своихъ могущихъ способомъ апостольскимъ къ сей добродѣтели поощрять (I Кор. XVI, 1, 2 Кор. VIII, 19). (Преосвященный Вологодскій. Ч. I, стр. 76—77).

Св. Василій Великій, указывая въ своемъ 70-мъ нравственномъ правилѣ, что должны дѣлать тѣ, кому ввѣрена проповѣдь Евангелія, между обязанностями ихъ званія упоминаетъ и о томъ, что «къ ввѣреннымъ они должны быть сострадательны и въ тѣлесныхъ ихъ нуждахъ и заботиться о нихъ». Такой-же настоятельный совѣтъ даетъ пастырямъ и св. Григорій Двоесловъ. «Нельзя, говоритъ онъ, одобрить тѣхъ пастырей, которые посвящаютъ свои занятія исключительно однимъ духовнымъ предметамъ, такъ что внѣшнія нужды паствы для нихъ какъ-бы не существуютъ». Занимаясь созерцаніемъ, стремясь въ горняя, пастырь въ то-же время долженъ относиться съ участіемъ и ко всѣмъ мелочамъ людскимъ, къ немощамъ и къ заботамъ плотскаго человѣка, подобно апостолу Павлу, выспреннимъ умомъ своимъ восходившему до тайнъ міра ангельскаго, а жалостливымъ сердцемъ нисходившему до таинъ супружескаго ложа». Замѣчательна мысль, проводимая отцами Церкви о томъ, что широкое участіе священнослужителей въ дѣлахъ общественнаго служенія въ сферѣ дѣятельной христіанской любви способствуетъ установленію тѣсной связи съ обществомъ. «Чѣмъ чаще будетъ видѣть тебя народъ дѣлающимъ доброе, тѣмъ больше возлюбитъ тебя», говоритъ св. Амвросій Медіоланскій. (Преосвященный Костромской).

(По исторіи Церкви греческой и русской).

а) Древнее византійское законодательство, со времени Константина Великаго и объявленія христіанской Церкви господствующею, призвало духовенство, въ лицѣ его представителей—епископовъ, къ самому широкому участію въ дѣлахъ управленія. Для нихъ открыты были многіе пути къ участію въ судѣ и администраціи, при чемъ это участіе епископы обыкновенно дѣлили съ почетнѣйшими гражданами той или другой мѣстности. Такъ, городскому начальству вмѣнено было въ обязанность дѣйствовать, при назначеніи опекуновъ и попечителей къ малолѣтнимъ и несовершеннолѣтнимъ, вмѣстѣ съ епископомъ и значительными лицами города, если таковыя есть. Епископамъ предоставлено было право участвовать въ выборѣ должностныхъ лицъ по городской администраціи и даже указывать достойнаго кандидата на должность начальника провинціи. Епископъ вмѣстѣ съ почетными гражданами имѣлъ право контролировать цѣлесообразность употребленія городскихъ доходовъ, принимать отчеты отъ администраторовъ, слѣдить за уравнительностью распредѣленія воды между обывателями, не допускать незаконнаго обремененія гражданъ

произвольными налогами и повинностями и проч. Епископы контролировали образъ дѣйствій провинціальныхъ намѣстниковъ и о всякомъ притѣсненіи населенія съ ихъ стороны, въ особенности объ отказѣ въ правосудіи, должны были доносить императору, равно какъ слѣдили вообще за образомъ дѣйствія всѣхъ судей и чиновниковъ. (Преосвященный Костромской).

Въ греческой Церкви епископамъ было предоставлено право завѣдыванія всѣми дѣлами общественной благотворительности и наблюденія за правильнымъ распредѣленіемъ пожертвованій. Тамъ-же, въ греческой Церкви, высшему духовенству въ городѣ вмѣстѣ съ свѣтскими знатнѣйшими гражданами предоставлялась каждогодная ревизія всего управленія городскими общественными заведеніями и попеченіе, чтобы общественныя недвижимыя имущества не были незаконно завладѣваемы, чтобы граждане не были подвергаемы какимъ-либо незаконнымъ поборамъ, чтобы купцы не производили торговли противозаконно. Изъ законовъ Юстиніана, Юстина младшаго и Ираклія можно видѣть, что епископы имѣли даже участіе въ дѣлахъ гражданскихъ и уголовнаго суда надъ лицами всѣхъ состояній. (Преосвященный Томскій).

б) Православное духовенство, отъ дней равноапостольнаго просвѣтителя Руси, во всѣ періоды русской исторической жизни, принимало такое или иное участіе въ государственно-общественныхъ учрежденіяхъ. Уже въ эпоху удѣльно-вѣчевого уклада русской политической жизни представители церковной іерархіи участвуютъ и въ княжескихъ совѣтахъ (или думахъ), и на междукняжескихъ съѣздахъ, способствуя рѣшенію тѣхъ или иныхъ вопросовъ внѣшней и внутренней политики въ духѣ христіанской вѣры и нравственности. Общій взглядъ московской Руси на участіе представителей православной церковной іерархіи въ рѣшеніи государственно-общественныхъ дѣлъ выразили въ 1610 году великіе московскіе послы въ слѣдующихъ словахъ, сказанныхъ ими польскому королю: «Изначала у насъ въ Русскомъ царствѣ такъ велось: если великія государственныя или земскія дѣла начнутся, то великіе государи наши призывали къ себѣ на соборъ патріарховъ, митрополитовъ и архіепископовъ и съ ними о важныхъ дѣлахъ совѣтовались, безъ ихъ совѣта ничего не приговаривали». Въ Москвѣ, въ XVI и XVII вѣкахъ, освященный соборъ входилъ, на-ряду съ боярской думой, въ составъ всѣхъ земскихъ соборовъ, какъ его необходимая составная часть. Глубокій интересъ въ данномъ случаѣ представляетъ слѣдующее историческое обстоятельство. Когда Нижегородское освободительное движеніе, предводимое княземъ Пожарскимъ, приступило въ Ярославлѣ въ 1612 году (уже послѣ страдальческой кончины патріарха Гермогена) къ устройству временнаго государственнаго правительства, то оно, не имѣя возможности призвать къ себѣ кого-либо изъ фактически занимавшихъ старѣйшія каѳедры іерарховъ,

призвало пребывавшаго на покоѣ въ Троице-Сергіевской обители бывшаго Ростовскаго митрополита Кирилла. Подъ его предсѣдательствомъ образовался въ Ярославлѣ «церковный совѣтъ» при временномъ правительствѣ, получившій вскорѣ затѣмъ обычное наименованіе освященнаго собора. Такимъ образомъ, даже временное правительство, въ самыхъ исключительныхъ обстоятельствахъ, не считало себя въ правѣ приступить къ началу устроенія земли (къ созыву земскаго собора) безъ участія представительства Церкви. Представительство Церкви не только присутствуетъ на всѣхъ Московскихъ земскимъ соборахъ, но и принимаетъ участіе во всѣхъ сферахъ ихъ дѣятельности. Оно дружно дѣйствуетъ со всею землею заодно, помогая ей въ упорядоченіи всѣхъ сторонъ внутренней государственно-общественной жизни. Первый земскій соборъ послѣ смутнаго времени возложилъ даже на архимандритовъ и игуменовъ такую совершенно исключительную обязанность, какъ сборъ съ населенія чрезвычайнаго военнаго налога, извѣстнаго подъ именемъ пятой деньги. Что же касается самой боярской думы, то въ засѣданіяхъ ея патріархъ, то одинъ, то окруженный освященнымъ соборомъ, присутствовалъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда предметомъ обсужденія въ ней были дѣла, имѣвшія серьезный государственно-общественный интересъ, или касавшіяся въ какомъ-либо отношеніи тѣхъ или иныхъ сторонъ религіозно-нравственной стороны жизни вообще.

Къ участію въ Московскихъ земскихъ соборахъ призывались духовныя лица не одной архіерейской степени. Съ одной стороны, Московскій освященный соборъ XVI и XVII в., входившій, какъ сказано выше, въ составъ всѣхъ земскихъ соборовъ, состоялъ не изъ однихъ архіереевъ, но и изъ архимандритовъ, игуменовъ и протопоповъ. Съ другой стороны, тѣ или иные представители монашествующаго и бѣлаго духовенства участвовали въ земскихъ соборахъ, избирательныхъ и обыкновенныхъ, и въ качествѣ выборныхъ. Подъ избирательною грамотою 1613 года нѣкоторые изъ нихъ въ самыхъ подписяхъ своихъ обозначали то, что они были на соборѣ въ качествѣ спеціально-избранныхъ представителей (наприм.: «съ Нижняго-Новгорода выборный, Спасскій протопопъ Сава», «съ Оскола выборный, Спасскій попъ Богданъ» и т. д.). Въ окружной грамотѣ царя Михаила Ѳеодоровича (посланной 5 іюля 1619 года въ Новгородъ Великій) повелѣвалось, «духовнымъ людямъ и дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ и посадскимъ и всякимъ людямъ выбрати (на земскій соборъ) людей добрыхъ и разумныхъ, изъ духовнаго чину человѣка или дву, и изъ дворянъ» и пр. Въ заголовкѣ сохранившейся пригласительной грамоты на земскій соборъ (въ Сольвычегодскъ 1612 года) упомянуты: «протопопы и попы и дьяконы».

Вообще, московская Русь допускала широкое участіе въ своихъ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ духовныхъ лицъ, и при томъ какъ

по ихъ оффиціальному церковно-іерархическому положенію, такъ и по выборамъ.

Въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ XVIII и XIX вѣка не видимъ присутствія представителей православной церковной іерархіи. За то въ XVIII в. не рѣдкостью были совмѣстныя засѣданія Св. Синода и Сената по дѣламъ общаго ихъ вѣдѣнія.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія поднятъ былъ вопросъ о назначеніи нѣсколькихъ іерарховъ православной Церкви въ число членовъ Государственнаго Совѣта. Но онъ не рѣшенъ былъ тогда въ положительномъ смыслѣ. Митрополитъ Филаретъ Московскій, высказавшійся отрицательно по этому вопросу, не указалъ однако никакихъ каноническихъ основаній для отрицательнаго его рѣшенія. Это обстоятельство само по себѣ не лишено серьезнаго значенія. Возраженія митрополита Филарета противъ допущенія іерарховъ въ составъ Государственнаго Совѣта построены были отчасти на доказательствѣ практической его безполезности для Церкви, отчасти на указаніи тѣхъ или иныхъ практическихъ неудобствъ при его осуществленіи, и имѣли вообще характеръ временный, относительный.

(Въ тѣхъ конституціонныхъ государствахъ, въ которыхъ принята двухпалатная система, представители православной церковной іерархіи состоятъ членами верхней палаты. Въ Румыніи, Австро-Венгріи членами ея состоятъ всѣ наличные православные епископы). (Запис. проф. Жуковича, предст. Антоніемъ Митр. С.-Петерб.).

Участіе русскаго духовенства до XVIII вѣка въ общественныхъ учрежденіяхъ обусловливалось самымъ выборнымъ началомъ. Клирики избирались изъ народа и тѣсно были съ нимъ связаны. Всѣ земскіе интересы были вмѣстѣ съ тѣмъ и интересами духовенства; вмѣстѣ съ мірянами оно платило подати, и благосостояніе его, за отсутствіемъ жалованья, всецѣло зависѣло отъ матеріальнаго достатка самихъ прихожанъ. Уже по этой одной причинѣ прежнее духовенство не могло быть равнодушнымъ къ общественнымъ дѣламъ; и дѣйствительно, въ числѣ голосовъ, раздававшихся противъ поборовъ, притѣсненій и правежей, были голоса и приходскихъ священниковъ. Кромѣ того духовенство, какъ образованное сословіе, принимало замѣтное участіе во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ, гдѣ требовались познанія и просвѣщенный кругозоръ. Священники часто расписывались за неграмотныхъ, скрѣпляли разные крѣпостные документы, участвовали въ судѣ въ качествѣ членовъ при разборѣ разныхъ судныхъ дѣлъ своихъ прихожанъ и подавали свой голосъ въ мірскихъ выборахъ земскихъ старостъ и судей.

Съ уничтоженіемъ выборнаго начала въ духовенствѣ, измѣнился и характеръ взаимныхъ отношеній между духовенствомъ и прихожанами; прихожане были устранены отъ непосредственнаго распоряженія церков-

ными доходами и имуществомъ, равнымъ образомъ и духовенство постепенно устранялось отъ участія въ земскихъ и общественныхъ дѣлахъ своего прихода. (Преосвященный Вологодскій).

(По дѣйствующему закону и законодательнымъ предначертаніямъ власти).

По дѣйствующимъ нынѣ земскому положенію (утв. 12 іюня 1890 года) и городскому положенію (утв. 11 іюня 1892 г.), православное духовенство лишено не только права участія по выбору въ земскихъ, уѣздныхъ и губернскихъ собраніяхъ и въ городскихъ думахъ, но и права участія въ самыхъ избирательныхъ, земскихъ и городскихъ собраніяхъ. Лишеніе православнаго духовенства этихъ правъ мотивировано въ журналахъ Государственнаго Совѣта слѣдующимъ образомъ: «Участіе духовенства въ земскомъ представительствѣ противорѣчитъ каноническимъ правиламъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, нерѣдко вовлекаетъ духовныхъ лицъ въ борьбу мѣстныхъ партій къ явному ущербу для ихъ положенія въ средѣ паствы». Ни въ архивѣ канцеляріи Св. Синода, ни въ архивѣ канцеляріи его Оберъ-Прокурора намъ не удалось найти слѣдовъ письменныхъ сношеній Государственнаго Совѣта или Министерства Внутреннихъ Дѣлъ съ Св. Синодомъ или его Оберъ-Прокуроромъ по настоящему вопросу. Остается, поэтому, неизвѣстнымъ, какимъ именно каноническимъ правиломъ признано было въ 1890 году противорѣчащимъ участіе православнаго духовенства въ земскомъ представительствѣ. Нынѣ дѣйствующими земскимъ и городовымъ положеніями допускаются къ участію въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ и городскихъ думахъ лишь депутаты отъ Духовнаго Вѣдомства по назначенію епархіальнаго начальства; по земскому же (утв. 1 января 1864 г.) и городовому (утв. 16 іюня 1870 г.) положеніямъ Императора Александра II, правосл. духовенство пользовалось избирательнымъ правомъ въ земскихъ и городскихъ собраніяхъ. Въ Высочайше одобренномъ 28 декабря 1863 года мнѣніи семнадцати членовъ Государственнаго Совѣта въ пользу допущенія православнаго духовенства къ участію въ избирательныхъ съѣздахъ и земскихъ собраніяхъ приведенъ цѣлый рядъ положительныхъ основаній государственнаго и церковнаго свойства (это мнѣніе можно читать въ печатной «Исторической запискѣ о ходѣ работъ по составленію и примѣненію положенія о земскихъ учрежденіяхъ»). (Записк. проф. Жуковича, предст. СПБ. митр.).

Участіе лицъ духовнаго вѣдомства въ общественныхъ учрежденіяхъ важно съ точки зрѣнія вліянія ихъ на дѣятельность этихъ учрежденій. Но, какъ не избранники населенія, депутаты духовнаго вѣдомства не пользуются нынѣ сколько-либо значительнымъ вліяніемъ: не только нѣтъ тѣснаго единенія между ними и выборными гласными, но на нихъ смотрятъ, какъ на людей, совершенно чуждыхъ интересамъ, обслужи-

ваемымъ общественными учрежденіями; ихъ заявленія снисходительно выслушиваются, но и только. Между тѣмъ, грозная дѣйствительность, казалось бы, говорила за желательность того, чтобы и пастыри Церкви могли болѣе дѣйствительно воздѣйствовать на мятущееся настроеніе интеллигенціи и народныхъ массъ (Преосвящ. Черниг.).

Ограниченіе общественныхъ правъ духовенства неминуемо приводило къ совершенному упадку его общественной роли и вліянія. Это ясно стало видѣть гражданское правительство и само общество. Въ послѣднее время стали изъ свѣтской среды раздаваться сильные голоса о поднятіи общественной роли духовенства. Государственная власть признавала православіе и Церковь главною своею опорою и единственно-надежною зиждущею силою, и цѣлымъ рядомъ мѣръ стала призывать духовенство къ общественной дѣятельности, напримѣръ создавши положеніе о церковно-приходскихъ школахъ, увеличивая съ каждымъ годомъ отпускъ казеннаго содержанія бѣднѣйшимъ причтамъ, назначивши духовенству усиленную пенсію. Наконецъ, съ высоты Престола раздался призывъ духовенства къ оживленію пастырской дѣятельности и къ участію въ общественно-государственной работѣ на пользу народа (см. Высочайшій манифестъ отъ 26 февраля 1903 г. и «положенія» о Государ. Думѣ) [1])

Такимъ образомъ, уже самимъ общественно-государственнымъ сознаніемъ признано за духовенствомъ право на общественную дѣятельность. Надобно только узаконить его юридическимъ порядкомъ и распространить его на духовенство и сельское и городское и въ отношеніи ко всѣмъ общественнымъ учрежденіямъ. (Преосвященный Харьковскій).

(По положенію пастыря Церкви въ христіанскомъ обществѣ вообще и въ наше время въ частности, участіе духовенства въ общественно-государств. учрежденіяхъ необходимо).

А) За участіе духовенства въ жизни общественныхъ учрежденій говорятъ слѣдующія соображенія:

1) Христіанство призвано преобразовать человѣческую жизнь на новыхъ началахъ, на началахъ любви и правды; иначе говоря, оно призвано водворить на землѣ Царство Божіе. На всѣхъ отправленіяхъ человѣческой жизни, государственной, общественной и семейной оно должно бы положить печать христіанственности. Для достиженія этой цѣли, Христово Евангеліе должно быть введено въ эту жизнь. Законъ Христовъ долженъ явиться для нея закваскою. Но закваска не можетъ храниться въ одномъ сосудѣ, а тѣсто въ другомъ, потому что въ такомъ случаѣ невозможно никакое броженіе, никакое преобразованіе.

[1]) Высоч. манифестъ 20 февр. 1906 г.

Относительно-слабые успѣхи христіанской религіи объясняются именно тѣмъ, что жизнь Церкви, жизнь государства и общества шла у насъ особыми путями. Общественно-государственный бытъ христіанскаго міра далеко не во всемъ согласованъ съ евангельскими началами и не сполна заквашенъ христіанствомъ. Истинно-христіанской культуры міръ еще не видѣлъ, а что видѣлъ, то было только суррогатъ ея. Христіанскіе народы и по сіе время далеки отъ воплощенія въ своей жизни евангельскихъ началъ. По имени называются христіанами, а жизнь устраиваютъ на основахъ языческой культуры. Современная европейская культура своими корнями утверждается на греко-римской почвѣ. Государственное устройство, литература, наука, искусство—все это носитъ печать греко-римской, т.-е. языческой закваски.

Въ основу законодательства христіанскихъ народовъ полагается римское право. При выработкѣ законопроектовъ не принимается во вниманіе евангельское ученіе и взгляды Церкви, а имѣются въ виду только кодексы языческихъ законовъ. Благодаря этому, одинъ и тотъ-же человѣкъ долженъ руководствоваться двумя законами, какъ членъ христіанской Церкви—закономъ евангельскимъ, а какъ членъ государства—закономъ гражданскимъ, при чемъ законы эти между собою не только не согласованы, но иногда находятся даже въ прямомъ противорѣчіи. Что законъ религіи предписываетъ какъ обязательное, то законъ гражданскій объявляетъ необязательнымъ (наприм., о празднованіи воскреснаго дня). Что законъ религіи запрещаетъ, какъ тяжкій грѣхъ, то гражданскій беретъ подъ свою защиту (напр., дома терпимости). Сравненіе быта и нравовъ христіанскихъ народовъ съ таковыми-же передовыхъ языческихъ не много говоритъ въ пользу первыхъ. И все это—оттого, что жизнь наша недостаточно заквашена христіанствомъ, что закваска стояла далеко отъ того, что она должна была заквасить. Поэтому необходимо вносить въ жизнь возможно больше евангельской закваски.

Нельзя согласиться съ мнѣніемъ, что Церковь должна переродиться въ государство, чтобы исчезнуть въ немъ, уступивъ мѣсто наукѣ, духу времени и такъ называемой цивилизаціи. Нужно, какъ говоритъ Достоевскій, чтобы не Церковь перерождалась въ государство, а государство стало Церковью. Государство и общество, усвоившія себѣ вполнѣ христіанство, были-бы самимъ Царствомъ Божіимъ на землѣ. Ничего больше и не нужно было-бы для нихъ, если-бы государство и общество дѣйствительно были христіанами, не по одному названію только, но и на самомъ дѣлѣ.

Задача Церкви и духовенства—стараться всѣми силами направлять общественную и государственную жизнь именно въ этомъ направленіи. Въ христіанскомъ государствѣ и въ христіанскомъ обществѣ не должны отсутствовать представители Христовой Церкви. И этотъ принципъ необ-

ходимо провести сверху до низу, начиная съ Государственной Думы и Государственнаго Совѣта и кончая мелкою земскою единицей, каковою долженъ-бы быть приходъ. Участіе духовенства въ городскихъ учрежденіяхъ (Гор. Пол. 1892 г. § 57 и Пол. о зем. учр. § 56 и 57) въ такомъ случаѣ пришлось-бы распространить только внизъ и вверхъ. (Преосвященный Рижскій).

2) Къ улучшенію экономическихъ и общественныхъ условій должна побуждать пастырей тѣсная зависимость отъ нихъ состоянія нравственности приходскаго населенія. Нѣкоторые пороки, какъ, наприм., кража, дѣтоубійство и печальныя явленія заброшенности и безпризорности дѣтей, воспитывающихся въ притонахъ, въ значительной мѣрѣ зависятъ отъ матеріальной нужды и рѣже встрѣчаются среди людей достаточныхъ. Бываютъ, конечно, и исключенія, но они подтверждаютъ это общее правило.

Бѣлое духовенство, живя въ міру и не принимая на себя монашескихъ обѣтовъ отреченія отъ міра, имѣетъ своею задачею спасеніе людей въ условіяхъ мірской жизни. Сохраняя и возгрѣвая въ людяхъ живую вѣру, духовенство имѣетъ попеченіе о томъ, чтобы христіанская заповѣдь о любви къ ближнему и самоотверженной дѣятельности (Мѳ. V, 43—48; X, 37—39; Лук. VI, 27—36) проникала во всякую общественную дѣятельность и возвышала значеніе общественныхъ учрежденій. (Преосвященный Вологодскій). Для этого оно лучше, чѣмъ кто-либо другой, знаетъ свой народъ. Кто, напр., въ такой степени и съ такою ясностью можетъ повѣдать истинныя нужды крестьянскія и вообще православнаго населенія, какъ не развитый и любимый ими пастырь?.. Прекрасную иллюстрацію къ этому можно видѣть, наприм., въ фактѣ служенія по выборамъ земства въ качествѣ предсѣдателя уѣзднаго училищнаго совѣта протоіерея В. Востокова (с. Мироновка, Новоузенскаго уѣзда), нынѣ умершаго. Такую должность о. протоіерей съ пользой и успѣхомъ несъ не одинъ десятокъ лѣтъ. Не будемъ преувеличивать, если скажемъ, что много вреднаго, разрушающаго устои народной жизни не было-бы внесено нашими общественными собраніями (земскими и городскими) въ жизнь, если бы въ числѣ выборныхъ отъ крестьянъ и землевладѣльцевъ были наши приходскіе священники. (Преосвященный Полоцкій).

3) Если каждому гражданину русской земли гражданство даетъ извѣстныя права участія въ гражданской государственной жизни, то-же самое гражданство непремѣнно должно давать тѣ или другія права на участіе въ этой жизни и гражданамъ духовнымъ. И здравый разумъ и исторія вполнѣ подтверждаютъ законность и умѣстность этихъ желаній духовенства. Само это общество, имѣвшее дѣло непосредственно съ духовенствомъ, ближе знакомилось съ нимъ, съ его нуждами и желаніями, болѣе ощутительно нуждалось въ немъ и потому съ большимъ внима-

ніемъ прислушивалось къ голосу выборныхъ представителей духовенства, между тѣмъ какъ теперь оффиціальные представители Духовнаго Вѣдомства большею частію и въ большинствѣ общественныхъ учрежденій ограничиваются молчаливымъ присутствіемъ при обсужденіи самыхъ животрепещущихъ вопросовъ, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ церковно-приходской и общественно-церковной жизни. Если-же иногда такіе представители и поднимаютъ голосъ въ защиту интересовъ церковно-приходской жизни, то на нихъ въ большинствѣ случаевъ обращаютъ мало вниманія. Теперь въ возбужденіи, обсужденіи и рѣшеніи вопросовъ, имѣющихъ прямое и непосредственное отношеніе къ церковно-общественной жизни и къ религіозно-нравственному состоянію нашего общества, духовенство приходское не принимаетъ почти никакого дѣятельнаго участія. А вопросы эти весьма важны и обширны. Наприм., по ст. 4 городового положенія 11 іюля 1892 года, «городскому общественному управленію предоставляется имѣть попеченіе объ устройствѣ православныхъ храмовъ и поддержаніи ихъ въ исправности благолѣпія, а равно попеченіе объ учрежденіяхъ, имѣющихъ цѣлью укрѣпленіе религіознаго чувства и поднятіе нравственности городского населенія». Какъ важно было-бы слышать голосъ духовенства въ рѣшеніи подобныхъ вопросовъ жизни! А вопросы народнаго образованія, общественной благотворительности—развѣ могутъ быть обсуждаемы и проводимы въ жизнь безъ непосредственнаго участія духовенства (Преосвященный Оренбургскій),—когда это участіе могло-бы служить средствомъ для проведенія и въ этой области чистыхъ христіанскихъ началъ и для утвержденія своего нравственно-просвѣтительнаго вліянія. (Пр—ные: Харьковскій, Калужскій, Могилевскій, Алеутскій, Арханг. и др.).

Въ думскихъ и земскихъ собраніяхъ представители Церкви и служители алтаря Господня могли-бы явиться защитниками интересовъ всѣхъ обездоленныхъ—бѣдныхъ жителей городовъ и сельскихъ обывателей. Имъ больше, чѣмъ кому-либо, должны быть извѣстны ихъ нужды. (Пр. Минскій).

4) Наконецъ, дарованіе духовенству юридическаго права на активное участіе въ общественныхъ дѣлахъ было-бы дѣломъ и большей справедливости. По дѣйствующимъ положеніямъ городскому и земскому, всѣ имущественные классы, къ какому-бы состоянію ни принадлежали, имѣютъ право голоса въ избраніи гласныхъ и могутъ быть сами избираемы въ гласные, если обладаютъ установленнымъ для сего цензомъ. Пользуясь симъ правомъ, всѣ имущественные классы уже десятки лѣтъ избираютъ изъ среды своей излюбленныхъ людей для заботъ о нуждахъ общественныхъ и имѣютъ въ лицѣ ихъ въ городскихъ и земскихъ учрежденіяхъ не только выразителей своихъ нуждъ и потребностей, но и защитниковъ своихъ сословныхъ интересовъ. Одно только духовенство до сихъ поръ остается обездоленнымъ, лишеннымъ всякаго права участія въ интере-

сахъ общественнаго управленія и до нѣкоторой степени даже вычеркнутымъ изъ живой связи общественныхъ классовъ. Между тѣмъ, и оно для попеченія объ общественныхъ нуждахъ могло-бы выставить изъ своей среды вполнѣ достойныхъ лицъ, мужей совѣта и разума; и оно не менѣе другихъ сословій нуждается въ представительствѣ и защитѣ своихъ интересовъ.

Б) Ходатайства духовенства о предоставленіи ему правъ на участіе въ городскихъ и земскихъ учрежденіяхъ оставлялись подлежащимъ высшимъ начальствомъ безъ удовлетворенія, по тѣмъ соображеніямъ, что широкое участіе духовенства въ общественныхъ учрежденіяхъ, вводя пастырей Церкви въ круговоротъ мірскихъ дѣлъ, должно отвлекать ихъ отъ прямыхъ обязанностей и несогласно при томъ-же съ вѣчными началами высшаго пастырскаго служенія.

По идеѣ, такое соображеніе высшей власти — справедливо, и оно имѣло-бы полный практическій смыслъ въ томъ случаѣ, если-бы всѣ члены общественныхъ мірскихъ учрежденій были вѣрными чадами православной Церкви; если-бы въ этихъ учрежденіяхъ никѣмъ и никакъ не затрогивались и не нарушались интересы Церкви и духовенства. Но общественныя мірскія учрежденія нашего времени состоятъ не изъ однихъ православныхъ лицъ, преданныхъ св. Церкви и готовыхъ оберегать ея интересы; въ нихъ есть и бываетъ много лицъ, или къ православной Церкви не принадлежащихъ, или православныхъ только по имени, но въ дѣйствительности не расположенныхъ къ Церкви и даже враждебныхъ ей.

1) Въ настоящее время освободительнаго движенія участіе православнаго духовенства въ общественныхъ учрежденіяхъ безусловно необходимо, и оно должно быть поставлено на самыхъ широкихъ началахъ Высочайше дарованной русскому народу гражданской свободы. Со дня объявленія этой свободы враги Церкви, прежде скрытые и связанные охранительною системою правительства, открыто возвысили свой голосъ противъ нея, противъ всего существующаго строя ея, противъ неприкосновенныхъ и священнѣйшихъ правъ ея, противъ святѣйшихъ ея учрежденій и, наконецъ, противъ служителей Церкви—духовенства. Поэтому нынѣ болѣе, чѣмъ когда-либо, необходимо предоставить православному духовенству самыя широкія права на участіе въ разныхъ общественныхъ и даже государственныхъ учрежденіяхъ, наравнѣ съ правами прочихъ гражданъ, чтобы «открыть ему широкое поприще для проведенія и въ этой области чистыхъ христіанскихъ началъ и для утвержденія своего нравственно-просвѣтительнаго вліянія».

Въ частности, необходимо предоставить православному духовенству широкое право участія въ земскихъ уѣздныхъ и губернскихъ собраніяхъ. Было время, когда духовенство пользовалось этимъ правомъ, хотя

и не въ той широкой мѣрѣ, въ какой оно желательно для нынѣшняго времени. По земскому положенію 1864 года, дѣйствовавшему до 1890 года, духовенство имѣло право участія въ выборѣ гласныхъ въ уѣздныя и губернскія собранія по земельному цензу, при чемъ для образованія установленнаго земскимъ положеніемъ ценза складывались нѣсколько церковныхъ земель.

Равнымъ образомъ признается необходимымъ, во имя справедливости и въ интересахъ Церкви, предоставить городскому духовенству право участія въ выборахъ городскихъ гласныхъ, по ст. 24 и 43 город. полож., т-е. право избирать гласныхъ и быть избираемыми на-ряду съ прочими гражданами. При этомъ, такимъ правомъ должны пользоваться, на общемъ основаніи, какъ священно-церковнослужители собственники-домовладѣльцы, такъ и тѣ священно-церковнослужители, которые не имѣютъ собственныхъ домовъ, но живутъ въ церковныхъ домахъ и участвуютъ, на-ряду съ домохозяевами, въ платежѣ городскихъ и земскихъ налоговъ. Могущее послѣдовать измѣненіе домовладѣльческаго ценза должно, на общихъ основаніяхъ, простираться и на духовенство.

Предоставленіемъ правъ духовенству на участіе въ земскихъ и городскихъ учрежденіяхъ по цензу и по общему государственному положенію не устраняетъ участія въ этихъ учрежденіяхъ депутатовъ отъ духовенства, по назначенію епархіальной власти, съ опредѣленными ограниченными правами.

Необходимость участія духовенства въ сельскихъ и волостныхъ сходахъ признается по слѣдующимъ соображеніямъ:

Во-первыхъ, на этихъ сходахъ бываютъ сужденія и принимаются рѣшенія, хотя и вопреки существующимъ узаконеніямъ и распоряженіямъ (ст. 51 и 78 общ. пол.; циркул. Министра Внутр. Дѣлъ 21 марта 1887 г. № 8; цирк. указъ Святѣйшаго Синода 31 мая 1887 г. № 9), и по церковнымъ вопросамъ, равно какъ и по вопросамъ школьнымъ и касающимся общественной благотворительности. Во-вторыхъ, на этихъ сходахъ, по правамъ мѣстныхъ крестьянъ и владѣльцевъ, принимаютъ участіе руководители старообрядчества и сектантства, ихъ начетчики, наставники, настоятели и сектантскіе пресвитеры. Въ противовѣсъ ихъ безспорно вредному вліянію и нѣкоторымъ образомъ въ уравненіе съ ними, необходимо предоставить и православному духовенству право участія въ волостныхъ и сельскихъ сходахъ. (Пр. Нижегор.).

2) Въ настоящее время, когда общественное движеніе направлено къ пересмотру и улучшенію всѣхъ сторонъ современной жизни, городскія и земскія учрежденія въ дѣлѣ народнаго образованія и просвѣщенія начинаютъ проявлять особенно оживленную дѣятельность: наряду съ учрежденіемъ школъ разнаго типа, открываютъ народныя аудиторіи и курсы для внѣшкольнаго образованія, заводятъ народныя читальни и библіотеки, имѣютъ свои книжные склады и тому подобныя учрежденія, ставя-

щія цѣлью воздѣйствовать на населеніе, на развитіе въ немъ умственныхъ и нравственныхъ силъ. Конечно, весьма почтенна и вполнѣ желательна дружная общественная работа на пользу образованія и просвѣщенія нашего народа, въ громадномъ большинствѣ еще невѣжественнаго. Но для истинныхъ сыновъ Церкви, а для пастырей ея въ особенности, еще болѣе желательно то, чтобы народное просвѣщеніе шло и развивалось не въ духѣ оппозиціи Церкви, а въ согласіи и единеніи съ ея духовно-просвѣтительною дѣятельностью, на началахъ истинно православно-русскихъ.

Для православной Церкви очень важно, чтобы ея представители присутствовали постоянно и въ Государственномъ Совѣтѣ [1]), гдѣ будетъ разсматриваться цѣлый рядъ дѣлъ, такъ или иначе затрогивающихъ ея интересы. Да и такое или иное рѣшеніе чисто государственныхъ дѣлъ не безразлично для православной Церкви, какъ не долженъ быть безразличенъ—съ другой стороны—и для Государственнаго Совѣта голосъ по этимъ дѣламъ представителей православной Церкви, къ которой принадлежитъ большинство населенія имперіи.

Званіе членовъ Государственнаго Совѣта должно принадлежать по должности первоіерарху русской Церкви, а также тѣмъ членамъ Св. Синода (всѣмъ или нѣкоторымъ), которые будутъ присутствовать въ Св. Синодѣ въ силу своего церковно-іерархическаго положенія въ составѣ русской Церкви. Но желательно присутствіе въ Государственномъ Совѣтѣ и выборныхъ представителей православной Церкви. Право на избраніе ихъ на извѣстный срокъ должно принадлежать Помѣстному Собору русской Церкви. Самое избраніе не должно ограничиваться никакими рамками церковно-іерархическаго и вообще церковнаго положенія избираемыхъ лицъ. Если до сихъ поръ міранинъ (Оберъ-Прокуроръ) защищалъ интересы православной Церкви въ Государственномъ Совѣтѣ, то почему въ будущемъ не могутъ ихъ защищать пресвитеры, діаконы и даже міряне (знатоки церковнаго права и всѣхъ другихъ видовъ права)?

Въ интересахъ православной Церкви въ высшей степени важно проникновеніе въ составъ Государственной Думы благопріятныхъ для нея элементовъ изъ среды ли духовенства, или мірскихъ людей.

Положеніе о Государственной Думѣ открыло духовнымъ лицамъ доступъ къ выборамъ въ Государственную Думу, и быть избираемыми въ члены этой Думы. Руководящимъ принципомъ въ отношеніи церковной власти къ Государственной Думѣ должно быть облегченіе духовенству всѣми зависящими отъ нея средствами путей къ сохраненію за нимъ общегражданскихъ правъ (Въ православныхъ государствахъ Балканскаго полуострова, а также въ Австро-Венгріи, православные епископы, священники и монахи пользуются правомъ избранія въ депутаты всѣхъ

[1]) Высочайшимъ манифестомъ 20 февраля 1906 г. такое право и даровано православной Церкви.

государственныхъ представительныхъ собраній и фактически въ нихъ участвовали и участвуютъ).

Возвращеніе православному духовенству дарованныхъ уже было ему земскимъ и городовымъ положеніями Императора Александра II правъ въ участіе въ земскомъ и городскомъ представительствѣ, является, съ православно-церковной точки зрѣнія, въ высшей степени желательнымъ по тому уже одному, что въ вѣдѣніе городскихъ думъ и земствъ перейдетъ, надо ожидать, вся широкая область школьнаго и иного образованія и просвѣщенія, общественнаго призрѣнія и т. п. (Записк. проф. Жуковича, представл.: Митрополитомъ С.-Петербургскимъ).

Таковъ голосъ архипастырей Русской Церкви о необходимости участія духовенства въ общественныхъ и государственныхъ дѣлахъ и учрежденіяхъ.

По церковнымъ уставамъ Владиміра и Ярослава, люди церковные подлежали во всѣхъ дѣлахъ (кромѣ уголовныхъ) исключительному суду епископовъ. Къ «церковнымъ людямъ» относилось не только духовенство, а равно и тѣ лица, которыя служили Церкви на мірскихъ должностяхъ. Суды церковные обнимали собою преступленія противъ вѣры и Церкви, дѣла брачныя, семейныя и находящіяся въ связи съ ними преступленія противъ общественно-христіанской нравственности.

Кстати вотъ еще справка изъ русской исторіи. Во времена владычества татаръ на Руси, Церковь была совершенно независима отъ свѣтской власти, не только во внутреннихъ своихъ дѣлахъ, но епископамъ предоставлялось право суда по дѣламъ свѣтскимъ. По ярлыку Тайдулы митрополиту Ѳеогносту,—онъ и все духовенство освобождались отъ подчиненности свѣтскому суду и въ дѣлахъ гражданскихъ. Въ ханскомъ ярлыкѣ Менгу-Тимура митрополиту Петру значится слѣдующее: «да никто же обидитъ на Руси соборную церковь митрополита Петра и его людей... Петръ митрополитъ... судитъ и управляетъ люди своя вправду, въ чемъ нибудь, и въ разбоѣ, и въ поличномъ, и въ татьбѣ и во всякихъ дѣлахъ вѣдаетъ самъ Петръ митрополитъ единъ, или кому прикажетъ,— да вси повинуются и покоряются митрополиту». Митрополиты принимаютъ самое широкое участіе и въ общественныхъ и въ политическихъ дѣлахъ.

Митрополитъ Ѳеогностъ наложилъ проклятіе на псковитянъ и принудилъ ихъ выдать князя Александра Михайловича Тверского. Митрополитъ Фотій лишилъ благословенія городъ Галичъ и князя его Юрія Дмитріевича, возставшаго противъ первенства Василія Васильевича, и Юрій долженъ былъ смириться. Митрополитъ Іона подвергъ церковному отлученію Дмитрія Юрьевича Шемяку, и принудилъ его подданныхъ отложиться отъ него и подчиниться великокняжеской власти. Сергій Радонежскій былъ посланъ митрополитомъ Алексіемъ, управлявшимъ московскимъ княжествомъ за малолѣтствомъ Великаго Князя Димитрія Іоанновича, съ приказомъ нижегородцамъ изгнать князя Бориса Константиновича, не по праву занявшаго великокняжескій престолъ.

Глава XI.

Русскія политическія партіи и ихъ программы.

Правые.

1. «Православной вѣрѣ—господство, каждой вѣрѣ—почитаніе; русской народности подобаетъ всеобъединяющая и всеподчиняющая сила, но каждой народности да будетъ свобода во всемъ, что этому объединенію и этому подчиненію не препятствуетъ». Такъ начинаетъ свою программу первая монархическая организація Русскаго Собранія.

Русское Собраніе считаетъ, что Царское Самодержавіе не отмѣнено манифестомъ 17 Октября 1905 г., и продолжаетъ существовать на Руси, что задача Думы *дѣловая* разработка и обсужденіе законодательныхъ предположеній и *дѣловой* надзоръ за дѣйствіями исполнительныхъ властей.

Православная Церковь должна сохранить въ Россіи господствующее положеніе. Ей должны принадлежать свобода самоуправленія и жизни. Голосъ ея долженъ быть выслушиваемъ законодательною властью въ важнѣйшихъ государственныхъ вопросахъ. Устройство прихода какъ правоспособной и дѣеспособной церковно-гражданской общины, должно быть положено въ основаніе всего дальнѣйшаго церковнаго и государственнаго строенія и служить связующимъ ихъ звеномъ.

Царское Самодержавіе должно основываться на постоянномъ единеніи Царя съ народомъ.

Самодержавный Царь не тождественъ въ глазахъ русскаго народа съ Правительствомъ, и послѣднее несетъ на себѣ отвѣтственность за всякую политику, вредную православію, царскому Самодержавію и русскому народу.

Царское Самодержавіе, будучи главнымъ залогомъ исполненія Россіей ея всемірно-христіанскаго призванія, въ то же время является залогомъ внѣшняго государственнаго могущества и внутренняго государственнаго единства Россіи.

Просвѣщеніе въ Россіи должно расти и крѣпнуть на тѣхъ же началахъ, на коихъ выросла и русская государственность, а потому и *государственная школа*, не посягая на культурное самоопредѣленіе частныхъ народностей Россіи, должна быть *Русскою школой.*

Русскій языкъ есть государственный языкъ и всѣ правительственныя учрежденія должны пользоваться государственнымъ языкомъ, неуклонно и настойчиво стремясь къ единству языка во всѣхъ отрасляхъ государственной жизни.

Боевая готовность сухопутныхъ и морскихъ военныхъ силъ, оборона границъ государства и боевыя средства сообщенія должны быть доведены до совершенства, соотвѣтствующаго величію Россіи, причемъ все необходимое для государственной обороны должно создаваться внутри страны ея средствами и трудомъ ея народа, а бремя содержанія военныхъ силъ должно лечь равномѣрно на населеніе всего государства.

Племенные вопросы въ Россіи должны разрѣшаться сообразно степени готовности отдѣльной народности служить Россіи и Русскому народу въ достиженіи общегосударственныхъ задачъ. Чуждое стѣсненій мѣстной жизни, управленіе окраинами должно ставить на первое мѣсто общегосударственные интересы и поддержку законныхъ интересовъ русскихъ людей. Всѣ же попытки къ расчлененію Россіи подъ какимъ бы то ни было видомъ не должны быть допускаемы. *Россія едина и недѣлима.*

Еврейскій вопросъ долженъ быть разрѣшенъ законами и мѣрами управленія особо отъ другихъ племенныхъ вопросовъ, въ виду продолжающейся стихійной враждебности еврейства къ христіанству и не-еврейскимъ національностямъ и стремленія евреевъ къ всемірному господству.

Дарованныя Царемъ нашимъ ко благу русскаго народа свободы, возвѣщенныя манифестомъ 17 октября 1905 г., должны быть обусловлены законами, ограждающими личность, общество и государство отъ злоупотребленія ими, а самыя свободы отъ нарушеній со стороны правительственныхъ и общественныхъ должностныхъ лицъ и учрежденій, выразятся-ли эти нарушенія въ превышеніи или бездѣйствіи власти.

Хозяйственная политика должна имѣть своимъ руководящимъ началомъ взглядъ на Россію, какъ на страну преимущественно крестьянскую и земледѣльческую, и своею цѣлью благоустройство крестьянства путемъ улучшенія сельско-хозяйственной культуры, развитія кустарныхъ промысловъ и увеличенія площади крестьянскаго землевладѣнія. Особенное вниманіе должно быть обращено на подъемъ коренного русскаго центра.

Финансовая и экономическая политика должна быть направлена къ освобожденію Россіи отъ зависимости отъ иностранныхъ биржъ и рынковъ и должна покровительствовать возникновенію русскихъ промышленныхъ предпріятій и содѣйствовать производительному труду.

Верховнымъ мѣриломъ дѣятельности государственнаго управленія *подъ самодержавнымъ Царемъ въ единеніи его съ народомъ* должно быть *народное благо*, причемъ государство, открывая достаточный просторъ *для мѣстнаго самоуправленія*, должно блюсти, чтобы это самоуправленіе нигдѣ не клонилось къ ущербу русскихъ народныхъ интересовъ религіозныхъ, умственныхъ, хозяйственныхъ, правовыхъ и политическихъ.

Какъ видно изъ этой программы для духовенства нѣтъ ничего въ ней непріемлемаго. Практическая дѣятельность правыхъ партій въ Гос. Думѣ слѣдовала во всемъ этой программѣ, и въ частности, что касается православной Церкви, то во всѣхъ вопросахъ, затрагивавшихъ такъ или иначе интересы Церкви и духовенства, правыя фракціи дѣйствовали единодушно, какъ при обсужденіи вѣроисповѣдныхъ законопроектовъ, такъ и въ вопросахъ, касающихся какъ обезпеченія церковной школы, ея учащаго персонала, такъ и православнаго духовенства.

Представители лѣвыхъ партій обвиняютъ правыхъ, во 1-хъ, въ томъ, что они якобы отстаивали лишь владѣльческіе интересы, что это партія помѣщиковъ; во 2-хъ, въ человѣконенавистническомъ отношеніи къ инородцамъ.

Несправедливость перваго обвиненія явствуетъ изъ вышепомѣщенной программы, которая говоритъ, что въ основу нашей хозяйственной политики долженъ быть положенъ взглядъ на нашу страну, какъ земледѣльческую крестьянскую, почему цѣлью политики должно служить благоустройство крестьянъ какъ путемъ улучшенія земельной культуры, такъ и увеличеніемъ площади крестьянскаго землевладѣнія. Этой программѣ слѣдовала правая фракція, и въ своей дѣятельности въ Гос. Думѣ отстаивая всѣ кредиты, вносимые правительствомъ на нужды переселенія, на мѣры улучшеній земельной культуры, на развитіе кустарныхъ промысловъ и учрежденій мелкаго кредита, предназначенныхъ для удовлетворенія нужды крестьянъ въ кредитѣ. Извѣстно, какую упорную борьбу пришлось вести правымъ противъ лѣвыхъ партій Гос. Думы за предоставленіе права крестьянамъ селиться на свободныхъ земляхъ Кавказа, Туркестана и Западной Сибири. Что касается гражданскихъ правъ крестьянъ, то и здѣсь правые явились ихъ защитниками. Проекты о мѣстномъ судѣ, о волостномъ земствѣ направлены были собственно противъ крестьянскаго самоуправленія. Въ данное время крестьяне имѣютъ свои суда и свое административное устройство. Проектомъ о мѣстномъ судѣ у крестьянъ уничтожался волостной судъ; у крестьянъ отнималось право имѣть собственный судъ; а волостное земство лишало ихъ самоуправленія, такъ какъ при всесословной волости само собою разумѣется, что крестьяне будутъ оттерты отъ всякаго активнаго участія и всякаго вліянія на дѣла волости, а все вліяніе и распоряженіе дѣлами перейдетъ въ руки промышленниковъ и т. н. интеллигентовъ.

Правые, ратуя за сохраненіе волостного суда и противъ волостного земства, отстаивали тѣмъ гражданскія права крестьянъ.

Насколько справедливы обвиненія правыхъ въ ненавистническомъ отношеніи къ иноплеменнымъ народностямъ, видно изъ пунктовъ программы, опредѣляющихъ отношеніе къ инородцамъ, которое по указанію программы зависитъ исключительно отъ самой этой народности, отъ ея отношенія къ русской государственности и къ русскому народу. Тѣ народности, которыя относятся съ уваженіемъ къ русскому народу, признаютъ его права, какъ создателя государства, и считаютъ Россію своимъ отечествомъ, для тѣхъ нѣтъ и не можетъ быть никакихъ ограниченій. Но всякія попытки, направленныя къ нарушенію государственной цѣлости, къ лишенію русскаго народа его державныхъ правъ, должны быть безпощадно пресѣкаемы. Таково отношеніе программы правыхъ къ инородческому вопросу. Таковы же были и дѣйствія правыхъ въ Гос. Думѣ. Противъ инородцевъ правые выступали лишь тогда, когда ихъ представители въ Гос. Думѣ проявляли стремленія, направленныя противъ русской государственности, или относились оскорбительно къ русской вѣрѣ, къ русскому языку.

Выступленія правыхъ въ Гос. Думѣ по инородческимъ вопросамъ были главнымъ образомъ по финляндскому и польскому вопросамъ.

И въ томъ и въ другомъ случаѣ они стояли не только на почвѣ государственной необходимости и русскихъ интересовъ, но и общей справедливости, ибо послѣдняя никоимъ образомъ не могла оправдать такого положенія, при которомъ финляндцы пользуются всѣми правами русскихъ гражданъ и могутъ занимать въ Россіи посты даже министровъ, командующихъ войсками, а русскій въ Финляндіи не имѣетъ права даже быть сторожемъ въ какомъ-либо присутственномъ мѣстѣ.

То же самое и относительно польскаго вопроса. Поляки занимаютъ въ Россіи высшіе посты по гражданскому и военному управленію и никто отъ нихъ не требуетъ отреченія отъ своей вѣры, своего языка и своей народности, а русскіе въ привислинскихъ губерніяхъ (въ Холмщинѣ) для того, чтобы удержать за собой мѣсто батрака на панскомъ дворѣ, или получить клочекъ земли въ аренду у пана, должны часто отступать отъ своей вѣры.

Требованія правыхъ, чтобы подобныхъ явленій не было—законны, съ какой бы точки зрѣнія ихъ ни разсматривать, ибо въ сущности являются лишь возстановленіемъ того же принципа равноправія народностей, который выставили на своемъ знамени лѣвыя партіи. Только здѣсь дѣло идетъ о равноправіи русскихъ.

Лишь относительно евреевъ правая партія рѣшительно отрицаетъ равноправіе. И здѣсь это отрицаніе основано не на племенной враждебности, а на томъ, что евреи являются элементомъ враждебнымъ русской госу-

дарственности, русской Церкви, и являются главными организаторами всѣхъ покушеній, направленныхъ противъ того или другого.

Помимо этого, еврейство губительно дѣйствуетъ и на экономическій, и на нравственный бытъ русскаго крестьянства, что врядъ-ли кто рѣшится отрицать, ибо еврейскія профессіи и еврейскіе пріемы наживы извѣстны всюду.

И потому правая партія выставляющая въ своей платформѣ, что основой всей нашей экономической политики должно быть поднятіе крестьянскаго благосостоянія, никоимъ образомъ не можетъ относиться благопріятно къ притязаніямъ евреевъ на равноправіе, она оберегаетъ именно крестьянство отъ ихъ эксплоатаціи. Относительно задачъ народнаго представительства правые указываютъ, что дѣятельность Думы должна быть исключительно «дѣловая»: разработка законовъ должна вестись въ дѣловомъ направленіи, т. е. каждый законъ долженъ разсматриваться согласно съ практическими нуждами страны, точно такъ же, какъ и надзоръ за исполнительными властями долженъ быть дѣловой. Въ этомъ разница въ пониманіи задачъ Думы между правыми и октябристами, которыя наоборотъ ставятъ на первый планъ «проведеніе политическихъ реформъ, направленныхъ къ усовершенствованію народнаго представительства».

Націоналисты.

Далѣе слѣдуютъ націоналисты или бывшіе умѣренные правые, разница этой партіи отъ правой не столько въ программѣ, которая приблизительно тождественна, съ тѣмъ различіемъ, что націоналисты включаютъ въ свою программу непремѣнное существованіе Гос. Думы—сколько по тактикѣ партій. Въ то время, какъ правая партія, строго слѣдуя своей программѣ, неуклонно протестуетъ противъ всякой попытки, клонящейся къ колебанію принципа Самодержавія и господства Православія, въ представителяхъ національной партіи есть стремленіе къ уклончивости вести борьбу, къ компромиссамъ и соглашеніямъ съ партіями, преслѣдующими противоположныя цѣли, какъ, напр., съ октябризмомъ. Впрочемъ, въ отношеніи къ православной Церкви и православному духовенству думская фракція дѣйствовала чрезвычайно благожелательно. Главная разница и главная ошибка націонализма, которая можетъ стать для него гибельной, ибо открываетъ доступъ въ его ряды людямъ, вполнѣ недоброжелательнымъ основамъ русскаго націонализма,—это то, что націоналисты выдвигаютъ на первое мѣсто не духовную сущность русскаго націонализма, а физическій признакъ,—племенную принадлежность. При такомъ положеніи въ партію могутъ входить люди, считающіе, что принадлежность къ русскому племени должна давать извѣстныя преимущества, но въ то же время враждебно относящіеся къ Православію или Самодержавію, такъ какъ вмѣсто

духовныхъ идеаловъ, которые сплотили русскій народъ, и которые помогли ему создать гиганское государство, на сцену выдвинутъ просто экономическій союзъ людей, соединенныхъ общностью расы. Но замѣна высшихъ культурныхъ идеаловъ матеріальными никогда еще не приводила никакой народъ къ процвѣтанію. Націонализмъ, поставившій во главу угла матеріальный признакъ, въ себѣ самомъ носитъ задатокъ разрушенія. Пока въ средѣ націоналистовъ преобладаютъ люди, проникнутые духовными основами націонализма, т. е. преданностью православію и самодержавію, онъ будетъ расти и крѣпнуть, но когда усилится въ немъ элементъ, относящійся индифферентно и даже враждебно къ этимъ двумъ оживляющимъ силамъ,—значеніе его, какъ теченія, охраняющаго и возвеличивающаго русскій народъ, пропадетъ. Вотъ опасность, угрожающая новой фракціи, и должно сказать, что слѣды печальнаго прогресса въ данномъ направленіи уже видны. Думская фракція націоналистовъ въ большинствѣ случаевъ боролась за духовные устои русскаго націонализма рука-объруку съ правыми, но во внѣдумскій союзъ націоналистовъ вошло не мало такихъ лицъ, недружелюбное отношеніе которыхъ къ православію и самодержавію не составляетъ тайны.

Октябристы.

Далѣе слѣдуетъ партія октябристовъ. Основныя положенія платформы октябристовъ слѣдующія.

Въ платформѣ октябристовъ говорится:

Жизненнымъ условіемъ для укрѣпленія внѣшней мощи Россіи и для ея внутренняго процвѣтанія является огражденіе единства ея политическаго тѣла. Положеніе это обязываетъ противодѣйствовать всякимъ предположеніямъ, направленнымъ прямо или косвенно къ расчлененію Имперіи и къ замѣнѣ единаго государства государствомъ союзнымъ или союзомъ государствъ. При широкомъ развитіи мѣстнаго самоуправленія на всемъ пространствѣ Имперіи, при прочно установленныхъ основныхъ элементахъ гражданской свободы, при участіи равно всѣхъ русскихъ гражданъ безъ различія національности и вѣроисповѣданія въ созданіи правительственной власти, при признаніи за отдѣльными національностями самаго широкаго права на удовлетвореніе и защиту своихъ культурныхъ нуждъ въ предѣлахъ, допустимыхъ идеей государственности и интересами другихъ національностей, такое положеніе, отрицающее идею федерализма въ примѣненіи къ русскому государственному строю, вполнѣ допускаетъ объединеніе отдѣльныхъ мѣстностей Имперіи въ областные союзы для разрѣшенія задачъ, входящихъ въ предѣлы мѣстнаго самоуправленія и нисколько не препятствуетъ мѣстнымъ особенностямъ и интересамъ различныхъ національностей найти себѣ выраженіе и удовлетвореніе въ законодательствѣ и управленіи, основанныхъ на признаніи

безусловнаго равенства въ правахъ всѣхъ русскихъ гражданъ. Исключительно за Финляндіей признается особое положеніе, дающее ей право на извѣстное автономное государственное устройство при условіи сохраненія государственной связи съ Имперіей.

Это положеніе обязываетъ къ признанію начала общаго избирательнаго права, открывающаго возможность всѣмъ русскимъ гражданамъ участвовать въ осуществленіи государственной власти. Это положеніе, далѣе, призываетъ къ коренному преобразованію нашего государственнаго строя на началахъ конституціонныхъ и къ прочному закрѣпленію за народнымъ представительствомъ дарованныхъ ему манифестомъ правъ дѣятельнаго участія, рядомъ съ Монархомъ, въ законодательныхъ трудахъ и управленіи страной.

Въ политически свободномъ государствѣ должна господствовать и гражданская свобода. Манифестъ 17 октября на первое мѣсто ставитъ дарованіе незыблемыхъ основъ гражданской свободы. Развитіе и укрѣпленіе этихъ началъ въ законодательствѣ и правахъ составляетъ одну изъ главнѣйшихъ задачъ Союза.

Сюда входятъ прежде всего: свобода вѣроисповѣданій, свобода слова, устнаго и печатнаго, свобода собраній и союзовъ. Сюда-же относится обезпеченіе свободы передвиженія, выбора мѣста жительства и рода занятій, обезпеченіе свободы труда, промышленности, торговли, свободы пріобрѣтенія собственности и распоряженія ею. Гражданская свобода предполагаетъ также неприкосновенность личности, жилища, переписки, собственности гражданъ. Всѣ эти права, огражденныя закономъ, имѣютъ одинъ естественный предѣлъ въ правахъ другихъ гражданъ и въ правахъ общества и государства. Никто не можетъ быть арестованъ, подвергнутъ какому либо насилію, обыску, лишенію имущества и т. п. безъ постановленія соотвѣтственной судебной власти. Всякое лицо, задержанное по какому либо обвиненію, должно въ точно опредѣленный и кратчайшій срокъ, напримѣръ въ 24 часа въ городахъ, быть представлено судебной власти или освобождено. Для огражденія всѣхъ этихъ правъ отъ посягательствъ, какъ со стороны частныхъ лицъ, такъ и со стороны лицъ должностныхъ, они должны быть поставлены подъ защиту уголовныхъ законовъ: при этомъ должна быть установлена судебная отвѣтственность должностныхъ лицъ, каково бы ни было положеніе ихъ.

Гос. Дума перваго призыва должна взять на себя проведеніе ближайшихъ на очереди политическихъ реформъ, направленныхъ къ усовершенствованію народнаго представительства, какъ-то: пересмотръ положенія о Г. Думѣ, избирательнаго закона и т. п. На ряду съ этимъ она должна приступить къ разрѣшенію тѣхъ насущныхъ вопросовъ экономическихъ, соціальныхъ и иныхъ, неотложная необходимость разрѣшенія коихъ выдвинута самою жизнью.

Эта платформа, принятая на учредительномъ собраніи октябристовъ 10 ноября 1905 г., впослѣдствіи потерпѣла нѣкоторыя измѣненія, такъ, поставивъ во главу угла всеобщее избирательное право и измѣненіе избирательнаго закона въ этомъ направленіи, впослѣдствіи октябристы отказались не только отъ всеобщаго прямого, тайнаго, равнаго избирательнаго права, но стали ярыми защитниками закона 3 іюня, измѣнивши первый избирательный законъ, въ смыслѣ ограниченія круга избирателей.

Съ предоставленіемъ правъ и преимуществъ всѣмъ инославнымъ и иновѣрнымъ исповѣданіямъ рука—объ-руку шли покушенія на ограниченіе правъ православной Церкви. Въ то время, какъ установлено было право каждаго исповѣданія имѣть свои конфессіональныя школы, относительно Церкви православной былъ внесенъ школьный законъ, по которому православное духовенство, и именно только оно одно не могло имѣть въ своемъ завѣдываніи народныхъ школъ, и школы существующія, имъ открытыя, должны были быть изъяты изъ его вѣдѣнія вмѣстѣ со всѣми тѣми капиталами, которые духовенство собрало на содержаніе школъ. Помимо этого октябристамъ съ помощью другихъ болѣе лѣвыхъ партій удалось провести исключеніе православнаго духовенства изъ гласныхъ въ земствахъ Западнаго края и сдѣланъ имъ цѣлый рядъ попытокъ въ смыслѣ отстраненія духовенства отъ права распоряженія церковнымъ имуществомъ.

Въ вопросахъ національныхъ, какъ видно изъ платформы, октябристы добиваются также уравненія всѣхъ народностей, населяющихъ Россію (въ томъ числѣ и еврейской), что значитъ, конечно, лишеніе русскаго племени господствующаго положенія. И въ этомъ отношеніи октябристами во время третьей Думы сдѣланы шаги въ видѣ внесенія въ обсуждавшіеся проекты о судѣ, о земствѣ пунктовъ, предоставляющихъ инородцамъ тѣ или другія права. Внесенъ ими въ союзѣ съ лѣвыми партіями и проектъ снятія черты еврейской осѣдлости, впрочемъ не обсуждавшійся.

Октябристы ставятъ на первое мѣсто политическія реформы, направленныя къ усовершенствованію «народнаго представительства», т. е., иначе говоря, къ осуществленію идеи т. н. «народовластія», въ лицѣ полновластнаго парламента, практическая дѣятельность октябристской фракціи за время функціонированія третьей Думы обнаружила другую задачу октябризма, которая въ платформѣ пройдена молчаніемъ.

Задача эта—лишеніе Православной Церкви признаннаго за нею положенія господствующей и уравненіе ея со всѣми прочими религіями, не исключая и нехристіанскихъ; прикрывши въ платформѣ свои отношенія къ церкви неопредѣленной фразой о вѣроисповѣдной свободѣ, партія союза 17 октября въ своей дѣятельности въ Гос. Думѣ выдвинула на первый планъ вѣроисповѣдные вопросы, такъ что та политическая

программа, которая въ платформѣ занимала первое мѣсто, не только видоизмѣнилась, но отступила на задній планъ.

По иниціативѣ и усиліями октябристовъ проведенъ проектъ о старообрядческихъ общинахъ, предоставлявшій старообрядцамъ (впрочемъ, одного только австрійскаго толка) льготы и преимущества, какими не пользуются ни православные приходы, ни православное духовенство (предоставленіе старообрядческому духовенству всѣхъ правъ и преимуществъ православнаго, безъ требованія отъ нихъ какого-либо образовательнаго, юридическаго и нравственнаго ценза, кромѣ заявленія 12 лицъ, что они составляютъ общину, и означеннымъ лицамъ предоставляютъ обязанности духовенства). Далѣе слѣдовалъ законъ о свободѣ совѣсти, которымъ всѣмъ христіанскимъ и нехристіанскимъ исповѣданіямъ предоставлялось право пропаганды, причемъ изъ закона исключена была статья, карающая за совращеніе изъ православія, даже если оно совершено съ насиліемъ.

Но въ вопросахъ экономическихъ октябристы оказались болѣе консервативными, чѣмъ правыя партіи и само правительство. Это обнаружилось при разсмотрѣніи законовъ о землеустройствѣ крестьянъ, а также и рабочихъ законопроектовъ. Впрочемъ, въ статьяхъ одного изъ октябристскихъ лидеровъ г. Еропкина въ «Новомъ Времени», выясняющихъ задачи своей партіи, говорится, что въ вопросахъ религіозныхъ, политическихъ и національныхъ октябристы могутъ идти рука объ-руку не только съ кадетами, но и болѣе лѣвыми партіями, но въ вопросахъ экономическихъ ихъ дороги расходятся. И, дѣйствительно, во всѣхъ тѣхъ проектахъ, гдѣ интересы состоятельныхъ классовъ сталкивались съ неимущими, октябристы становились на сторонѣ первыхъ. Такъ рабочіе законопроекты не только задерживались въ Думѣ почти до конца ея существованія, но и правительственный проектъ подвергся значительной переработкѣ, въ смыслѣ сокращенія тѣхъ преимуществъ, которыя онъ давалъ рабочимъ. Вообще октябристы стремятся къ господству буржуазіи, -тѣ свободы и тѣ реформы, которыхъ они требуютъ, должны способствовать тому, чтобы власть изъ рукъ Монарха и аристократіи, являющейся потомками тѣхъ дружинъ, что вмѣстѣ съ князьями, а затѣмъ царями служили родинѣ «ратнымъ дѣломъ», а иногда и «земскимъ»,—чтобы эта аристократія, получившая свое начало отъ меча, сошла со сцены вмѣстѣ съ властью Монарха, очистивъ мѣсто для плутократіи. Крестъ и Мечъ должны уступить мѣсто капиталу. Вотъ политическая программа октябризма, хотя въ своей программѣ на учредительномъ съѣздѣ они и включили такое демократическое требованіе, какъ всеобщее избирательное право, отъ котораго впрочемъ тотчасъ отказались. Разумѣется, для низшихъ классовъ владычество буржуазіи является всегда болѣе жестокимъ, чѣмъ какая бы то ни было, даже деспотическая, монархія, потому и въ древней исторіи, и въ Греціи и Римѣ и въ средней исторіи западной Европы мы видимъ, что демо-

кратическій классъ всегда на сторонѣ монархіи, которая ограничиваетъ произволъ и гнетъ капитала, который при господствѣ буржуазіи прямо невыносимъ, ибо онъ ничѣмъ тогда не ограничивается.

Кадеты.

Далѣе слѣдуетъ партія, которая носитъ названіе «партія народной свободы», «конституціоналисты-демократы», но большею частью называется просто кадетами.

Впрочемъ, между октябристами и кадетами есть промежутокъ—партія т. н. прогрессистовъ, но эта партія рѣшительно ничѣмъ не отличается отъ кадетъ и существуетъ собственно для того, чтобы кадеты могли проходить подъ именемъ прогрессистовъ тамъ, гдѣ подъ своимъ именемъ они пройти не могутъ.

Въ своей программѣ кадеты являются какъ бы партіей демократической, но на самомъ дѣлѣ это та же буржуазная партія, какъ и октябристы и всѣ «свободы» служатъ лишь приманкой для демократическихъ круговъ: нужно пріобрѣсти симпатіи крайнихъ революціонныхъ партій, чтобы заручиться ихъ помощью для сверженія Монархіи. По такому рецепту дѣйствовали авторы Французской республики, которые свергнули монархію при помощи рабочихъ круговъ, соблазненныхъ перспективою тѣхъ благъ, которыя должны для нихъ получиться отъ установленія республики, но затѣмъ рабочіе были безпощадно разстрѣляны ген. Кавеньякомъ по приказанію правительства республики, когда они вздумали требовать исполненія данныхъ имъ обѣщаній. Такъ-же расправилась и третья республика съ коммунарами, разстрѣливая ихъ тысячами безъ всякихъ судовъ, такъ же расправляется и нынѣшнее французское правительство съ рабочими возстающими противъ владѣльцевъ. Копируя рабски дѣйствія французскихъ радикаловъ, кадеты въ своей программѣ не скупятся на широкія обѣщанія, но разноплеменный составъ Россіи даетъ имъ возможность дѣйствовать еще въ другомъ направленіи и произвести разгромъ власти, опираясь не только на соблазненные круги недостаточныхъ классовъ, но главнымъ образомъ, на инородцевъ, почему первымъ пунктомъ ихъ программы требуется снятіе всякихъ ограниченій личныхъ и имущественныхъ правъ съ поляковъ, евреевъ и всѣхъ безъ исключенія другихъ отдѣльныхъ группъ населенія.

Затѣмъ кадетская программа требуетъ, чтобы Православная церковь и другія исповѣданія должны быть освобождены отъ государственной опеки. Освобожденіе православной Церкви отъ «государственной опеки» должно выразиться въ уничтоженіи тѣхъ правъ, которыя даютъ въ настоящее время государственные законы православной Церкви.

Кадеты желаютъ, чтобы каждый былъ воленъ высказывать изустно и письменно свои мысли, каковы-бы онѣ не были, и распространять ихъ путемъ

печати или инымъ способомъ. Всякая цензура, какъ бы она ни называлась, упраздняется и не можетъ быть возстановлена. Это, конечно, необходимо для развращенія народа, чтобы пропитывать его духомъ безбожія и ненависти къ властямъ. Кадеты требуютъ, чтобы всѣмъ россійскимъ гражданамъ было предоставлено право устраивать всевозможныя собранія какъ въ закрытыхъ помѣщеніяхъ, такъ и подъ открытымъ небомъ для обсужденія всякаго рода вопросовъ. Это тоже необходимо для того, чтобы можно было собирать просто революціонныя сходки и производить разныя выступленія подъ предлогомъ, будто происходитъ собраніе, которое въ силу закона власть запретить не можетъ. Кадеты желаютъ, чтобы всѣ россійскіе граждане имѣли право составлять союзы и общества, не испрашивая на то разрѣшенія. Само собой, что это нужно для такихъ союзовъ, которые, никакая власть, будучи властью, разрѣшить не можетъ.

Кадеты желаютъ, чтобы личность и жилище кого бы то ни было были неприкосновенны. Входъ въ частное жилище и обыскъ, въ немъ допускается только по постановленію суда. Всякое задержаніе, произведенное безъ достаточнаго основанія, даетъ право пострадавшему на возмѣщеніе государствомъ понесенныхъ имъ убытковъ. Для всевозможныхъ преступниковъ это требованіе кадетской программы прямо драгоцѣнно. Если полиція вмѣсто того, чтобы по горячимъ слѣдамъ схватить преступника и сдѣлать обыскъ, чтобы добыть уличающія улики, или найти похищенное, будетъ выжидать, когда получитъ на то разрѣщеніе отъ суда, то преступникъ, разумѣется, не будетъ дожидаться этого разрѣшенія суда его арестовать, а поспѣшитъ скрыться и успѣетъ концы скрыть и слѣды преступленія и избавиться отъ всѣхъ уликъ. Разумѣется для полиціи, которой всегда будетъ угрожать задержанный ею, хотя бы явный преступникъ, можетъ судомъ по тѣмъ или инымъ соображеніямъ быть признаннымъ арестованнымъ безъ достаточныхъ основаній и, такимъ образомъ, требовать вознагражденія съ задержавшей его полиціи, несомнѣнно гораздо выгоднѣе будетъ не розыскивать виновниковъ преступленія, дабы избавиться отъ всякихъ хлопотъ.

Не малую выгоду представляетъ для преступнаго элемента и тотъ пунктъ кадетской программы, который требуетъ упраздненія паспортовъ и свободнаго выѣзда за границу.

Но особенныя заботы кадеты прилагаютъ о расчлененіи Россіи, пункты 11 и 12 ихъ программы требуютъ:

«Основной законъ Россійской имперіи долженъ гарантировать всѣмъ населяющимъ имперію народностямъ, помимо полной гражданской и политической равноправности всѣхъ гражданъ, право свободнаго культурнаго самоопредѣленія, какъ-то: полную свободу употребленія различныхъ языковъ и нарѣчій въ публичной жизни, свободу основанія и содержанія

учебныхъ заведеній и всякаго рода собраній, союзовъ и учрежденій, имѣющихъ цѣлью сохраненіе и развитіе языка, литературы и культуры каждой народности и т. п.

Русскій языкъ долженъ быть языкомъ центральныхъ учрежденій, арміи и флота. Употребленіе на ряду съ общегосударственнымъ мѣстныхъ языковъ въ государственныхъ и общественныхъ установленіяхъ и учебныхъ заведеніяхъ, содержимыхъ на средства государства или органовъ самоуправленія, регулируется общими и мѣстными законами, а въ предѣлахъ ихъ—самими установленіями. Населенію каждой мѣстности должно быть обезпечено полученіе начальнаго, а по возможности и дальнѣйшаго образованія на родномъ языкѣ».

Изъ того и другого пункта ясно, что Россія должна превратиться изъ единаго государства въ какую то федерацію самоопредѣляющихся народностей. Причемъ каждая изъ нихъ, какъ видно изъ приведенныхъ пунктовъ, не только въ силу личнаго желанія, но уже и въ силу государственнаго закона, должна заботиться о своихъ обособленныхъ остальныхъ частяхъ Имперіи посредствомъ всякаго рода союзовъ и учрежденій, заботящихся о сохраненіи своей особой культуры и народности.

Эта часть кадетской программы тождественна съ октябристскою, въ программѣ октябристовъ тѣ же требованія гражданской свободы, требованіе уничтоженія главенствующаго положенія русскаго племени, внесеніемъ въ законъ пункта о равноправіи всѣхъ (въ томъ числѣ и евреевъ) народностей. Но октябристы, требуя широкаго развитія областного самоуправленія, въ то же время вносятъ пунктъ о нераздѣльности русской имперіи, кадеты вносятъ требованіе объ установленіи закономъ права каждой народности на самоопредѣленіе. Въ вопросахъ о государственномъ строѣ октябристы опредѣленно говорятъ, что должна быть монархія ограниченная, кадетская программа говоритъ, что конституціонное устройство Россійскаго государства опредѣляется основнымъ закономъ, слѣдовательно, оставляютъ вопросъ о формѣ правленія открытымъ, предоставляя возможность и для республики. Кромѣ того кадеты требуютъ отвѣтственности передъ Думой, т. е. чтобы министры назначались изъ той партіи, которая имѣетъ въ данное время большинство. Требуя, какъ и октябристы (впрочемъ впослѣдствіи исключившіе это требованіе), чтобы народные представители избирались всеобщею, равною, прямою и тайною подачей голосовъ, безъ различія вѣроисповѣданія, національности и пола, кадеты пошли дальше октябристовъ, требовавшихъ избирательнаго права лишь для всѣхъ гражданъ, кадетская же программа требуетъ его для всѣхъ женщинъ. По кадетской же программѣ вторая палата, т. е. Гос. Совѣтъ, должна состоять изъ представителей отъ органовъ мѣстнаго самоуправленія, реорганизованныхъ на началахъ всеобщаго голосованія и распространенныхъ на всю Россію. Такимъ образомъ, въ Гос. Совѣтъ избираются члены

лишь земства, причемъ и гласные земствъ также избираются всѣми гражданами и гражданками.

Ни одно постановленіе, распоряженіе, указъ, приказъ и тому подобный актъ, не основанный на постановленіи народнаго представительства, какъ бы онъ ни назывался и отъ кого бы ни исходилъ, не можетъ имѣть силы закона.

Представительство въ органахъ мѣстнаго самоуправленія, приближенное къ населенію путемъ учрежденія мелкихъ самоуправляющихся единицъ, должно быть основано на всеобщемъ, равномъ, прямомъ и закрытомъ голосованіи безъ различія пола, вѣроисповѣданія и національностей, причемъ собранія высшихъ самоуправляющихся союзовъ могутъ быть образованы путемъ избранія собраніями низшихъ такихъ же союзовъ. Губернскимъ земствамъ должно быть предоставлено право вступать во временные и постоянные союзы между собою.

Кругъ вѣдомства органовъ мѣстнаго самоуправленія долженъ простираться на всю область мѣстнаго управленія, включая полицію безопасности и благочинія и за исключеніемъ лишь тѣхъ отраслей управленія, которыя въ условіяхъ современной государственной жизни необходимо должны быть сосредоточены въ рукахъ центральной власти съ предоставленіемъ въ пользу органовъ мѣстнаго самоуправленія части средствъ, поступающихъ въ настоящее время въ государственный бюджетъ.

Обходя вопросъ о томъ, должна ли быть въ Россіи монархія или республика, кадеты включаютъ въ свою программу пунктъ, направленный къ тому, чтобы лишить монарха и тѣни власти. Пунктъ этотъ говоритъ:

Дѣятельность мѣстныхъ представителей центральной власти должна сводиться къ надзору за законностью дѣятельности органовъ мѣстнаго самоуправленія, причемъ окончательное рѣшеніе по возникающимъ въ этомъ отношеніи спорамъ и сомнѣніямъ должно принадлежать судебнымъ учрежденіямъ.

Послѣ установленія правъ гражданской свободы и правильнаго представительства съ конституціонными правами для всего Россійскаго государства, долженъ быть открытъ правомѣрный путь въ порядкѣ общегосударственнаго законодательства для установленія мѣстной автономіи и областныхъ представительныхъ собраній, обладающихъ правомъ участія въ осуществленіи законодательной власти по извѣстнымъ предметамъ, соотвѣтственно требованію населенія. Здѣсь намѣчается весь планъ раздробленія Россіи изъ единаго государства въ федеральное, вся власть передается въ руки мѣстныхъ управленій, такъ что каждый городъ, каждый уѣздъ образуетъ самостоятельную республику, причемъ, какъ таковыя, они могутъ даже заключать между собой союзы, затѣмъ слѣдуютъ областныя автономіи даже съ мѣстными парламентами, обладающими и законодательной властью.

Но если автономія каждой русской губерніи, а пожалуй, каждаго уѣзда,—дѣло еще будущаго законодательства, то относительно Польши требуется немедленно по установленіи общеимперскаго демократическаго представительства съ конституціонными правами въ Царствѣ Польскомъ вводить автономное устройство съ сеймомъ. Границы между Царствомъ Польскимъ и сосѣдними губерніями могутъ быть исправлены въ соотвѣтствіи съ племеннымъ составомъ и желаніемъ мѣстнаго населенія, причемъ въ Царствѣ Польскомъ должны дѣйствовать права національности на культурное самоопредѣленіе Особенную заботу прилагаютъ кадеты и о Финляндіи, заявляя, что конституція Финляндіи, обезпечивающая ея особенное государственное положеніе, должна быть всецѣло возстановлена. Всякія дальнѣйшія мѣропріятія, общія Имперіи и Великому Княжеству Финляндскому, должны быть впредь дѣломъ соглашенія между законодательными органами Имперіи и Великаго Княжества.

Такимъ образомъ устанавливается не соединеніе Финляндіи съ Россіей, а Финно-Россія, на манеръ Австро-Венгріи. Такъ какъ разсчеты кадетъ главнымъ образомъ, основаны на томъ, что при объединенномъ дѣйствіи всѣхъ инородческихъ племенъ, русскую государственность долженъ постигнуть крахъ, то вся ихъ практическая думская дѣятельность выражалась, главнымъ образомъ, въ укрѣпленіи правъ инородцевъ, такъ что самое правильное названія партіи было бы—«партія инородческихъ интересовъ», и главнымъ образомъ, конечно, еврейскихъ, такъ какъ евреи, добивающіеся снятія всякихъ ограниченій, несомнѣнно служатъ главнымъ акцидентомъ этой партіи.

Набрасывая планъ, по которому единая государственная Россія должна раздробиться въ какія-то микроскопическія единицы,—ничѣмъ не связанныя между собой, кадеты, изъявъ изъ вѣдѣнія центральнаго правительственную полицію, обособляютъ отъ нея и судъ. По кадетской программѣ требуется несмѣняемость, независимость суда, всякое вмѣшательство министра юстиціи въ назначеніе на судейскія должности или перемѣщеніе судей, а тѣмъ болѣе въ производство судебныхъ дѣлъ, устраняется. Судьи наградъ не получаютъ; отвѣтственность должностныхъ лицъ опредѣляется на общемъ основаніи; компетенція суда присяжныхъ опредѣляется исключительно тяжестью наказанія, назначеннаго въ законѣ безотносительно къ роду дѣлъ, причемъ однако этой компетенціи во всякомъ случаѣ подлежатъ всѣ преступленія государственныя и противъ законовъ о печати. Судъ съ сословными представителями упраздняется. Компетенціи выборнаго мирового суда подчиняются и дѣла волостной юстиціи. Волостной судъ и институтъ земскихъ начальниковъ упраздняются. Требованіе имущественнаго ценза какъ для замѣщенія должности мироваго судьи, такъ и для отправленія обязанностей присяжнаго засѣдателя отмѣняется; возста-

новляется принципъ единства кассаціоннаго суда. Адвокатура организуется на началахъ истиннаго самоуправленія.

a) Смертная казнь отмѣняется безусловно и навсегда; b) вводится условное осужденіе; c) устанавливается защита на предварительномъ слѣдствіи; d) въ обрядъ преданія суду вводится состязательное начало.

До самоуправляющихся областей съ своими парламентами законодательство дойдетъ еще не тотчасъ, потому и нужно принять мѣры къ парализаціи государственной власти, къ тому, чтобы она не могла обратиться противъ революціонныхъ партій, а для этого нужно отнять у государственной власти судей. Это и устанавливается тѣмъ, что каждый судья дѣлается неограниченнымъ самодержцемъ, независимымъ и несмѣняемымъ, какіе бы приговоры онъ не выносилъ.

Такимъ образомъ, честь и имущество каждаго гражданина отдается въ руки этихъ независимыхъ и несмѣняемыхъ судей, съ которыхъ снимается страхъ отвѣтственности, которые никому и ничему не подчинены. Эта деспотія судей подъ видомъ гражданской свободы представляетъ худшій изъ видовъ деспотіи, ибо здѣсь создается безграничная власть не одного, не двухъ, а десятковъ тысячъ деспотовъ, именно въ самой опасной области суда, гдѣ приговоръ можетъ лишить и свободы и имущества.

Подчиненіе суду присяжныхъ дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ также, конечно, очень важно для революціонныхъ партій, ибо судъ присяжныхъ не мотивируетъ своихъ приговоровъ, какъ обязанъ дѣлать судъ коронный, и можетъ оправдывать явныхъ преступниковъ, что онъ и дѣлаетъ. Уничтоженіе волостного суда нужно потому, что крестьяне сравнительно туго поддаются революціонированію въ этой области. Если на экономической почвѣ они поддаются на удочку агитаторовъ и охотно слушаютъ ихъ обѣщанія «насчетъ земли», то, что касается гражданскихъ свободъ и тенденціи оправданія преступниковъ, здѣсь они туги.

Требованіе уничтоженія имущественнаго ценза стоитъ въ прямой связи съ замысломъ на посты будущихъ судей провести тотъ интеллигентный пролетаріатъ, который ни съ кѣмъ и ни съ чѣмъ не связанъ, а потому является наиболѣе революціоннымъ элементомъ.

Организація адвокатуры на началахъ основного самоуправленія значитъ то, что не только судей сдѣлать несмѣняемыми, но и адвокатовъ избавить отъ страха лишенія права быть повѣренными за позорныя и преступныя дѣянія, что нынѣ въ особо выдающихся случаяхъ примѣняется. Пункты объ отмѣнѣ смертной казни, условномъ осужденіи, допущеніи защиты на предварительномъ слѣдствіи и проч.—все это клонится къ одной цѣли освобожденія преступника отъ страха наказанія. Устраненіе страха смертной казни чрезвычайно подниметъ смѣлость преступника ибо замѣна смертной казни каторгой, хотя бы и безсрочной, ихъ не пу-

гаетъ. При легкости, съ какой совершаются побѣги изъ тюремъ, а еще болѣе изъ Сибири, безсрочная и даже срочная каторга превращается въ фикцію. Въ особенности важно устранить страхъ смерти отъ политическихъ преступниковъ—террористовъ, ибо государственнй переворотъ, въ который они вѣрятъ, не только освободитъ ихъ отъ тюрьмы, но освѣтитъ ихъ ореоломъ героевъ освободителей народа. Потому, чтобы бодрость революціонныхъ террористовъ не падала, кадеты не только включили въ свою программу отмѣну смертной казни, но и настойчиво добивались ея, ведя въ этомъ направленіи агитацію въ Гос. Думѣ и въ печати.

Къ этой же цѣли— освобожденія преступника отъ наказанія, направлено и введеніе защиты на предварительномъ слѣдствіи. Адвокатъ, ознакомившись съ данными слѣдствія и показаніями свидѣтелей, будемъ имѣть возможность воздѣйствовать на свидѣтелей, и подготовить показанія,опровергающія уличающія данныя.

Все «это свободы» и «гарантіи», нужныя для самихъ кадетъ, приманка же, поставленная для завлеченія въ свои сѣти крестьянъ, кроется въ аграрномъ отдѣлѣ, который исчерпывается однимъ положеніемъ, что земли государственныя, удѣльныя, кабинетскія и церковныя должны быть экспропріированы въ государственный фондъ, откуда и должны быть распредѣляемы земледѣльцамъ. На какихъ основаніяхъ должна производиться эта раздача, программа не говоритъ, потому, конечно, что этотъ пунктъ внесенъ лишь для приманки. Отняты должны быть не только удѣльныя и церковныя земли, но и у частныхъ владѣльцевъ, причемъ въ программахъ, разсылаемыхъ для владѣльческихъ классовъ, значилось, что за эти отчуждаемыя земли владѣльцы должны получить вознагражденіе «по справедливой оцѣнкѣ» изъ суммъ госуд. казначейства, а въ программахъ, разсылаемыхъ крестьянамъ, пунктъ о вознагражденіи вычеркнутъ. Кадетская программа, устанавливая принципъ принудительнаго отчужденія, очень непослѣдовательна, допуская его лишь для земельныхъ имуществъ. Ничѣмъ нельзя доказать разумность такого положенія, при которомъ государство можетъ отнять насильно, и даже безъ вознагражденія, землю, но не можетъ отнять домъ, фабрику, или иное имущество. Если признать законнымъ право государства на отнятіе частной собственности въ видѣ земли, то логически слѣдуетъ распространить это право на всѣ виды собственности, какъ это и дѣлаютъ соціалъ-демократы. Положеніе, что-де земля должна принадлежать тому, кто ее обрабатываетъ, несостоятельно, ибо такимъ образомъ пришлось бы признать, что дома могутъ принадлежать только плотникамъ и каменьщикамъ, пароходы и вагоны только судостроителямъ и машиностроителямъ рабочимъ и т. д.

Кинувъ для крестьянъ экспропріацію казенныхъ и церковныхъ земель, а частію владѣльческихъ земель, на рабочихъ кадетская программа закидываетъ удочку въ видѣ свободы союзовъ и собраній, права стачекъ и восьмичасового рабочаго дня.

Кадетская печать усиленно ратовала за сокращеніе праздниковъ, указывая, что они страшно понижаютъ продуктивность страны въ виду потери времени, которое могло бы быть утилизовано, въ видѣ продуктовъ труда, на громадную сумму. Указывалось, что едва ли не праздники виновны въ томъ, что Россія отстаетъ въ своей экономической жизни отъ Европы.

Но какъ же должна понизиться производительность Россіи отъ введенія 8-часового рабочаго дня, насколько должна понизиться сумма народнаго труда? И какимъ это минусомъ должно войти въ экономическую конкурренцію Россіи съ другими странами, гдѣ восьмичасовой день признанъ непріемлемымъ? Понижая производительность Россіи, введеніе 8-часового дня тяжело отразилось бы и на самихъ рабочихъ, ибо повело къ сокращенію заводско-промышленныхъ предпріятій, такъ какъ многіе владѣльцы признали бы для себя убыточнымъ вести дѣла при этихъ условіяхъ и отказались бы отъ предпринимательской дѣятельности, вслѣдствіе чего спросъ на рабочія руки понизится.

Кадеты, разумѣется, все это хорошо знаютъ, но имъ нужно внести этотъ пунктъ въ свою программу ради «сознательныхъ» рабочихъ.

Кадетская программа заключается вопросами народнаго образованія въ которыхъ предъявляются слѣдующія требованія:

Уничтоженіе всѣхъ стѣсненій къ поступленію въ школу, связанныхъ съ поломъ, происхожденіемъ и религіей.

Свобода частной и общественной иниціативы въ открытіи и организаціи учебныхъ заведеній всѣхъ типовъ и въ области внѣшкольнаго просвѣщенія; свобода преподаванія.

Полная автономія и свобода преподаванія въ университетахъ и другихъ высшихъ школахъ. Свободная организація студенчества.

Введеніе всеобщаго, безплатнаго и обязательнаго обученія въ начальной школѣ. Передача начальнаго образованія въ завѣдываніе органовъ мѣстнаго самоуправленія.

Изъ этой программы видно, что, по плану кадетовъ, въ школѣ можетъ учить кто угодно и чему угодно, и что школа должна быть освобождена рѣшительно отъ всякаго надзора. Разумѣется, при такихъ условіяхъ школа не можетъ быть ни образовательнымъ, ни воспитательнымъ учрежденіемъ, такъ какъ никакихъ гарантій на то, что въ школѣ будутъ дѣйствительно учить, а не развращать, нѣтъ. Въ данную минуту гарантію родителямъ даетъ правительство, которое беретъ на себя отвѣтственность за то, что педагоги по своему умственному и нравственному цензу могутъ быть воспитателями дѣтей, и обладаютъ для того необходимыми познаніями. При той постановкѣ дѣла, какъ оно рисуется кадетской программой, такого отвѣтственнаго лица нѣтъ, ибо каждому предоставляется свободно не только открывать школу, но и учить въ ней чему угодно. Слѣдовательно, родители должны отдавать своихъ дѣтей на авось, не зная, чему и какъ

ихъ будутъ учить. Такова программа «Партіи народной свободы». Ясно, что подъ громкими или туманными фразами это полный разгромъ всего государственнаго порядка, раздробленіе государственнаго тѣла чуть не на атомы.

Соціалъ-демократы.

Программа соціалъ-демократовъ ставитъ всѣ точки надъ і и подчеркиваетъ все то, что кадеты стараются затушевать. Кадеты уклончиво говорятъ въ своей программѣ, что форма правленія опредѣляется основными законами,—соц.-демократы прямо объявляютъ своей ближайшей политической задачей низверженіе царскаго самодержавія и замѣну его демократической республикой и требуютъ сосредоточенія всей верховной государственной власти въ рукахъ законодательнаго собранія, образующаго одну палату. Требуемое соц.-демократами всеобщее, равное и прямое избирательное право распространяется не только на выборы въ законодательное собраніе, но во всѣ мѣстные органы самоуправленія для всѣхъ гражданъ и гражданокъ, достигшихъ 20 лѣтъ, изъ которыхъ каждый можетъ быть избраннымъ во всѣ учрежденія. Требуютъ соц.-демократы двухгодичныхъ парламентовъ и жалованья народнымъ представителямъ.

Этотъ пунктъ—жалованье народнымъ представителямъ—весьма характеренъ для представителей партіи, требующей отобранія частной собственности,—они прежде всего въ своей программѣ выговариваютъ право получать казенное жалованіе, т. е. требуютъ, чтобы каждый народный представитель получалъ часть народныхъ денегъ въ свою личную собственность.

Требуя, какъ и кадеты, неприкосновенности личности и жилища, неограниченной свободы совѣсти, слова, печати, собраній, стачекъ и союзовъ, соц.-демократы требуютъ и уничтоженія сословій и права на самоопредѣленіе за всѣми націями, входящими въ составъ государства, а относительно суда къ требованіямъ кадетъ прибавляютъ выборность судей народомъ. Армія должна быть уничтожена и замѣнена всеобщимъ вооруженіемъ народа. Церковь отдѣлена отъ государства. Кромѣ восьмичасового рабочаго дня закономъ долженъ быть установленъ еще еженедѣльный отдыхъ, непрерывно продолжающійся не менѣе 42 часовъ, для рабочихъ во всѣхъ отрасляхъ народнаго хозяйства. Можно себѣ представить, какъ пойдетъ народное хозяйство, если помимо того, что всѣ работы будутъ производиться только 8 часовъ еще изъ суммы этихъ 8 часовъ должно 42 часа отдѣлять на прогулъ. Само собой, что никакое хозяйство при такихъ условіяхъ идти не можетъ, и страна, которая бы вздумала примѣнять соціалъ-демократическую программу—немедленно пришла бы въ состояніе разоренія.

Соціалъ-демократія—созданіе еврейскихъ политико-экономовъ. Карлъ-Марксъ, Лассаль—отцы соціализма,—евреи. Она составляетъ самое могучее оружіе для разрушенія христіанскихъ государствъ, ибо вноситъ озлобленную вражду низшихъ классовъ къ высшимъ, обѣщая послѣднимъ пользованіе всѣми благами міра, если они разрушатъ всю христіанскую культуру.

Глава XII.

Что такое соціалъ-демократизмъ?

Митрополитъ Московскій Владиміръ о соціализмѣ и борьбѣ съ нимъ.

Въ русской смутѣ выдающуюся роль играетъ соціаль-демократическая партія, которая энергично ведетъ свою пропаганду. Всюду въ огромномъ количествѣ распространяются ея прокламаціи, книги и брошюры, всюду рыскаютъ ея агитаторы. Для болѣе успѣшнаго достиженія своей цѣли революціонировать всю Россію. «Объединительный съѣздъ» россійской соціалъ-демократической партіи въ 1906 г. постановилъ раздѣлить Россію на «области» и въ каждой открыть «областной союзъ» съ «областнымъ комитетомъ». Областные съѣзды должны заботиться объ открытіи въ предѣлахъ своей области мелкихъ соціалъ-демократическихъ организацій. Верховнымъ органомъ партіи объявленъ ежегодный съѣздъ всѣхъ представителей областныхъ и другихъ партійныхъ союзовъ. Этотъ съѣздъ выдѣляетъ изъ своей среды «центральный комитетъ», который руководитъ и объединяетъ дѣятельность всѣхъ мѣстныхъ организацій («Колоколъ» 1906 г. 22 окт. № 227).

Въ такомъ видѣ дѣйствуетъ «россійская соціалъ-демократическая рабочая партія» Какъ же должно относиться къ этой партіи православное духовенство? Вопросъ этотъ тщательно разсмотрѣнъ митрополитомъ московскимъ Владиміромъ въ его рѣчи, произнесенной на пастырскомъ собраніи въ Москвѣ въ октябрѣ 1906 г. Владыка говорилъ:

«Если бы соціалъ-демократія была чисто экономическою системою съ чисто экономическими цѣлями, то у насъ, какъ проповѣдниковъ вѣчнаго евангелія, не было бы достаточныхъ основаній вмѣшиваться въ это дѣло.

Я никогда не могу согласиться съ тѣмъ, чтобы можно было защищать ту или другую экономическую систему во имя христіанства. Всякому искушенію и попыткѣ поставить христіанство и слово Божіе въ служеніе извѣстной соціальной теоріи можно противопоставить ясное слово Спаси-

теля, коимъ Онъ рѣзко отклонилъ отъ Себя подобное вмѣшательство въ житейскія дѣла: «другъ, кто поставилъ Меня судьею или раздѣльщикомъ надъ вами», сказалъ Онъ, когда нѣкто просилъ Его приказать его брату, чтобы выдалъ ему принадлежащую ему часть имѣнія (Лук. 12, 14).

Но въ этомъ движеніи—и это самое опасное въ соціалъ-демократіи—дѣло идетъ не объ экономическихъ только вопросахъ, но о совершенно опредѣленномъ религіозно-нравственномъ, или, лучше, безнравственномъ и безрелигіозномъ міровоззрѣніи. Соціалъ-демократическое движеніе—насквозь движеніе религіозное, хотя далеко не христіанскаго и даже противохристіанскаго характера. Въ немъ мы видимъ открытый походъ не только противъ православія, не только противъ христіанства, но и противъ религіи вообще. А этотъ фактъ налагаетъ на служителей церкви самую священную и непремѣнную обязанность занять въ ней свое мѣсто, чтобы предовратить тотъ нравственный ядъ, который она хочетъ поднести нашему православному народу. Никто изъ насъ не въ правѣ спокойно смотрѣть, какъ врагъ сѣетъ плевелы въ сердцахъ тѣхъ, кои ввѣрены нашему пастырскому попеченію.

Сущность соціалъ-демократическаго ученія по изложенію современнаго главнаго вождя соц.-демократовъ Бебеля представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Капиталистъ покупаетъ рабочую силу бѣдняка за безцѣнокъ и кладетъ излишекъ въ свой карманъ. Съ помощью выжатой изъ рабочаго прибыли работодатель покупаетъ все новую рабочую силу и выступаетъ, вооруженный машинами и усовершенствованной техникой, противъ рабочаго.

Такъ какъ существующее положеніе зависитъ отъ капитала и частнаго владѣнія, то земля, машины, пути сообщенія должны перейти изъ частныхъ рукъ въ общее достояніе. Теперешнее государство, существующее для охраненія нынѣшняго частнаго владѣнія, должно быть отмѣнено. Если прекратится государство, то исчезнетъ и религія.

«Государство» уступитъ мѣсто общечеловѣческому «союзу»; новый союзъ долженъ требовать, чтобы каждый производилъ извѣстное количество потребныхъ для жизни предметовъ, необходимыхъ союзу.

Усовершенствованіе способовъ работы въ высшей степени облегчитъ трудъ и укоротитъ рабочее время.

Собираніе капитала, денежные кризисы и сопряженное съ ними прекращеніе работъ исчезнутъ, потому что новый союзъ не будетъ производить товаровъ для продажи или покупки, но только жизненныя потребности для взаимнаго обмѣна. Поэтому не нужны будутъ и деньги».

Но что станетъ тогда съ разницею между прилежными и лѣнивыми, умными и глупыми? «Въ соціальномъ союзѣ не будетъ такого различія. Всѣ нормальные люди рождаются съ одинаковымъ умомъ и одинаковыми способностями, въ томъ различіи, какое наблюдается въ настоящемъ

обществѣ, виновато нелѣпое воспитаніе. Въ новомъ союзѣ воспитаніе, наоборотъ, будетъ стараться развивать естественныя дарованія каждаго, и каждому будетъ назначена та дѣятельность, которая соотвѣтствуетъ его наклонностямъ и дарованіямъ.

Что будетъ съ государствомъ, то должно произойти и съ религіею; не будучи отмѣненною, она исчезнетъ сама собою. Уже теперь монотеизмъ уступилъ мѣсто всюду проникающему пангенизму.

Нравственность и мораль не будутъ имѣть ничего общаго съ религіею; только глупцы и ханжи увѣряютъ, что нравственность зависитъ отъ вѣры.

Въ союзѣ женщина можетъ избрать какой угодно трудъ, сообразно своимъ способностямъ и желаніямъ. Въ любви она одинаково свободна, какъ и мужчина. Связи между мужчинами или женщинами заключаются по обоюдному соглашенію, безъ вмѣшательства общественнаго посредника. Половое сношеніе вполнѣ свободно. Нынѣшній бракъ есть послѣдствіе права собственности; онъ требуетъ, чтобы родныя дѣти были наслѣдниками, и навязываетъ ихъ и тѣмъ, отъ которыхъ нечего и наслѣдовать. Но такъ какъ въ новомъ союзѣ нечего наслѣдовать, то нѣтъ и причинъ для законнаго брака.

Хозяйство и дѣти не будутъ мѣшать свободѣ женщины, такъ какъ въ новомъ союзѣ всегда найдутся такія женщины, которыя добровольно сдѣлаются кормилицами и воспитательницами, и которымъ матери, не желающія сами заниматься своими дѣтьми, могутъ ихъ передать. Домашній очагъ замѣняютъ общественныя столовыя, собранія, библіотеки, увеселительныя заведенія, прачечныя и бани.

Такимъ образомъ,—говоритъ Бебель,—рай будетъ на землѣ, такъ какъ другого рая нѣтъ, какъ это проповѣдуетъ христіанство. Если знаешь, что послѣ смерти все кончено, то и сообразуешься съ этимъ.

Соціалъ-демократическое движеніе, какъ нравственно-религіозное движеніе.

Какъ соціалъ-демократія относится къ христіанству и къ религіи; каковы тѣ блага и цѣли, къ достиженію коихъ она стремится, и какъ должны смотрѣть на эти соціалъ-демократическія вожделѣнія христіане? Митрополитъ Владиміръ, разсматривая и рѣшаетъ эти вопросы такъ.

Соціалъ-демократія съ ненавистью отвергаетъ христіанство, и, питая къ нему глубочайшую ненависть, стремится къ его ниспроверженію. Соціалъ-демократическіе вожаки—Бебель, Либкнехтъ открыто заявляютъ, что соціализмъ есть атеизмъ. «Религія прошедшаго, сказалъ Либкнехтъ на одномъ изъ соціалистическихъ конгрессовъ, есть политеизмъ (многобожіе), религія настоящаго—монотеизмъ (единобожіе), а религія будущаго—атеизмъ (безбожіе)»... Энгельсъ говоритъ, что «съ Богомъ мы покончили»,

а Либкнехтъ добавляетъ: «Чтобы нанести окончательный ударъ религіи, нужно пустить въ ходъ богохульство». Мостъ называетъ Библію «позорнѣйшей изъ всѣхъ позорныхъ книгъ», а Богъ, по его словамъ, «изобрѣтенъ за тысячи лѣтъ назадъ для того, чтобы поддерживать порядокъ, наиболѣе выгодный для господствующихъ классовъ Бебель, въ рейхстагѣ 31 декабря 1881 года, сказалъ: «мы стоимъ въ политической области за республику, въ экономической — за соціализмъ, а въ религіозной — за атеизмъ или нигилизмъ». Въ произведеніяхъ соціалистическихъ говорится: «имени соціалиста достоинъ только тотъ, кто, будучи самъ атеистомъ, со всею ревностью посвящаетъ свою дѣятельность распространенію атеизма и между другими». «Какъ атеисты, мы уже по принципу должны быть врагами всякой церкви и всякихъ поповъ». Все, что когда-либо говорилось не въ пользу христіанства проповѣдниками невѣрія — Фейербахомъ, Фогтъ, Бюхнеръ, Молешоттъ и др., облекается въ общедоступную форму и выдается за «научное мнѣніе». Напр., въ № 12-мъ «Библіотеки соціалъ-демократа», въ статьѣ: «Христіанство и соціализмъ» говорится: «христіанство, какъ и всѣ другія религіи, есть человѣческое произведеніе, ни болѣе, ни менѣе, и только тамъ оно можетъ еще имѣть значеніе, гдѣ существуетъ невѣжество и незнаніе исторіи и естественной науки.. Христіанство, какъ и каждая религія, есть тормазъ и врагъ истиннаго прогресса... Все то доброе, что сдѣлано было за время господства христіанства, принадлежитъ не ему».

«Религія капитала» П. Лафарга полна ненависти и издѣвательства надъ христіанствомъ. Вотъ примѣры кощунства: на стр. 34 «Символъ вѣры капиталистовъ» читаемъ: «вѣрую въ капиталъ — владыку душъ и тѣлесъ, вѣрую въ барышъ, его единороднаго сына, и въ кредитъ, отъ него исходящій и съ нимъ спокланяемый».

Еще возмутительнѣе перелицовка заповѣдей блаженствъ. Вотъ напр.:

«*Несчастны* (вмѣсто блаженны) нищіе духомъ, примирившіеся съ своей нищетой и невозставшіе противъ неправды. Имъ не будетъ принадлежать царство небесное, ибо нѣтъ другого «царства небеснаго», кромѣ царства правды на землѣ. Блаженны всѣ недовольные своимъ нищенствомъ духовнымъ и житейскимъ, всѣ возмутившіеся противъ своего невѣжества и униженія, ибо лишь такимъ суждено осуществить царство Божіе на землѣ» [1]).

Въ массѣ фабричныхъ городскихъ и еще болѣе деревенскихъ рабочихъ агитація не находитъ еще прямо враждебнаго противъ религіи настроенія, а потому и считаютъ за лучшее, при агитаціи, религію выда-

[1]) Кармелюкъ, „Новая нагорная проповѣдь", изд. Н. Парамонова „Донская Рѣчь", № 143.

вать за личное дѣло. И стараются съ такимъ усердіемъ постепенно прямо и непрямо исторгать этихъ «товарищей» изъ нѣдръ христіанства, ставить ихъ внѣ всякаго его вліянія, чтобы совсѣмъ завербовать ихъ въ свой лагерь, пріобрѣсти для своихъ соціалъ-демократическихъ плановъ.

Соціалъ-демократія, какъ нравственно-религіозное движеніе — только проявленіе лежащаго въ основѣ соціалъ-демократіи противохристіанскаго міровоззрѣнія—матеріализма. Соціалъ-демократы стараются доказать, что всякое послѣдовательное разумное мышленіе приводитъ къ атеизму и матеріализму, и что міровоззрѣніе матеріализма есть единственное научно-состоятельное и достойное довѣрія міровоззрѣніе. «Дѣлайте пріятною и прекрасною здѣшнюю жизнь, загробная намъ не нужна, ея нѣтъ, нѣтъ тамъ свиданія»,—такъ говоритъ соціалистическая пѣсня.

Религія для цѣлаго общества уже исчезла; церкви болѣе не существуетъ. Соціалъ-демократія сдѣлалась спасителемъ страждущаго человѣчества, и плачевная юдоль стала небомъ на землѣ. Таковы въ общемъ мечты и чаянія соціалъ-демократовъ.

Это матеріалистическое міровоззрѣніе какъ въ его научной теоріи, такъ и въ практическомъ осуществленіи отнюдь не изобрѣтеніе соціалъ-демократіи. Такіе эпикурейцы-матеріалисты, которые поступаютъ по слову: «будемъ ѣсть и пить, ибо завтра умремъ», въ настоящее время есть во всѣхъ партіяхъ, во всѣхъ сословіяхъ и классахъ. Въ этомъ направленіи соціалъ-демократы во всѣхъ слояхъ человѣческаго общества имѣютъ своихъ, часто несознательныхъ союзниковъ, и эти господа хотя и являются непримиримыми врагами соціалъ-демократіи, но только потому, что она посягаетъ на ихъ владѣнія и мѣшаетъ наслаждаться жизнію, внутренно же и фактически они находятся въ связи съ нею и стоятъ на одинаковой почвѣ матеріализма и безбожія. Соціалъ-демократы въ отношеніи атеизма и матеріализма суть только ученики людей высшаго класса, которые такое міровоззрѣніе провозгласили, какъ самый новый выводъ изъ всѣхъ человѣческихъ изслѣдованій и какъ высшую мудрость для практической жизни.

Они признаютъ и цѣнятъ только матеріальное наслажденіе жизнію, только чувственныя блага, думая, что полное, истинное счастье человѣка въ томъ и состоитъ, если онъ имѣетъ возможность сытно поѣсть, вдоволь попить, умѣренно поработать.

Но не удастся соціалъ-демократіи ниспровергнуть той старой, непреложной истины, что, «*человѣкъ не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ*» и что «*не будетъ ему пользы, если бы онъ и «весь міръ пріобрѣлъ*». Все воображаемое богатство соціалистическаго государства, всѣ духовныя и плотскія удовольствія, которыя оно обѣщаетъ, никогда не возвысятъ человѣческаго духа и не удовлетворятъ запросовъ сердца. Если-же соціалъ-демократія не въ состояніи утолить глубочайшей тоски человѣче-

скаго сердца, то не доставитъ она удовлетворенія и своимъ земнымъ стремленіямъ. Но, не говоря уже о тѣхъ безконечныхъ стѣсненіяхъ, на которыя обрекается каждый изъ членовъ соціалистическаго союза при выборѣ занятій, мѣста для жилища, при воспитаніи своихъ дѣтей, при устройствѣ своей семейной жизни (не безъ основанія соціалистическое государство одни уподобляютъ казармамъ, а другіе исправительному дому), не говоря уже о всемъ этомъ, умолкнетъ ли въ этомъ воображаемомъ раѣ будущаго государства этотъ старый, душу раздирающій вопль: «окаяненъ азъ человѣкъ, и кто избавитъ меня? Не еже бо хощу доброе, сіе творю, но еже не хощу злое, сіе содѣваю» (Рим. VII, 19,24). Глубочайшая причина человѣческаго бѣдствія и самый страшный источникъ всякой неправды и всякаго зла на землѣ есть грѣхъ! До тѣхъ поръ пока не избавимся мы отъ этой гнетущей, ужасъ наводящей силы, до тѣхъ поръ не будетъ ни дѣйствительнаго спасенія, ни истинной свободы! Но спасти отъ этого грѣха и привести къ истинной свободѣ можетъ одинъ только Христосъ, нашъ Спаситель.

Церковь не должна, не въ правѣ оставаться постороннею зрительницею. Если она не хочетъ отказаться отъ самой себя, поставить, такъ сказать, крестъ надъ собою, она не должна спокойно смотрѣть, какъ угнетается, извращается, вытравляется христіанская вѣра, и въ сердцахъ многихъ тысячъ и милліоновъ чадъ ея насаждаются противохристіанскія понятія. Церковь наша доселѣ въ этомъ отношеніи мало дѣйствовала, а если иногда и дѣйствовала, то не такъ, какъ бы слѣдовало дѣйствовать. Многія проповѣди, направляясь противъ соціалъ-демократіи, нападали на нее, вообще, огульно, безъ разграниченія того, что есть въ ея ученіи ложнаго и что справедливаго, а потому не достигали своей цѣли и только еще болѣе укрѣпляли богатыхъ въ неотзывчивости на нужды бѣдныхъ, въ ихъ нехристіанскомъ ожесточеніи противъ увѣщаній къ состраданію и милосердію. А страждущимъ бѣднякамъ было проповѣдуемо то о бережливости, тогда какъ у нихъ, при недостатѣ даже на необходимыя житейскія нужды, нечего было и сберегать, то о терпѣніи и надеждѣ, тогда какъ они давно уже все это имѣли. Это возмущало однихъ и нисколько не смягчало окаменѣлое сердце другихъ. Что же удивительнаго, если поколебалось довѣріе и уваженіе къ церкви, если стали называть ее злою мачихою бѣдняковъ, а священниковъ—союзниками буржуазіи, адвокатами богатыхъ и знатныхъ? Что удивительнаго, если народъ начинаетъ кричать сейчасъ: «Долой Бога, долой религію, долой церковь и пастырей?» И намъ съ ужасомъ приходится смотрѣть, какъ оскверняются наши храмы и оскорбляются служители церкви. Замѣчательно, что тамъ, гдѣ, при недавнихъ безпорядкахъ, соціалъ-демократы восходили въ нашихъ церквахъ, оскверняемыхъ ими, на каѳедру, то большею частію держали проповѣдь не тѣ мѣста Священнаго Писанія на ту главу посланія апостола Іакова,

гдѣ бичуются грѣхи богачей и защищаются права бѣдняковъ. „Вы говорили намъ“, иронизируютъ они по адресу церковныхъ проповѣдниковъ, «что Библія проповѣдуетъ права частной собственности (капиталистовъ) и обязанности рабочихъ, но забыли сказать о томъ, что она еще чаще говоритъ объ обязанностяхъ богачей-нанимателей и о правахъ рабочихъ». Отсюда слѣдуетъ: если церковь не должна спокойно и безучастно смотрѣть на то, какъ развивается соціалъ-демократическое движеніе, и, съ другой стороны, она не должна безъ разбору ломать палку о соціалъ-демократію и все огуломъ подвергать въ ней осужденію. Этимъ церковь вредитъ только себѣ самой и лишаетъ себя всякаго вліянія на послѣдователей соціалъ-демократіи, такъ какъ эти послѣдніе, вслѣдствіе такого несправедливаго и нелюбовнаго ея отношенія къ нимъ, только болѣе ожесточаются и совершенно отпадаютъ отъ нея. Какъ же должна дѣйствовать церковь? Вотъ вопросъ, заслуживающій особаго вниманія.

Тысячи обладающихъ богатствомъ и образованіемъ людей, которые сами по себѣ ничего не хотятъ знать о Церкви, въ настоящее ужасное время взываютъ однакоже къ Церкви, какъ орудію и вспомогательному средству противъ соціалъ-демократіи. Но, если интеллигенція наша видитъ въ религіи и Церкви только средство къ огражденію своего сибаритства и страсти къ наслажденіямъ, а исполненіе ученія ея оставляетъ только на обязанности рабочаго и соціалъ-демократа, то что это, какъ не фарисейство? И какъ назвать такое настроеніе, какъ не суетнымъ высокомѣріемъ, если они думаютъ, что религія нужна и полезна только рабочему, а для нихъ самихъ она—ненужная вещь. Это лицемѣріе и эта гордость нашей богатой интеллигенціи, удаляющейся отъ Церкви и однако же взывающей къ Церкви, какъ къ якорю спасенія, очень затрудняетъ дѣятельность Церкви и требуетъ отъ нея большей осторожности и благоразумія. Какъ носительница и провозвѣстница вѣчной истины, она стоитъ выше всѣхъ партій и не должна отдавать себя въ услуженіе ни одной изъ нихъ. Она должна твердо держаться своей собственной, если можно такъ сказать, партіи, именно партіи Христа. Она должна быть съ своимъ духомъ вездѣ и всюду, вверху и внизу, и направо и налѣво, и всѣ движенія и теченія времени разсматривать въ свѣтѣ вѣчности.

Стремленіе рабочаго и вообще низшаго сословія къ улучшенію своего тяжелаго быта нельзя считать дерзостію и беззаконіемъ, захватомъ чего-то ему не принадлежащаго, но его необходимо только вставить въ надлежащія рамки, направить на законный путь. Устраняя и подавляя въ этомъ движеніи все противное Богу и закону, все вредное и преступное (напримѣръ, насиліе, забастовки, экспропріація, посягательство на чужую собственность), мы въ то же время не должны осуждать справедливыя желанія и домогательства рабочихъ.

самоувѣреннымъ и научнымъ тономъ преподаваемое народу соціалъ-демократическое ученіе. А для этого потщитесь, отцы и братіе, пополнить церковныя библіотеки и завести въ каждомъ приходѣ свои церковно-приходскія читальни.

Но и самый ревностный и работоспособный пастырь одинъ немногое можетъ сдѣлать, а потому не слѣдуетъ на одного священника возлагать всю заботу и отвѣтственность за нравственное и духовное благо приходской общины. Ему должны быть помощниками сами прихожане, и наша приходская жизнь должна быть оживлена привлеченіемъ къ дѣятельному участію во всѣхъ церковныхъ дѣлахъ самихъ прихожанъ.

Каждый членъ этого церковно-приходскаго совѣта могъ бы принять на свое попеченіе того или другого бѣдняка, то или другое нуждающееся въ какой-нибудь матеріальной и нравственной поддержкѣ семейство, или же могло бы быть раздѣлено все приходское общество на столько районовъ или участковъ, сколько членовъ церковно-приходскаго совѣта. Каждый членъ совѣта могъ бы принимать къ своему завѣдыванію по одному такому участку, по возможности, обстоятельно изучать его, для доклада священнику о происходившихъ случаяхъ болѣзни и другихъ несчастій, могъ бы наблюдать въ своемъ районѣ за поведеніемъ дѣтей и подрастающаго юношества и старался бы во всѣхъ отношеніяхъ содѣйствовать словомъ и дѣломъ преуспѣянію нравственно-религіозной и церковной жизни въ завѣдуемой имъ части прихода. Если бы, такимъ образомъ, съ помощью этихъ мірскихъ членовъ приходскаго общества удалось практически привести соціалъ-демократію къ убѣжденію въ томъ, что христіанская церковная община есть мобилизованная, дѣятельная, отзывающаяся на все полезное сила, то тогда можно надѣяться, что она (соціалъ-демократія) не посмѣла бы посягнуть, или напрасно стала бы посягать на такую живую общину. Такая живая община могла бы дать своимъ членамъ въ десять разъ больше, чѣмъ каждый соціалъ-демократическій союзъ. Не забывайте, что вездѣ и всюду самое первое, что нужно для успѣха дѣла, не деньги, не порядки и установленія, но люди, лица, готовыя работать.

Сколько силъ дремлетъ въ нашемъ православно-христіанскомъ обществѣ. Сколько работоспособныхъ людей стоятъ на рынкѣ праздными, какъ бы не находя себѣ работы! Выходите же, дорогіе братіе, на эту работу, на дѣло, на служеніе Господу! Выходите только съ вѣрою и терпѣніемъ!

«Колоколъ» (см. № 263, 8-е декабря 1906 года). Не менѣе полезно въ этомъ отношеніи будетъ и полемическое сочиненіе «Vidor Socialdemokratie», Флейшмана.

В. К. Саблеръ объ отношеніи соціализма къ христіанству.

В. К. Саблеръ въ своей книгѣ «О мирной борьбѣ съ соціализмомъ», на основаніи соціалистическихъ платформъ и брошюръ, такъ излагаетъ отношеніе соціализма къ христіанству.

«Соціализмъ, проповѣдуя устами своихъ учителей атеизмъ, самъ обращается для своихъ послѣдователей въ новую вѣру. Догматы его принимаются безъ разсужденій. Слѣпое чувство, а не пытливая мысль присуще его прозелитамъ. Соціалисты вѣрятъ, что въ обновленномъ ими обществѣ наступитъ эра полнаго благополучія. Ослѣпленные фанатизмомъ неофитовъ, соціалисты съ крайнею нетерпимостью относятся ко всѣмъ взглядамъ, не согласнымъ съ ихъ ученіемъ. По фанатизму они не уступаютъ ярымъ сектантамъ. Соціалисты, ратуя за свободу мысли, сами проявляютъ невыносимый деспотизмъ. Органъ нѣмецкихъ соціалистовъ «Vorwärts» (отъ 17 іюля 1891 г.) отъ лица соціалистовъ говоритъ: «Мы боремся съ существующею культурою, будь она христіанско-германская или русская, и стремимся къ тому, чтобы окончательно искоренить ее».

«Богъ есть нашъ врагъ», прямо заявилъ бельгійскій депутатъ Анзеелъ на конгрессѣ соціалистовъ въ 1897 году въ Гентѣ. Соціалистъ, по мнѣнію итальянскаго депутата Турати долженъ быть атеистомъ. Генуезская соціалистическая газета l'Ega nuova совѣтуетъ повсемѣстно вести рѣшительную атеистическую пропаганду. Извѣстный французскій писатель Гравъ [1]) говоритъ: анархія сознательно атеистична и отрицаетъ всякое начало, созидающее міръ или управляющее имъ. Органъ Фламандскихъ соціалистовъ въ Бельгіи «Впередъ» торжественно вѣщаетъ: «Да не будутъ болѣе ни евреи, ни христіане, ни иные вѣрующіе. Церкви, монастыри, часовни и другія священныя мѣста должны быть разрушены и обращены въ учрежденія для общей пользы и развлеченія, какъ то: театры, бани, амбары и т. д.». Бебель заявляетъ: «Убѣжденіе, что небо находится на землѣ и что со смертью все для человѣка прекращается, заставитъ всякаго жить строго сообразуясь съ требованіями природы. На засѣданіи рейхстага 31 декабря 1881 года Бебель заявилъ: «Мы желаемъ въ области политической республику, въ области экономической соціализмъ и въ области, нынѣ называемой религіозной, атеизмъ». Затѣмъ онъ пишетъ: «христіанство и соціализмъ относятся одно къ другому, какъ огонь къ водѣ».

Другой извѣстный вождь соціализма Либкнехтъ, на конгрессѣ въ Галлѣ сказалъ между прочимъ: «какъ только государство будетъ въ нашихъ рукахъ, религія не будетъ намъ опасна. Конечно нужно будетъ вооружиться противъ нея. Школа должна быть возстановлена противъ церкви, учитель противъ священника».

---

[1]) Jean Grave—l'anarchie. Son but—ses moyens Paris. 1899

самоувѣреннымъ и научнымъ тономъ преподаваемое народу соціалъ-демократическое ученіе. А для этого потщитесь, отцы и братіе, пополнить церковныя библіотеки и завести въ каждомъ приходѣ свои церковно-приходскія читальни.

Но и самый ревностный и работоспособный пастырь одинъ немногое можетъ сдѣлать, а потому не слѣдуетъ на одного священника возлагать всю заботу и отвѣтственность за нравственное и духовное благо приходской общины. Ему должны быть помощниками сами прихожане, и наша приходская жизнь должна быть оживлена привлеченіемъ къ дѣятельному участію во всѣхъ церковныхъ дѣлахъ самихъ прихожанъ.

Каждый членъ этого церковно-приходскаго совѣта могъ бы принять на свое попеченіе того или другого бѣдняка, то или другое нуждающееся въ какой-нибудь матеріальной и нравственной поддержкѣ семейство, или же могло бы быть раздѣлено все приходское общество на столько районовъ или участковъ, сколько членовъ церковно-приходскаго совѣта. Каждый членъ совѣта могъ бы принимать къ своему завѣдыванію по одному такому участку, по возможности, обстоятельно изучать его, для доклада священнику о происходившихъ случаяхъ болѣзни и другихъ несчастій, могъ бы наблюдать въ своемъ районѣ за поведеніемъ дѣтей и подрастающаго юношества и старался бы во всѣхъ отношеніяхъ содѣйствовать словомъ и дѣломъ преуспѣянію нравственно-религіозной и церковной жизни въ завѣдуемой имъ части прихода. Если бы, такимъ образомъ, съ помощью этихъ мірскихъ членовъ приходскаго общества удалось практически привести соціалъ-демократію къ убѣжденію въ томъ, что христіанская церковная община есть мобилизованная, дѣятельная, отзывающаяся на все полезное сила, то тогда можно надѣяться, что она (соціалъ-демократія) не посмѣла бы посягнуть, или напрасно стала бы посягать на такую живую общину. Такая живая община могла бы дать своимъ членамъ въ десять разъ больше, чѣмъ каждый соціалъ-демократическій союзъ. Не забывайте, что вездѣ и всюду самое первое, что нужно для успѣха дѣла, не деньги, не порядки и установленія, но люди, лица, готовыя работать.

Сколько силъ дремлетъ въ нашемъ православно-христіанскомъ обществѣ. Сколько работоспособныхъ людей стоятъ на рынкѣ праздными, какъ бы не находя себѣ работы! Выходите же, дорогіе братіе, на эту работу, на дѣло, на служеніе Господу! Выходите только съ вѣрою и терпѣніемъ!

«Колоколъ» (см. № 263, 8-е декабря 1906 года). Не менѣе полезно въ этомъ отношеніи будетъ и полемическое сочиненіе «Vider Socialdemokratie», Флейшмана.

В. К. Саблеръ объ отношеніи соціализма къ христіанству.

В. К. Саблеръ въ своей книгѣ «О мирной борьбѣ съ соціализмомъ», на основаніи соціалистическихъ платформъ и брошюръ, такъ излагаетъ отношеніе соціализма къ христіанству.

«Соціализмъ, проповѣдуя устами своихъ учителей атеизмъ, самъ обращается для своихъ послѣдователей въ новую вѣру. Догматы его принимаются безъ разсужденій. Слѣпое чувство, а не пытливая мысль присуще его прозелитамъ. Соціалисты вѣрятъ, что въ обновленномъ ими обществѣ наступитъ эра полнаго благополучія. Ослѣпленные фанатизмомъ неофитовъ, соціалисты съ крайнею нетерпимостью относятся ко всѣмъ взглядамъ, не согласнымъ съ ихъ ученіемъ. По фанатизму они не уступаютъ ярымъ сектантамъ. Соціалисты, ратуя за свободу мысли, сами проявляютъ невыносимый деспотизмъ. Органъ нѣмецкихъ соціалистовъ «Vorwärts» (отъ 17 іюля 1891 г.) отъ лица соціалистовъ говоритъ: «Мы боремся съ существующею культурою, будь она христіанско-германская или русская, и стремимся къ тому, чтобы окончательно искоренить ее».

«Богъ есть нашъ врагъ», прямо заявилъ бельгійскій депутатъ Анзеелъ на конгрессѣ соціалистовъ въ 1897 году въ Гентѣ. Соціалистъ, по мнѣнію итальянскаго депутата Турати долженъ быть атеистомъ. Генуезская соціалистическая газета l'Ega nuova совѣтуетъ повсемѣстно вести рѣшительную атеистическую пропаганду. Извѣстный французскій писатель Гравъ [1]) говоритъ: анархія сознательно атеистична и отрицаетъ всякое начало, созидающее міръ или управляющее имъ. Органъ Фламандскихъ соціалистовъ въ Бельгіи «Впередъ» торжественно вѣщаетъ: «Да не будутъ болѣе ни евреи, ни христіане, ни иные вѣрующіе. Церкви, монастыри, часовни и другія священныя мѣста должны быть разрушены и обращены въ учрежденія для общей пользы и развлеченія, какъ то: театры, бани, амбары и т. д.». Бебель заявляетъ: «Убѣжденіе, что небо находится на землѣ и что со смертью все для человѣка прекращается, заставитъ всякаго жить строго сообразуясь съ требованіями природы. На засѣданіи рейхстага 31 декабря 1881 года Бебель заявилъ: «Мы желаемъ въ области политической республику, въ области экономической соціализмъ и въ области, нынѣ называемой религіозной, атеизмъ». Затѣмъ онъ пишетъ: «христіанство и соціализмъ относятся одно къ другому, какъ огонь къ водѣ».

Другой извѣстный вождь соціализма Либкнехтъ, на конгрессѣ въ Галлѣ сказалъ между прочимъ: «какъ только государство будетъ въ нашихъ рукахъ, религія не будетъ намъ опасна. Конечно нужно будетъ вооружиться противъ нея. Школа должна быть возстановлена противъ церкви, учитель противъ священника».

---

[1]) Jean Grave—l'anarchie. Son but—ses moyens Paris. 1899

Карлъ Марксъ заявляетъ, что уничтоженіе религіи, этого призрачнаго счастія, будетъ началомъ истиннаго благополучія. Энгельсъ идетъ по стопамъ учителя, онъ утверждаетъ, въ «Критикѣ программы партіи соціалъ-демократовъ», что «всякая религія, есть ничто иное, какъ фантастическое отраженіе въ головахъ людей тѣхъ внѣшнихъ силъ, съ которыми имъ ежедневно приходится встрѣчаться. Грядущее общество не будетъ нуждаться въ упраздненіи религіи, она сама исчезнетъ, ибо нечего будетъ отражать».

Робертъ Блатшфордъ пишетъ въ соціалистической газетѣ «Clarion»: «Я не вѣрю въ истину ни христіанства, ни буддизма, ни іудейства, ни магометанства. Я не вѣрю въ необходимость какой-либо изъ этихъ религій. Я отрицаю существованіе Небеснаго Отца. Я отрицаю дѣйствительную силу молитвы. Я отрицаю Божественный Промыслъ. Я отрицаю истину ученія Ветхаго Завѣта и Новаго Завѣта. Я не вѣрю въ Божество Христа. Я не вѣрю, чтобы Христосъ умеръ за людей. Я весьма склоненъ думать, что Онъ никогда не существовалъ. Я не вѣрю въ бытіе неба и отвергаю идею ада».

Отъ этихъ крайнихъ воззрѣній не отступаетъ и французскій соціалистъ Жоресъ, вождь коллективистовъ, заявившій въ Палатѣ Депутатовъ: «религія держится на привычкѣ, а не коренится въ живой вѣрѣ». Министръ труда Вивіани 9 ноября 1906 года заявилъ, что «соціалисты вырвали изъ сердца народа вѣрованіе въ иную жизнь, въ небесныя видѣнія, погасили на небесахъ свѣтъ, которому не суждено болѣе возгорѣться».

Депутатъ Ферри произнесъ 10 марта 1900 года между прочимъ слѣдующее: «вся наша система построена на атеизмѣ, и мы не можемъ измѣнить этому направленію. Но слѣдуетъ измѣнять способы борьбы, доселѣ примѣнявшіеся. Не слѣдуетъ идти въ народъ и говорить, что нѣтъ Бога; что святые были только фанатики или страдали истеріею, что душа не безсмертна. Вопросовъ этихъ не слѣдуетъ касаться, такъ какъ религіозное чувство могло бы возмутиться отъ подобныхъ сообщеній. Но покажите лучше народу яркій обликъ каноника, разжирѣвшаго отъ обильныхъ приношеній и ремесленника, отощавшаго отъ голода, епископовъ и самый Ватиканъ, сговорившихся съ сильными міра оставить народъ въ нищетѣ и невѣжествѣ, и вождей соціалистической партіи, постоянно пекущихся о благѣ народномъ; и вы, такимъ путемъ достигнете желанной цѣли». Руководители партіи согласились съ воззрѣніемъ Ферри, и 1 мая 1901 года предписали всѣмъ органамъ партіи «не касаться духовной сферы среди народа, фанатически настроеннаго». Газета Avenire sociale выражаетъ желаніе, чтобы «атеизмъ незамѣтно проникалъ въ народныя массы. Нападки нужно сначала вести на священника, потомъ на религію, а потомъ уже на Бога». Феррарская газета Era со своей стороны совѣтуетъ» избавить женщинъ отъ религіозныхъ предразсудковъ и дать имъ понять, что нѣтъ надобности ни въ обѣдняхъ, ни въ свѣчахъ, ни

въ различныхъ церемоніяхъ для того, чтобы найти путь въ рай». И извѣстная Эрфуртская программа придерживается воззрѣнія, которое сводится къ тому, что когда соціализмъ еще не имѣетъ въ странѣ преобладающаго значенія, то онъ предоставляетъ каждому судить о религіи по собственному усмотрѣнію. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда соціалисты облекаются властью, они не только вступаютъ въ борьбу съ религіей и церковью, но и начинаютъ преслѣдовать людей, преданныхъ христіанству и церкви. Эрфуртская программа прямо указываетъ на необходимость прекращенія расходованія государствомъ и общинами какихъ-либо средствъ на церковныя и религіозныя цѣли. Враждебное отношеніе французскаго соціалистическаго правительства къ религіи и церкви хорошо извѣстно. Тысячи священниковъ выброшены на улицу и должны влачить самое жалкое существованіе, спасаясь отъ злой нужды случайными заработками, не имѣющими ничего общаго съ ихъ пастырскимъ призваніемъ. Соціалистическая итальянская газета «La Martinella» обращается къ священникамъ со слѣдующими словами: «Мы выгонимъ васъ изъ рабочихъ обществъ, изъ городскихъ управленій, изъ школъ, съ кладбищъ, изъ семействъ рабочихъ. Мы будемъ проносить мимо васъ тѣла нашихъ усопшихъ, погребаемыхъ гражданскимъ чиномъ; мы отстранимъ отъ вашихъ алтарей брачущихся, изъ вашихъ крещаленъ новорожденныхъ; изъ вашихъ исповѣдаленъ женщинъ». Въ окрестностяхъ Пистои соціалисты распространяютъ между молодыми дѣвушками подписку объ обязательномъ уклоненіи ихъ отъ исповѣди подъ страхомъ никогда не найти жениха. Одинъ изъ рабочихъ подвергся исключенію изъ соціалистическаго кружка за то, что позволилъ окрестить свою дочь въ церкви. Въ одномъ изъ селеній близъ Мантуи соціалисты опредѣлили штрафъ въ 50 сантимовъ со всѣхъ женщинъ изъ ихъ среды, позволившихъ себѣ участвовать въ процессіи Corpus Domini, а близъ Вероны установили штрафъ въ 1 лиру со всякаго члена соціалистической партіи за посѣщеніе имъ церкви. Въ одномъ селѣ бѣдный крестьянинъ помѣстилъ свою тяжко больную дочь въ больницу, но когда соціалисты, члены сельскаго правленія, узнали, что старикъ членъ мѣстнаго братства, то велѣли немедленно удалить больную. Соціалистическій вождь Турати дѣлаетъ слѣдующее сообщеніе: «Всѣ крестьяне, дѣлающіеся соціалистами, обращаются въ атеистовъ».

Эрфуртская программа требуетъ, чтобы школа была исключительно свѣтскою, при чемъ посѣщеніе этой школы безъ Бога признается безусловно обязательнымъ для всѣхъ дѣтей. Всѣхъ родителей, такимъ образомъ, заставляютъ отдавать дѣтей своихъ въ безбожную школу. Примѣненіе этой системы—насильственная прививка атеизма къ дѣтямъ.

Итальянскій соціалистъ Прамполини на соціалистическомъ конгрессѣ въ Реджіо Эмилія говорилъ: «Мы злѣйшіе враги религіознаго обученія, этой язвы нашего образованія». Соціалистическое городское управленіе въ

Реджіо Эмилія запретило въ коммунальныхъ школахъ читать передъ началомъ уроковъ краткія молитвы; затѣмъ были запрещены всякія внѣшнія проявленія религіознаго чувства, даже простое осѣненіе себя крестнымъ знаменіемъ. Соціалистическій Avanti требуетъ безусловнаго исключенія изъ школы всякаго религіознаго обученія, «мы на этомъ настаиваемъ, нисколько не страшась прослыть атеистами». А въ Миланѣ, въ виду заявленія адвоката Майно, Совѣтъ дѣтскаго пріюта исключилъ изъ программы Катехизисъ и Законъ Божій.

Соціалисты, желая разрушить христіанскія основы общежитія, отрицаютъ христіанское ученіе о бракѣ. Соціалистка Ода Ольбергъ въ газетѣ Neue Zeit говоритъ: «половая мораль отжила свой вѣкъ; здоровымъ женщинамъ нельзя отказывать въ правѣ на материнство, совершенно независимо отъ того, есть-ли у нихъ брачное свидѣтельство». Писательница полагаетъ, что ненаказуемостью выкидыша можно значительно облегчить послѣдующее признаніе права матерей на рожденіе внѣбрачныхъ дѣтей.

Бебель находитъ, что человѣкъ, «съ точки зрѣнія физіологической, есть животное, обладающее высшимъ развитіемъ». Какъ же при этомъ говорить о какомъ-либо нерасторжимомъ бракѣ. Максъ Нордау, съ своей стороны, находитъ, что отношенія между мужчиной и женщиной всегда будутъ безнравственны и противны природѣ, пока человѣкъ не станетъ подражать животнымъ.

Къ бракамъ, освященнымъ церковью, соціалисты относятся весьма враждебно. Равеннская газета Liberta пишетъ: не слѣдуетъ признать допустимымъ, чтобы лица, принадлежащія къ народной партіи, вѣнчались въ церкви; ослушники должны быть исключаемы изъ общества. Avanti совѣтуетъ дѣвушкамъ уклоняться отъ церковнаго брака, а матерямъ отъ крещенія своихъ дѣтей. Въ мѣстечкѣ Олевано нѣкоторыя мужья объявили своимъ женамъ, участвовавшимъ въ католическомъ союзѣ, чтобы онѣ или выходили изъ союза, или убирались изъ дома. Газета Cittadino разсказываетъ, что одинъ соціалистъ атеистъ, узнавъ, что его жена усердная католичка, прогналъ ее изъ дому черезъ нѣсколько дней послѣ свадьбы. Люди благоразумные указываютъ на крайнюю распущенность женщинъ и даже подростковъ въ мѣстностяхъ, зараженныхъ соціализмомъ. Однажды самъ Прамполини былъ возмущенъ крайнимъ безстыдствомъ серенады, исполненной подъ его окнами хоромъ молодыхъ дѣвушекъ, желавшихъ циничными пѣснями проявить свое соціалистическое настроеніе. Даже Прамполини не вытерпѣлъ и произнесъ собравшимся нѣсколько укоризненныхъ словъ. Проявленіе подобныхъ извращенныхъ чувствъ понятно у людей, къ которымъ могутъ быть отнесены слова соціалиста Рейлинга, произнесенныя на конгрессѣ въ Гентѣ въ 1877 году: «мы, соціалисты, желаемъ ада со всѣми предшествующими ему наслажденіями».

Съ упраздненіемъ семьи, существующія доселѣ отношенія между родителями и дѣтьми должны подлежать коренному измѣненію. Бельгійскій депутатъ Ванъ-деръ-Вельде говоритъ по этому поводу: какъ отецъ не имѣетъ никакихъ правъ по отношенію къ дѣтямъ, такъ же и дѣти не имѣютъ никакихъ обязанностей по отношенію къ своимъ родителямъ. А извѣстный соціалистъ Бенуа-Маноѣ недоумѣваетъ: «развѣ дѣти имѣютъ менѣе значенія, чѣмъ родители? Почему же они должны подчиняться ихъ волѣ? По какому праву? Не нужно болѣе послушанія, иначе нѣтъ равенства». (В. Е. Саблеръ. «О мирн. борьб. съ соціализм. Стр. 4—30).

Л. А. Тихомировъ о соціализмѣ.

«Манифестъ Коммунистической партіи» заявилъ прямо: «Коммунисты могутъ выразить свою теорію словами: *уничтоженіе частной собственности*». Лавровъ говоритъ, что «каковы бы ни были другіе пріемы соціальной революціи, одно безспорно: она должна начаться *немедленнымъ и неуклоннымъ* обращеніемъ всякаго имущества частнаго, имущества группъ, имущества государственнаго,—въ имущество *общее*». Въ книгѣ «Новое ученіе о государствѣ» А. Менгеръ объясняетъ: никакихъ орудій производства нельзя давать отдѣльному лицу даже въ пользованіе. Никакихъ предметовъ долговременнаго пользованія (какъ жилищъ, напримѣръ)—нельзя давать въ частную собственность. Все это принадлежитъ исключительно государству. Право собственности допускается лишь на предметы непосредственнаго потребленія, въ родѣ пищи и одежды, да и при этомъ допускается лишь право *употребленія*, но не *распоряженія*, т. е. каждый долженъ носить то платье, которое ему дали, но передать другому какую либо вещь, какой-либо костюмъ, какую либо часть послѣдняго онъ не можетъ.

Точно также уничтожается соціализмомъ и семья. Человѣческая семья есть *учрежденіе*, нѣкоторый обязательный союзъ, съ правами и обязанностями своихъ членовъ въ отношеніи другъ друга. Она пережила въ исторіи много различныхъ формъ. Но при всѣхъ разнообразныхъ формахъ, семья оставалась учрежденіемъ, обязательнымъ для своихъ членовъ и для всего общества. Такого учрежденія у соціалистовъ уже не будетъ. То, что они обѣщаютъ сохранить, подъ наименованіемъ семьи, есть простое сожительство мужчины и женщины, при чемъ ничего обязательнаго въ отношеніи другъ друга они не имѣютъ: могутъ сходиться и расходиться свободно, сколько и когда угодно. Никакого общественнаго значенія ихъ союзъ не имѣетъ, и никакихъ правъ передъ обществомъ не получаетъ. У соціалистовъ можно заключать такой «союзъ» каждый день сызнова. Какія же «права» можетъ онъ имѣть? Даже на дѣтей, происшедшихъ въ результатѣ сожительства, сами родители не могутъ имѣть правъ, потому что обязанность воспитанія и право имъ распоряжаться

переходитъ отъ родителей къ обществу. Единственное вмѣшательство общества во отношенія сожительствующихъ, какое можетъ явиться при соціалистическомъ строѣ, можетъ развѣ состоять въ требованіи, чтобы они не производили дѣтей больше, чѣмъ требуется по соображеніямъ пропитывающаго и воспитывающаго ихъ общества.

Относительно религіи излишне даже говорить о Богѣ. Религія, какъ опредѣляетъ К. Марксъ, есть «извращенное міросозерцаніе». «Она есть фантастическое осуществленіе человѣческой сущности».

Соціализмъ говоритъ, будто бы при его осуществленіи государства не будетъ, а вмѣсто этого будетъ какое то невообразимое сплоченіе производительныхъ группъ, которыя самимъ процессомъ производства будутъ построены въ нѣкоторую организацію. Легко доказать, что это совершенно невозможно, и что соціализмъ непремѣнно долженъ будетъ создать общегосударственную власть. Но дѣло въ томъ, что всѣ эти фантасмагоріи соціализмъ обѣщаетъ только въ отдаленномъ будущемъ, какъ средство же переворота и устроенія—онъ усваиваетъ государство, только въ совершенно изуродованномъ видѣ.

Соціализмъ увѣряетъ, будто бы наше государство есть не болѣе какъ организованное господство одного класса надъ другимъ. Но именно наше государство, есть организація общенаціональная, внѣ-классовой власти. Наоборотъ соціализмъ хочетъ создать *классовое государство.*

Онъ хочетъ захватить государственную власть въ руки одного класса «пролетаріевъ» и устраивать соціалистическій строй посредствомъ *диктатуры пролетаріата.* И ужъ только пересоздавъ міръ посредствомъ этого классоваго «пролетарскаго» государства, соціализмъ обѣщаетъ совсѣмъ его уничтожить... Но соціалисты волей неволей принуждены будутъ или вѣчно держать въ своихъ рукахъ государство, или же ихъ строй будетъ разрушенъ, какъ только они выпустятъ власть.

Соловьевъ, въ своихъ «Трехъ разговорахъ», говоритъ, что у самаго безроднаго человѣка есть по крайней мѣрѣ два великихъ предка: отечество и человѣчество.

Но соціализмъ все это упраздняетъ и оклеветываетъ: «Пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь» на развалинахъ всѣхъ отечествъ, провозглашаетъ онъ... Всѣ государства были, по его утвержденію, только системой грабежа однихъ классовъ надъ другими.

Но если нѣтъ отечества, то есть ли у соціализма хоть общечеловѣческая солидарность? Есть ли общечеловѣческое братство? Но ни въ исторіи, ни теперь—для соціализма нѣтъ братства. Есть только враждующіе классы. Буржуа—братъ только для буржуа, метранпажъ для метранпажа, наборщикъ для наборщика... Людей нѣтъ на свѣтѣ, есть только профессіи...

Но каждый человѣкъ въ своемъ собственномъ чувствѣ прекрасно знаетъ, что онъ любитъ *человѣческое существо*, а не классъ или должность?

Считая человѣка рабскимъ созданіемъ внѣшнихъ условій, соціализмъ полагаетъ, что современное производство превратило общество въ гигантскій муравейникъ, гдѣ всякій отдѣльно взятый человѣкъ не имѣетъ никакого значенія, и самъ для себя ничего не устраиваетъ, но все совершается по велѣніямъ производства. Такое воображаемое состояніе соціализмъ предлагаетъ увѣковѣчить съ той разницей, что, вмѣсто единоличнаго хозяина фабрики, явится новый коллективный хозяинъ—«общество». Ни человѣку, ни группѣ людей тогда не дозволено будетъ требовать и какого-нибудь самостоятельнаго устройства.

Всегда и всюду люди не только приспособляются къ внѣшнимъ условіямъ, какъ стараются ихъ къ себѣ приспособить. И только въ этомъ источникъ прогресса.

Приспособляясь къ ткацкому станку, человѣкъ непрерывно занятъ мыслью: какъ бы этотъ станокъ получше приспособить къ себѣ? Отсюда всѣ усовершенствованія техники, всѣ изобрѣтенія, въ которыхъ постоянная мысль человѣка: устроить технику такъ, чтобы ему было хорошо, выгодно и удобно.

«Формы общественнаго сотрудничества опредѣляются технико»й, говоритъ соціализмъ, но не замѣчаетъ самаго главнаго: что опредѣляющей силой является самъ *человѣкъ*. Приспособляя форму сотрудничества къ условіямъ техники, человѣкъ думаетъ однако: пріятна ли, удобна ли ему форма сотрудничества, въ которую пришлось стать, и если она противна его природѣ, не нравится ему, то онъ старается переломить условія техники, изобрѣсти на мѣсто данныхъ ея условій какія нибудь иныя—*въ чемъ всегда оказывается, въ концѣ счета, побѣдителемъ человѣкъ, а не техника.* (Л. Тихомировъ. «Соціализмъ въ госуд. и общ. отн.», стр. 14—21).

Что говоритъ христіанство и что соціализмъ.

Христіанство учитъ, что есть Богъ, Творецъ міра и человѣка, что человѣкъ въ жизни своей долженъ исполнять волю Божію; человѣкъ нарушилъ эту волю, согрѣшилъ; отъ грѣха его избавилъ Іисусъ Христосъ и человѣку заповѣдалъ заботиться о своей душѣ, хранить ее отъ грѣха и готовиться къ вѣчной жизни. Имущество не сдѣлаетъ человѣка счастливымъ; по слову Спасителя, нѣтъ пользы человѣку, если онъ даже весь міръ пріобрѣтетъ, но повредитъ душѣ своей. Спаситель говоритъ, что ничего нельзя дать человѣку взамѣнъ души его (Матѳ. 16, 26—27).

Соціализмъ не признаетъ ни Іисуса Христа, ни Церкви; соціализмъ учитъ, что Бога нѣтъ, души у человѣка нѣтъ, нѣтъ и будущей вѣчной жизни, что воскресенія, суда Божія и жизни души по смерти не будетъ, что нѣтъ ни ангеловъ, ни святыхъ, а есть только земля, а у человѣка есть только тѣло, которое надо одѣть, согрѣть и напитать поровну для каждаго. «Презирай иной міръ», говорятъ они о духовномъ мірѣ, «счи-

тай его за величайшее безуміе, будь врагомъ всякой религіи, потому что Богъ и религія есть зло» [1]). Но если нѣтъ Бога и религіи, то откуда же знать, что правда, что неправда; если нѣтъ души, то нѣтъ и грѣха и святости,—значитъ, человѣку нечего и возмущаться несправедливостью, ибо никто не можетъ доказать, что справедливо, а что несправедливо.

Христіанство говоритъ, что всѣ нестроенія и непорядки въ жизни человѣческой отъ грѣха; *надо бороться со грѣхомъ*, съ тѣмъ зломъ, которое *внутри* человѣка; христіанство учитъ, что человѣкъ своими силами не побѣдитъ зла, ему нужна помощь Божія, нужна благодать, которую далъ людямъ Іисусъ Христосъ и теперь подаетъ вѣрующимъ чрезъ вѣру, молитву и таинства Св. Церкви. Христіанство говоритъ, что пока человѣкъ грѣшенъ, дотолѣ онъ не можетъ быть вполнѣ счастливъ.

А соціализмъ говоритъ, что грѣха нѣтъ; онъ учитъ, что надо бороться не съ грѣхомъ, а съ богатыми людьми, съ капиталистами, съ землевладѣльцами, да еще съ правителями и начальниками, чтобы заставить ихъ все подѣлить поровну, и тогда люди будутъ счастливы.

Христосъ говоритъ: «ищите прежде всего царствія Божія и правды его, и сія вся—всѣ блага земныя—приложатся вамъ». А соціализмъ говоритъ: ищите прежде всего вотъ этихъ самыхъ земныхъ благъ, и все остальное приложится вамъ и будете счастливы.

Христіанство осуждаетъ жестокосердныхъ богачей, учитъ помогать голоднымъ, больнымъ и бѣднымъ; оно говоритъ: любите другъ друга; оно восхваляетъ тѣхъ, кто раздаетъ имѣніе свое ради любви къ ближнимъ. Но оно требуетъ, чтобы человѣкъ все это дѣлалъ *добровольно, по вѣрѣ въ Бога, по любви къ Его закону и къ ближнимъ.* Святой Апостолъ учитъ: «каждый удѣляй по расположенію сердца, не съ огорченіемъ и принужденіемъ, ибо *доброхотно дающаго любитъ Богъ*» (2 Кор. 9, 7). Когда нѣкто Ананія съ женою скрыли часть проданнаго имѣнія, то Апостолъ осудилъ Ананію за ложь, а не за то, что онъ не всѣ деньги отдалъ, и сказалъ ему: «для чего ты допустилъ сатанѣ вложить въ сердце твое мысль солгать Духу Святому? *Чтмъ ты владѣлъ не твое ли было, и пріобрѣтенное продажею не въ твоей-ли власти находилось*»? (Дѣян. 5, 3—4). Христіанство, восхваляя добровольную отдачу имѣнія, признаетъ, что *человѣкъ имѣетъ право собственности.* И нигдѣ, ни въ евангеліи, ни въ посланіяхъ апостоловъ, нѣтъ указанія, чтобы христіане обязательно и насильно отказывались отъ своей собственности и отдавали ее другимъ. Всѣ христіане и имѣли и признавали собственность, и если ее раздавали, то добровольно, по любви къ Богу и людямъ, по влеченію своего сердца, а не по приказу и принужденію.

[1]) Чтобы соціалисты не говорили, будто мы клевещемъ на нихъ, пусть знаютъ читатели, что это слова ихъ учителей Лассаля, Бебеля, Маркса и друг. Большая часть ихъ происходитъ изъ евреевъ.

А соціализмъ учитъ, что никто не смѣетъ имѣть собственности и что у богатыхъ ихъ имѣнія нужно отнять *насильно*. Христіанинъ добровольно отдаетъ свое, а соціалистъ насильно беретъ чужое. Христіанинъ говоритъ своему брату ближнему: по любви моей къ тебѣ пусть все мое будетъ и твоимъ; соціалистъ же по зависти и ненависти къ богатому говоритъ: все твое будетъ моимъ. Христіанинъ исполняетъ слово Христово: *лучше отдавать, чѣмъ принимать* (Дѣян. 21, 35); соціалистъ же, совершенно наоборотъ, только и думаетъ о томъ, чтобы именно принять чужое, завладѣть имъ.

Для христіанина бѣдность еще не зло, а богатство — не добродѣтель. А для соціалиста богатство есть тотъ идолъ, которому онъ покланяется, то благо, ради котораго онъ готовъ лишить жизни ближняго... Страшно подумать, сколько погибло русскихъ людей отъ рукъ соціалистовъ.

Христіанство учитъ, что если бы люди и все имѣніе роздали и подѣлили, все-таки на землѣ всегда останется неравенство. Даже и на небѣ, въ вѣчной жизни, будетъ не все одинаково: «иная слава солнцу, иная лунѣ, иная звѣздамъ, и звѣзда отъ звѣзды разнится во славѣ. Такъ и при воскресеніи мертвыхъ» (I Кор. 15, 41—42). Но на небѣ будетъ каждому указана степень блаженства по всей справедливости праведнымъ судомъ Божіимъ, смотря по заслугамъ каждаго человѣка, а на землѣ, гдѣ живутъ и дѣйствуютъ грѣшные люди, никогда не можетъ быть полной во всемъ справедливости и равномѣрности въ распредѣленіи всѣхъ благъ земныхъ. Нельзя, напримѣръ, на деньги купить, ни поровну подѣлить — молодости, здоровья, способностей, ума, семейнаго счастія и проч. Какъ поровняешь умнаго съ глупымъ, способнаго съ неспособнымъ, лѣнтяя съ трудолюбцемъ, пьяницу съ трезвенникомъ, честнаго съ безчестнымъ?

А соціализмъ всѣ надежды полагаетъ на насиліе и принужденіе.

Христіанство учитъ, что насиліемъ нельзя строить счастливой жизни. А соціализмъ обѣщаетъ, что изъ насилія и принужденія выйдетъ любовь и общее счастье.

Христіанство учитъ, что можно и должно любить свой народъ, свою родину, служить отечеству и жертвовать для него во имя любви всѣмъ, даже и жизнью своею.

А соціализмъ отвергаетъ всякое отечество. Онъ зоветъ бѣдняковъ всѣхъ странъ соединиться и идти борьбою и войною противъ богачей всѣхъ странъ.

Христіанство учитъ, что предъ Богомъ драгоцѣнна каждая отдѣльная душа человѣческая (Мѳ. 18, 10, 14)

А соціализмъ говоритъ, что каждый отдѣльный человѣкъ—ничто, достаточно ему, если онъ будетъ пользоваться равной долей указаннаго ему труда и указанной части пищи, одежды, жилища и проч. При такомъ условіи ясно, что нѣтъ у человѣка и свободы; какъ рабочая сила, онъ

будетъ приставленъ къ своему дѣлу и обратится въ машину; его свобода обратится въ неволю, въ рабство; такъ свободны лошади на конскомъ заводѣ.

Соціализмъ отвергаетъ Бога, христіанство, душу человѣка, безсмертіе и загробную жизнь, отвергаетъ отечество, собственность, личность и духовную свободу. Что же онъ обѣщаетъ человѣку? Равную долю всѣмъ на землѣ въ пищѣ, питьѣ, одеждѣ и въ другихъ земныхъ потребностяхъ.

Счастье соціалистовъ годно только для животныхъ, но не для людей.

Подѣлить все поровну невозможно. Но если бы это и удалось: вѣдь богачи все это въ избытѣ имѣютъ, но среди нихъ не меньше несчастныхъ, какъ и среди бѣдняковъ.

Останутся болѣзни и смерть; останутся дурныя и злыя страсти у людей. И при богатствѣ, и при сытости люди отравляютъ другъ другу жизнь измѣнами, грубостью, побоями, завистью, клеветою. (Прот. І. Восторговъ. «Можно-ли христ. быть соціалист.», стр. 8—27).

Образцы противосоціалистическихъ листковъ.

Успѣхъ распространенія въ Англіи соціалистическихъ идей слѣдуетъ въ значительной степени приписать изданію соціалистическими партіями въ большомъ количествѣ книгъ, брошюръ и особенно листковъ. Для борьбы съ этими изданіями противо-соціалистическіе союзы—издали много брошюръ и листковъ.

Вотъ одинъ изъ нихъ:

Почему вы должны избѣгать соціализма?

Потому что онъ влечетъ за собою утрату свободы,—соціалисты хотѣли бы сдѣлать каждаго человѣка рабомъ соціалистическаго божества—государства. Всѣ люди обратились бы въ машины, предназначенныя для государства. Государство назначало бы мѣсто, время и родъ ихъ работы, и плоды этой работы обращало бы въ свою пользу.

Потому что соціализмъ отнялъ бы у всѣхъ и каждаго домъ и все его достояніе. При господствѣ соціализма никто не долженъ ничего признавать своимъ—все должно принадлежать государству.

Потому что соціализмъ упразднилъ бы задѣльную плату и отобралъ бы отъ васъ каждый заработанный вами грошъ. Какъ бы вы ни трудились, какъ бы ни старались лучше работать, вамъ не позволили бы сберечь свой заработокъ.

Потому что соціализмъ разрушилъ бы семейную жизнь и уничтожилъ бы домашній очагъ.

Потому что соціализмъ замѣнилъ бы уютную семейную обстановку огромными бараками, въ которыхъ вы были бы принуждены жить въ обществѣ, избранномъ для васъ государствомъ, и получать пищу, качество и количество которой зависѣло бы отъ государства. Если бы вамъ не достало пива, чаю, табаку, то вамъ ничего не прибавили бы, такъ

какъ вы не должны получить болѣе вашего сосѣда, хотя бы вы того вполнѣ заслужили.

Потому что соціализмъ далъ бы каждому одинаковое вознагражденіе за его трудъ. Но что могло бы побудить человѣка къ усовершенствованію своего труда—какъ бы онъ ни трудился, онъ ничего не пріобрѣлъ бы. Его трудъ ничего не принесъ бы ему; весь избытокъ пріобщался бы къ общему достоянію на пользу менѣе его потрудившихся. Каждый, поэтому, сталъ бы трудиться по возможности менѣе.

Потому что соціализмъ убилъ бы всякую предпріимчивость и остановилъ бы всякій прогрессъ, личный и національный. При соціализмѣ никто не могъ выдѣляться своими способностями. При настоящихъ условіяхъ, какъ низко не стоялъ бы человѣкъ, онъ всегда можетъ подняться, его будущность зависитъ отъ него. При господствѣ соціализма настоящее, прошлое и будущее человѣка принадлежатъ не ему, а государству.

Потому что соціализмъ непригоденъ для человѣка и не можетъ быть примѣняемъ къ существамъ, имѣющимъ разумъ и любовь къ свободѣ.

Потому что соціализмъ имѣетъ цѣлью обратить націю въ большой рабочій домъ.

Ваше дитя—дитя всѣхъ.

Ваша семья не ваша собственная.

Вилльямсъ Моррисъ и Бельфортъ Баксъ, соціалистическіе писатели утверждаютъ:

«...Собственныхъ дѣтей болѣе не будетъ, и всякій ребенокъ, рождающійся въ міръ, является полноправнымъ гражданиномъ...».

Г-жа Сноуденъ утверждаетъ:

«...Дѣти будутъ болѣе принадлежать государству, чѣмъ родителямъ...»

Родители!

Готовы-ли вы отдать государству своихъ дѣтей?

Готовы ли вы отказаться отъ вашей жены, вашихъ дѣтей и вашего дома?

Въ приложеніи къ книгѣ Миллара. «О неправдѣ и опасности соціализма». Лондонъ, 1907 года, помѣщена статья Оберона Герберта (Auberon Herbert) подъ заглавіемъ: «Почему соціалистическое государство невозможно».

Потому что оно должно было бы указать мужчинамъ и женщинамъ къ чему они могли бы приложить свои силы, опредѣляя родъ ихъ занятій и количество вознагражденія.

Потому что оно воспретило бы человѣку работать какъ бы онъ хотѣлъ, и пользоваться своими способностями сообразно съ собственною выгодою; и, такъ какъ оно было бы хозяиномъ всѣхъ родовъ производства и распорядителемъ всеобщаго благосостоянія, то оно могло бы заставлять людей соглашаться на его условія, или умирать съ голоду.

Потому что, строго и послѣдовательно примѣняемое, оно обратило бы всякую куплю и продажу въ государственное преступленіе; никому не

было бы дозволено работать за другого, или пользоваться наемнымъ трудомъ; частная собственность была бы отмѣнена или оставлена въ самыхъ незначительныхъ размѣрахъ. Оно было бы вынуждено бороться съ самыми естественными инстинктами людей путемъ шпіонства, гоненій и строгихъ наказаній.

Потому что состояло бы изъ многолюднаго класса чиновниковъ, превосходящаго числомъ и властью что либо, доселѣ существовавшее, при чемъ на трудящихся была бы возложена тягота содержанія этого совершенно безполезнаго количества привиллегированныхъ лицъ.

Потому что оно примѣняло бы общія нормы ко всѣмъ лицамъ, хорошимъ, дурнымъ и безразличнымъ, и было бы вслѣдствіе этого, поставлено въ необходимость распространять на добрыхъ гражданъ ограниченія, признанныя неизбѣжными для дурныхъ.

Потому что въ виду крайнихъ затрудненій по пропитанію, снабженію одеждою и по распредѣленію занятій многихъ милліоновъ людей— огромная, сложная машина, неоходимая для этихъ цѣлей, постоянно ломалась бы, причиняя людямъ великія страданія.

Потому что съ перенесеніемъ всѣхъ заботъ и отвѣтственности съ отдѣльныхъ лицъ на государство, и домашняя и семейная жизнь должны прекратиться, и государство, въ собственныхъ интересахъ, будетъ вынуждено регулировать браки и рожденіе дѣтей.

Оно учитъ людей отрекаться отъ свободы и самостоятельности, порабощать себя другъ другу подъ девизомъ государства; оно должно упрочить начало всеобщаго принужденія, распространяя его до мельчайшихъ подробностей жизни. (В. К. Саблеръ. «О мирн. борьб. съ соц.», стр. 589—605).

Глава XIII.

Какова должна быть дѣятельность духовенства по отношенію къ Гос. Думѣ.

Епископъ Андроникъ Тихвинскій.

Какова должна быть дѣятельность духовенства въ общественной жизни. Соотвѣтственно тому, что нашъ русскій царизмъ по существу есть наша теократія; въ лицѣ призванныхъ изъ-за моря только лишь для управленія князей, въ крещеной Руси онъ постепенно обратился во власть Царя надъ народомъ, ему ввѣрившимся, что и есть законное—правовое основаніе власти, а начало внутреннее, есть начало нравственное, начало совѣсти, которымъ Царь и руководится въ своемъ не столько господствованіи надъ достояніемъ, ему отъ Бога даннымъ, сколько проходя сіе высокое и отвѣтственное служеніе передъ Богомъ и всѣми людьми. Этимъ же высокимъ нравственнымъ началомъ руководятся и всѣ русскіе вѣрные подданные своего Царя, повинуяся ему не только за страхъ, но и за совѣсть, по Апостолу. Въ томъ и высота, и сила, и красота нашего царизма, что въ немъ черезъ Царя Самъ Богъ вѣруется правящимъ нами. А что можетъ быть выше, вѣрнѣе и прочнѣе этого вѣчнаго, незыблемаго основанія жизни? Всякія иныя основанія, закона, права и обязанности власти и управленія во первыхъ временны и условны и слѣдовательно уже по этому самому непрочны, во вторыхъ всегда обходимы при достаточной изворотливости и находчивости человѣческой на зло. А Бога, а совѣсть свою не обойдетъ человѣкъ. Правда, это имѣетъ значеніе лишь для вѣрующаго человѣка. Но невѣрующій, не признающій совѣсти и суда Божія, тѣмъ болѣе обойдетъ совершенно условный внѣшній законъ, какъ и обходятъ. И теперь законъ нарушаютъ люди, или вовсе не вѣрующіе, или съ слабымъ религіознымъ сознаніемъ, съ слабымъ чутьемъ суда Божія и въ себѣ и послѣ смерти. Поэтому усиливать эту религіозную основу нужно въ нашемъ сознаніи и

въ жизнь проводить, а не ослаблять силу царизма, замѣняя его именное такими формами правленія, которыя не обезпечиваютъ внутренней силы закона. Съ этой стороны нужно смотрѣть и на все то, что породило такъ называемое освободительное у насъ движеніе.

Всѣ либеральныя партіи стараются замѣнить начало нравственное въ управленіи и бытѣ народномъ внѣшнимъ закономъ, правомъ; даже больше того: на самую религію, на христіанство они смотрятъ или прямо отрицательно, какъ соціалисты и революціонеры, или какъ на терпимое зло—суевѣріе, котораго пока еще держится народъ, а не какъ на дѣло первѣйшей и самоцѣнной важности. Поэтому можетъ ли быть какое либо общеніе у духовенства, какъ служителей Церкви, съ носителями освободительнаго движенія, въ основѣ противо-религіознаго? Всячески нужно оберегать народъ отъ этихъ партій до октябристовъ включительно, охранять его часто отъ скрытнаго, но зловреднаго яда, вести съ ними открытую и серьезную борьбу,—чтобы явлены были всѣмъ ихъ истинныя стремленія.

Для вѣры, больше благотворнаго воздѣйствія мы имѣемъ получить отъ строго-монархическаго правленія, чѣмъ отъ конституціоннаго. И это не потому, чтобы вѣра могла существовать только при поддержкѣ отъ царской власти; греки мусульманской Турціи лучше содержатъ вѣру, чѣмъ греки конституціоннаго королевства. Дѣло въ томъ, что при монархизмѣ все ввѣряется власти, почему духовная энергія можетъ быть свободно направлена на благочестіе; а при парламентизмѣ все забрасывается, лишь бы восторжествовала партія и пробралась ко власти. Это прекрасно поняли мы еще издавна въ исторіи. Въ самомъ началѣ нашей государственности мы представляли изъ себя республику, и однако сами рѣшили, что это намъ не подходитъ,—дѣломъ заниматься люди не будутъ, а только будутъ спорить да драться за господство и за выгоды, и порядка общаго не будетъ, какъ и не было. Поэтому сами рѣшили, что нуженъ князь, какъ глава всего разбросаннаго и богатаго народа, и ему-то ввѣрили всю власть надъ народомъ. А народъ оставался постояннымъ пособникомъ у князя въ дѣлѣ управленія, выдѣливши изъ себя къ нему дружину, а потомъ и служилыхъ и боярскихъ людей. И были князь и народъ, какъ нераздѣльное цѣлое. По мѣрѣ того, какъ разростался народъ, росла и увеличивалась и власть князя, и наконецъ онъ явился въ народѣ какъ Царь Самодержавный. Самъ народъ помогъ великому князю сдѣлаться единымъ надъ всей страной, понимая, что во многовластіи для великаго и размножившагося народа не будетъ порядка. Но вотъ и Царя, народомъ созданнаго, вынесеннаго и взлелѣяннаго, мы потеряли. Установлялась у насъ то опять республика, то конституція. И опять горькимъ опытомъ научившись, народъ еще больше возлюбилъ царское самодержавіе. И весь народъ, какъ одинъ человѣкъ, не послушавшись обѣщанія

льстецовъ, пробиравшихся къ власти, не убоявшись и внѣшнихъ враговъ, обложившихъ уже столицу—Москву бѣлокаменную, собрался и снова постановилъ надъ собою Царя Самодержавнаго, Ему ввѣривши опять власть надъ собой, а самъ лишь помогая и содѣйствуя общимъ совѣтомъ и дѣломъ молодому Царю устроить порядокъ въ землѣ. Стоя выше временныхъ или случайныхъ теченій и увлеченій, а равно съ высоты царскаго престола созерцая положеніе своей страны и сосѣднихъ народовъ, Царь, выслушавши голосъ земли, рѣшалъ такъ, какъ Онъ находилъ то лучше, отвѣчая за царство и передъ Богомъ и передъ народомъ въ исторіи. Это самая лучшая въ свѣтѣ система управленія и самая прочная, какъ основанная на нравственномъ, жизненномъ и потому самомъ прочномъ союзѣ между Царемъ и Его народомъ. Но... два вѣка тому назадъ положенъ былъ конецъ этой нашей священной бытовой конституціи, чуждой всякой партійности, а съ нею и лжи неизбѣжной и неправдѣ. Увлекшись сильной централизаціей власти западнаго абсолютизма, Петръ I перенесъ это и къ намъ, насадивши у насъ и всѣ западные порядки въ управленіи, совершенно намъ несвойственные, какъ имѣвшіе подъ собою начало разобщенности между властію и народомъ, ею порабощеннымъ или завоеваннымъ, и во всякомъ случаѣ чуждою народу, чего у насъ не было, ибо власть мы сами создали и поставили надъ собою. Плодомъ сего, насильственно введеннаго въ нашу русскую жизнь, абсолютизма власти, было то, что на манеръ запада и у насъ оказалось разобщеніе. И остались Царь русскій самъ по себѣ и народъ русскій самъ по себѣ, а между ними централизовавшая около себя весь порядокъ народнаго управленія, правящая власть. Но и при всемъ этомъ Царь и народъ всетаки оставались хотя и въ скрытомъ, но самомъ задушевномъ и потому прочнѣйшемъ союзѣ. Дерзая проникнуть за таинственную завѣсу, скрывающую отъ насъ сокровенныя сердечныя думы и болѣзни Государя нашего Царя, надѣемся—не ошибемся, если скажемъ, что вся Его забота сводится къ тому, чтобы возстановить тотъ древній союзъ Свой съ народомъ, который нами такъ круто былъ порванъ два вѣка тому назадъ, чтобы Царское Самодержавіе Его было дѣйствительно какъ встарь—сильнымъ и не обходимымъ никакими происками, чтобы дѣйствительно Самъ Царь самодержавно правилъ Своимъ народомъ черезъ поставленное отъ Него правительство, а не оно отъ Его имени управляло народомъ. Но бѣда наша въ томъ, что и правящіе классы, и высшіе классы народа, по духу совершенно ушедшіе отъ него, совершенно утратили самое пониманіе этого нашего историческаго народнаго Царскаго самодержавія, и потому все теперь норовятъ перевести на проторенныя уже Западомъ дорожки и изношенныя одежки такъ называемой конституціи, стараясь еще болѣе забрать власть въ свои партійныя руки и еще болѣе такимъ образомъ разобщить Царя съ народомъ, чтобы потомъ и вовсе устранить Его какъ

излишняго при системѣ партійнаго большинства и все перевести насильственно надъ народными чувствами на республику.

Весьма много значитъ то, что строго монархическій строй всѣмъ и каждому обезпечиваетъ уравненное во всѣхъ отношеніяхъ положеніе въ государствѣ, всякому подданному безъ различія національностей, вѣрованій и положенія остается одно—исполнять обязательный для всѣхъ законъ, а остальное все обезпечено. Не то въ конституціонныхъ странахъ; здѣсь главная энергія идетъ у всѣхъ и каждаго на партійную борьбу. Забывается все—вѣра, отечество, семья, дѣло,—лишь бы восторжествовала партія, къ которой кто принадлежитъ. Вся партійная и выборная агитація—это сплошной угаръ, которому люди предаются всецѣло, забывая все прочее. Какая партія проберется въ большинство, та и управляетъ всѣмъ крича, что они только и есть голосъ народа. Но кто-же можетъ въ это вѣрить, какъ въ догму правовой конституціи, когда у насъ выдавали себя за народъ сначала революціонеры открытые, а потомъ и они и революціонеры скрытые—кадеты. Провозглашаемаго равенства и правды для всѣхъ въ странѣ тоже быть не можетъ при конституціи; благополучіе будетъ только тѣмъ, кто принадлежитъ къ господствующей въ управленіи партіи, а всѣ. остальные—лишь терпимы, а м. б. и гонимы (Газ. «Колоколъ» №№ 480, 481 и 483).

Епископъ Меѳодій Забайкальскій.

Патріотическая дѣятельность духовенства разсматривается какъ дѣятельность партійная, дѣятельность, которая якобы приводитъ церковь и духовенство къ тѣмъ-же печальнымъ послѣдствіямъ, къ какимъ пришла церковь во Франціи. Депутатъ Государственной Думы священникъ Титовъ, въ одной изъ своихъ рѣчей, сказалъ, что духовенство въ Россіи сейчасъ занимаетъ такое-же положеніе, какое занимало духовенство во Франціи при Наполеонѣ III; слѣдовательно, Русской церкви будетъ грозить такая же опасность, какая сейчасъ постигла церковь во Франціи. Но о. Титову слѣдовало-бы лучше вспомнить не время Наполеона III, а времена первой французской революціи, гдѣ большинство духовенства, масса низшаго духовенства, стояла на сторонѣ революціи и содѣйствовала ей въ ниспроверженіи стараго порядка. Почему-же нынѣшняя французская республика не хочетъ вспомнить этой заслуги себѣ духовенства? Въ Бельгіи, гдѣ монархическое правленіе, церковь точно также отдѣлена отъ государства, однако, она не терпитъ какого-либо особаго стѣсненія, какъ во Франціи. Слѣдовательно, во Франціи есть какая-то другая причина ненависти къ церкви и духовенству, чѣмъ та, какую хочется указать о. Титову. Въ монархіи съ самодержавнымъ монархомъ духовенство будетъ стоять за самодержавіе, пока самодержавіе не уступитъ мѣста конституціи; въ конституціонной монархіи духовенство будетъ стоять за

конституціонную монархію, пока конституція не падетъ предъ республиканскимъ режимомъ; въ республикѣ духовенство будетъ стоять за республику, пока она не рушится предъ анархіей. И вездѣ духовенство будетъ ненавистно, потому что оно вездѣ будетъ стоять за власть и бороться противъ анархіи; всегда будутъ трактовать духовенство какъ темную силу, которая душитъ свободу, потому что духовенство всегда будетъ стоять за нравственную свободу и бороться противъ безнравственной разнузданности свободы.

Патріотическая дѣятельность духовенства вовсе не партійная дѣятельность. Духовенство, по самому своему званію, должно возвѣщать не только въ частныхъ бесѣдахъ, общественныхъ рѣчахъ и чтеніяхъ, но и съ церковной каѳедры, что русская земля есть святая Православная Русь, въ которой вся общественная и государственная жизнь освящается молитвой и благословеніемъ церкви. Православная вѣра есть краеугольный камень русской государственности и на этомъ камнѣ мы хотимъ созидать жизнь *обновленной Россіи* (Слова Всемилостивѣйшаго Государя при открытіи первой Думы), хотимъ созидать Русскую государственную жизнь съ вѣрою въ Бога, созидать по русски, а не по французски.

Духовенство—плоть отъ плоти и кость отъ костей Русскаго народа; никто изъ интеллигенціи не стоитъ такъ близко къ народу, какъ духовенство, и никто не знаетъ такъ хорошо нуждъ его, какъ духовенство; и народъ никому такъ не вѣритъ, какъ духовенству. Духовенство поэтому нравственно обязано мужественно стать на защиту интересовъ родного народа, простого русскаго мужика, который не имѣетъ ни времени, ни охоты заниматься политикой; нравственно обязано возвысить голосъ, что расширеніе правъ инородчества не должно простираться до обезличенія господствующей націи, которая должна всѣхъ и все объединять и оживотворять своимъ національнымъ культурнымъ и религіознымъ духомъ; расширеніе правъ еврея и чуждыхъ національностей не должно простираться до ослабленія политической мощи Русской Націи. Ослабленіе мощи господствующей націи въ угоду чуждому, даже враждебному, инородчеству поколеблетъ самую цѣлость русскаго государства, занимающаго исключительное политическое положеніе среди народовъ Востока и Запада. Наконецъ духовенство должно рѣшительно стать на сторону Самодержавной Царской Власти. Царская власть есть необоримая защита нашей матери Православной Церкви и нашего родного Русскаго народа. Русское государство до тѣхъ поръ будетъ оставаться православнымъ и русскимъ государствомъ по своей христіанской и національной природѣ, пока пребудетъ непоколеблена твердыня Царской власти.

Патріотическая дѣятельность духовенства должна быть дѣятельностью принципіальною. Духовенству нѣтъ надобности составлять для себя особыя политическія программы: это дѣло политическихъ патріотическихъ

организацій. Духовенство должно провозглашать и внѣдрять въ жизнь общіе патріотическіе принципы, которые, какъ сказано выше, въ конкретной формѣ могутъ быть выражены такъ: «Русское государство должно быть православной, русской, самодержавной монархіей». Ограничивая свою патріотическую дѣятельность принципіальной стороной ея, духовенство не будетъ поставлено въ необходимость впасть въ партійность, чего ужъ такъ иные боятся, и получитъ полную возможность дѣйствовать въ духѣ мирной любви.

Нѣсколько словъ о политическихъ патріотическихъ организаціяхъ. Патріотическимъ организаціямъ многое ставятъ въ укоръ, и прежде всего партійную тактику. Но вѣдь нужно быть деревомъ или камнемъ, чтобы выносить равнодушно издѣвательства надъ всѣмъ, что дорого русской душѣ. Давно-ли имена *патріотъ*, *русскій* заключали въ ковычки, и старались превратить ихъ въ такую-же бранную презрительную кличку, какъ имя «жидъ». А съ другой стороны, что бы ни говорили, заслуги патріотическихъ организацій родному народу ничѣмъ невозможно изгладить изъ исторіи русской земли. Патріотическія организаціи первыя безбоязненно возвысили свой голосъ и мужественно стали на защиту интересовъ родного народа въ то время, какъ руководящій слой русскаго общества, шедшій за народъ,—только спросить-бы, за какой народъ?—проявилъ прямо враждебное и разрушительное направленіе къ національнымъ интересамъ русскаго народа. («Голосъ Ист.», № 2, 1012 г.).

Пастырь церкви, — говоритъ прот. І. Восторговъ, — призванный для молитвы и слова церковнаго учительства, конечно, не можетъ и не долженъ выступать какъ членъ, служитель и радѣтель опредѣленной той или другой политической партіи: иначе слово его будетъ мало авторитетно и дѣйственно; оно можетъ быть естественно, заподозрѣно и обвинено въ партійной окраскѣ, въ вольномъ ли невольномъ пристрастіи. Пастырь есть служитель и радѣтель иного великаго и вѣковѣчнаго союза—Церкви Христовой, сей скиніи истинной, юже водрузи Богъ, а не человѣкъ (Евр. VIII, 2). Онъ—провозвѣстникъ *царства Божія* на землѣ, по завѣту Пастыреначальника, Который съ перваго же дня служенія Своего человѣчеству «началъ проповѣдывать и говорить: «покайтеся, приблизилось царствіе небесное» (Матѳ. IV, 17); посему и пастырь Церкви прежде всего и болѣе всего есть слуга и гражданинъ этого именно царства.

Значитъ ли это, однако, что для него уже совсѣмъ не существуетъ царство земное, человѣческое? Значитъ ли это, что всѣ запросы, нужды и явленія текущей человѣческой жизни для него совершенно безразличны, такъ что ни думать, ни говорить о нихъ, ни интересоваться ими для него не нужно, не полезно и даже не позволительно?

Разсуждать такъ, скажемъ прямо,—не значитъ ли лицемѣрить? Не уклоненіе ли это отъ рѣшительнаго, обязывающаго и отвѣтственнаго

слова предъ пасомыми, и при томъ не ради ихъ блага, а ради собственнаго покоя, собственной выгоды и безопасности? И далѣе: не у[illegible]ается ли такимъ разсужденіемъ всякое земное человѣческое царство, ибо вѣдь пасомые такъ же, какъ и пастыри, суть члены и граждане того же царства Божія? А устраняя царство земное, мы не устранимъ ли вмѣстѣ съ тѣмъ и заповѣди Божіи: не убій, не укради, чти отца и матерь и другія, ибо онѣ назначены для жизни земной, а не для той небесной и духовной, гдѣ не женятся, не посягаютъ, не подкопываютъ и не крадутъ?..

И то вѣрно, что люди спасались и спасаться могутъ при самыхъ разнообразныхъ формахъ жизни, при всѣхъ видахъ правленія, и даже внѣ ихъ—въ пустыняхъ, вертепахъ и пропастяхъ земныхъ. Но мы знаемъ, что одушевленные искатели царства Божія часто потому именно и бѣжали въ пустыни, что въ царствѣ земномъ они видѣли такіе порядки, которые исключали всякую возможность служить царству Божію.

Не ясно ли отсюда, что далеко не все равно для пастыря, будутъ ли его пасомые въ государствѣ, гдѣ гонятъ вѣру Христову, или гдѣ ей оказываютъ благоговѣйное почитаніе; не все равно, признается ли для государства обязанность слѣдовать и служить нравственнымъ идеаламъ и запросамъ и нравственно воспитывать гражданъ, или въ немъ преслѣдуется одна и исключительная цѣль—дать гражданамъ только ограду ихъ правъ, безопасность, удобства жизни земной, безотносительно къ нравственности, безъ всякой мысли о духѣ, о вѣрѣ, о небѣ. Ибо правовое, юридическое не всегда совпадаетъ съ нравственнымъ, религіознымъ.

Пояснимъ мысль еще болѣе рѣзкимъ сравненіемъ: развѣ безразлично для пастыря, будутъ ли его пасомые членами такого человѣческаго сообщества, которое, по ученію апостола, имѣетъ цѣлью: тихое и безмятежное житіе во всякомъ благочестіи и чистотѣ, въ познаніи истины во Христѣ и усвоеніи плодовъ Его искупленія (1 Тим. II, 2—6),—или же пасомые будутъ членами разбойной шайки, живущей только личнымъ эгоизмомъ и ради него допускающей всѣ виды насилія и обидъ, лишь бы своимъ членамъ доставить жизнь сытую и довольную въ животномъ смыслѣ слова, съ забвеніемъ о высшемъ и вѣчномъ предназначеніи человѣка, о его духовныхъ запросахъ и потребностяхъ? Какое общеніе свѣта и тьмы? Что общаго у Христа съ веліаромъ? Или какое соучастіе вѣрнаго съ невѣрнымъ? (2 Кор. VI, 14).

Отвѣтъ на эти вопросы представляется совершенно яснымъ.

Посему пастырь церкви въ случаяхъ, подобныхъ настоящему, долженъ указать и проповѣдать основное воззрѣніе христіанское на жизнь земную: царство земное, человѣческое существуетъ, мы обязаны заботиться о возможномъ его благоустроеніи, какъ обязаны заботиться о своемъ тѣлѣ и его здоровьи; но царство земное—*не цѣль*, а только *средство*;

оно—средство, орудіе и необходимая среда для проявленія и господства на землѣ царства Божія, царства Христовой истины и благодати—Церкви Божіей. Итакъ, устрояя царство человѣческое, давайте ему такія формы жизни, такое устройство государственное, чтобы ими успѣшно подавлялось все злое, облегчалось, возвеличивалось и развивалось все доброе, нравственное, все благодатное, христіанское: пусть человѣкъ, съ царствомъ Божіимъ, начинающимся на землѣ и уходящимъ въ безконечность къ вѣчному союзу всѣхъ разумныхъ тварей, во главѣ съ Творцомъ, Искупителемъ и Освятителемъ, Богомъ Тріединымъ,—пусть человѣкъ, живя и дѣйствуя въ земномъ временномъ союзѣ, т. е. въ государствѣ, не удаляется, а приближается и восходитъ къ вѣчному блаженному союзу, т. е. къ Церкви небесной, торжествующей. За землею пусть вѣчно видится небо, за временнымъ вѣчное, за человѣческимъ—Божье. Народъ, забывшій о небѣ, недостоинъ и не можетъ жить на землѣ.

Вотъ основныя начала, которыми должны руководиться избиратели и будущіе избранники въ Государственную Думу, въ дѣло совѣта Царю нашему и соучастія съ нимъ въ трудахъ законодательства и благоустроенія царства русскаго.

Сохраните и поддержите *вѣру и церковь православную*: она безошибочно указываетъ, что благо и зло, она зоветъ къ тому, что только истинно и честно, что справедливо и чисто, что любезно, что достославно, что только добродѣтель и похвала (Фил. IV, 8); она утѣшаетъ на землѣ падающаго въ грѣхъ и изнемогающаго: она въ благодати Христовой даетъ человѣку не только познаніе того, что истина и ложь, но и побужденіе къ добру, единственно твердые и дѣйственные, даетъ и самыя силы къ добру, къ мудрости небесной, къ животу и благочестію.

Сохраните и поддержите твердую и сильную *власть земную государственную*, богоучрежденную, чтобы вмѣстѣ съ просторомъ и свободою для каждаго отдѣльнаго человѣка бороться со зломъ, внутри его живущимъ, даны были свобода, просторъ и самая широкая возможность для власти земной поддерживать добро и подавлять зло, внѣ насъ организованное и дѣйствующее насиліемъ. Это долгъ, тяжкій долгъ земной государственной власти; она, по ученію христіанства,—Божій слуга тебѣ во благое; она не напрасно носитъ мечъ; она—отмститель въ наказаніе дѣлающему зло (Римл. XIII, 4).

А во главѣ, и какъ высшее, религіозно-освященное и высшимъ смысломъ осмысленное средоточіе и объединеніе всѣхъ видовъ власти земной, сохраните и утвердите благоговѣйное почитаніе *Царя* нашего, Богомъ вѣнчаннаго и превознесеннаго Помазанника, *свободнаго* въ исполненіи своего великаго царственнаго призванія и стоящаго превыше временныхъ, узкихъ и своекорыстныхъ интересовъ отдѣльныхъ лицъ или партій.

Отверзите намъ врата правды *въ судѣ* (Пс. 117, 19).

Дайте защиту *сирому и убогому* въ христіанскомъ нашемъ царствѣ (Пс. 9, 39), поддержите *бѣднаго* и изнемогающаго (Пс. 81, 3),—любовію и заботою оградите нашего крестьянина и всякаго человѣка рабочаго—трезваго, честнаго, богобоязненнаго.

Въ *распредѣленіи* самыхъ *жертвъ*, необходимыхъ и неизбѣжныхъ въ строеніи государственномъ, да не будетъ, по слову апостола, однимъ облегченіе, а другимъ тяжесть, но да будетъ *равномѣрность* (2 Кор. VIII, 13).

Укажите, какъ *юношѣ* въ чистотѣ содержать путь свой (Пс. 118, 9) и воспитаться въ семьѣ и *школѣ* для служенія дѣлу Божію и дѣлу государеву посреди народа своего родного.

Если кто о своихъ и особенно о домашнихъ не печется, тотъ отрекся отъ вѣры и хуже невѣрнаго (1 Тим. V, 8). Посему *народу русскому*, своему родному, нашему великому и многострадальному народу въ его домѣ, въ его царствѣ дайте славу и честь! Дайте ему подобающее мѣсто: да будетъ онъ въ своемъ царствѣ, по выраженію пророка, *во главу*, а не въ хвостъ! Царство русское, строившееся въ вѣкахъ минувшихъ великими и тяжкими подвигами молитвы, терпѣнія, труда, слезъ, крови и жертвъ, да пребудетъ единымъ и недѣлимымъ, могучимъ внутри и совнѣ, какимъ содѣлали его молитвы безчисленныхъ угодниковъ земли русской, заступниковъ небесныхъ за землю русскую, и труды великихъ князей и царей нашихъ. Пусть пріидетъ къ нему злато земли; пусть приплываютъ къ нему корабли варсійстіи за плодами его земли благословенной и за издѣліями его трудолюбивыхъ и искусныхъ рукъ; пусть ключемъ бьетъ его жизнь трудовая земледѣльческая, промышленная; пусть съ любовію и надеждою издали простираютъ къ нему руки народы слабые и угнетенные, ища защиты у него и покровительства, а внутри его царства пусть благоденствуютъ народы, подъ тѣнью вѣтвей его укрывшіеся; пусть съ почтеніемъ взираютъ на него тайные и явные недруги. Но превыше всего, да будетъ слава и честь христіанскому народу русскому въ его великомъ историческомъ *міровомъ*, какъ бы мессіанскомъ, *призваніи*: нести Крестъ Господень; жизнью и словомъ нести истину Христову народамъ невѣрнымъ, ближнимъ и дальнимъ; высоко держать предъ міромъ Христове Евангеліе; быть хранителемъ и провозвѣстникомъ истины православія; осуществить завѣты царствія Божія: осуществить въ мірѣ новое слово христіанское, слово и дѣло мира, любви, единенія въ сочетаніи временнаго и вѣчнаго, земного и небеснаго, человѣческаго и Божьяго,—святые завѣты Богочеловѣчества!

Въ Окружной грамотѣ народа московскаго въ 1611 году, въ тяжкую пору смуты и нестроенія, старые русскіе люди такъ говорили и писали: *только коренью основаніе крѣпко, то и древо неподвижно; только коренья не будетъ, къ чему прилѣпиться?*

Сохраните же, сохраните древу нашей народной и государственной жизни его корни животворные! Въ новомъ устроеніи царства не порывайте связей съ тѣмъ, что было въ прошломъ, въ корняхъ его, истинно христіанскаго и церковнаго, истинно государственнаго и истинно народнаго. (Прот. І. Восторговъ. «Кто долж. быть, въ Гос. Думѣ», стр. 4—10).

Статьи закона и разъясненія къ нимъ Правительствующаго Сената и Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, опредѣляющія участіе духовенства въ выборахъ въ Государственную Думу.

Общія положенія.

6. Избраніе членовъ Государственной Думы по губерніямъ и областямъ производится губернскимъ избирательнымъ собраніемъ. Собраніе это образуется, подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя дворянства или лица, его замѣняющаго, изъ выборщиковъ, избираемыхъ въ каждомъ уѣздѣ: 1) съѣздомъ землевладѣльцевъ; 2) первымъ съѣздомъ городскихъ избирателей; 3) вторымъ съѣздомъ городскихъ избирателей; 4) съѣздомъ уполномоченныхъ отъ волостей; 5) съѣздомъ уполномоченныхъ отъ казачьихъ станицъ въ губерніяхъ, гдѣ таковыя имѣются. Сверхъ того, въ губерніяхъ, указанныхъ въ росписаніи, въ избраніи членовъ Государственной Думы, въ составѣ губернскаго избирательнаго собранія, участвуютъ выборщики, избираемые губернскими съѣздами уполномоченныхъ отъ рабочихъ въ предпріятіяхъ фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности.

Духовенство по своему личному цензу имѣетъ право участвовать въ первыхъ трехъ съѣздахъ: 1) въ съѣздѣ землевладѣльцевъ, 2) въ первомъ съѣздѣ городскихъ избирателей и 3) во второмъ съѣздѣ городскихъ избирателей. Но цензу же, предоставленному ему церковной или причтовой землей, участіе въ выборахъ принимаютъ только настоятели (или ихъ замѣстители) церквей и молитвенныхъ домовъ, осуществляя свои права первоначально въ предварительныхъ съѣздахъ, на которыхъ они избираютъ уполномоченныхъ, и потомъ, въ качествѣ уполномоченныхъ, въ съѣздѣ землевладѣльцевъ.

Духовенство Виленской и Ковенской, а также Сѣдлецкой и Люблинской губерній—на особомъ положеніи (см. ниже ст. 203, 370 и др.).

Лица моложе двадцати пяти лѣтъ въ выборахъ не участвуютъ (ст. 9).

Монашествующіе, удовлетворяющіе одному изъ установленныхъ въ законѣ цензовъ, имѣютъ право участія въ выборахъ въ Государственную Думу на общемъ основаніи (Указъ Сената 1907 г., № 421).

Лица, подвергавшіяся взысканіямъ въ административномъ порядкѣ, не лишены права участія въ выборахъ въ Государственную Думу (Указъ Сената 1908 г., № 707).

12. Никто не можетъ имѣть на выборахъ болѣе одного голоса. Каждый избиратель можетъ осуществлять свое право на участіе въ выборахъ лишь въ одномъ съѣздѣ (ст. 27) или разрядѣ (ст. 42) избирателей. Лица, владѣющія избирательными цензами въ предѣлахъ двухъ или болѣе уѣздовъ, осуществляютъ свое право на участіе въ выборахъ въ съѣздѣ или разрядѣ, ими избранномъ.

5) Настоятель или діаконъ, принявшіе участіе въ выборахъ по церковной или причтовой землѣ, не могутъ имѣть участія по личному цензу ни въ съѣздѣ землевладѣльцевъ, ни въ городскихъ съѣздахъ; но въ томъ случаѣ, когда, вмѣсто настоятеля церкви, на предварительномъ съѣздѣ участвовалъ, по его уполномочію, въ качествѣ представителя церковной или причтовой земли, второй священникъ или діаконъ—настоятель церкви не лишенъ права по лично принадлежащему ему цензу принять участіе въ съѣздѣ землевладѣльцевъ или городскихъ избирателей, по принадлежности.

28. Въ съѣздѣ землевладѣльцевъ участвуютъ: 1) лица, владѣющія не менѣе одного года въ уѣздѣ на правѣ собственности или пожизненнаго владѣнія обложенною сборомъ на земскія повинности землею въ количествѣ, опредѣленномъ для каждаго уѣзда въ особомъ росписаніи; 2) лица, владѣющія въ уѣздѣ на поссессіонномъ правѣ горнозаводскими дачами въ количествѣ, указанномъ въ томъ же росписаніи; 3) лица, владѣющія не менѣе одного года въ уѣздѣ на правѣ собственности или пожизненнаго владѣнія инымъ, кромѣ земли, недвижимымъ, не составляющимъ торгово-промышленнаго заведенія, имуществомъ, стоимостью по земской оцѣнкѣ не ниже пятнадцати тысячъ рублей; 4) уполномоченные отъ лицъ, владѣющихъ въ уѣздѣ землею (п. 1) или инымъ недвижимымъ имуществомъ (п. 3), если количество такой земли либо стоимость такого имущества не достигаютъ размѣровъ, дающихъ право непосредственнаго участія въ съѣздѣ землевладѣльцевъ, и 5) уполномоченные отъ настоятелей церквей и молитвенныхъ домовъ всѣхъ вѣроисповѣданій, если церковь или причтъ либо молитвенный домъ владѣютъ въ уѣздѣ землею.

Подъ понятіе «иныхъ, кромѣ земли, недвижимыхъ имуществъ» подходятъ всѣ сельско-хозяйственныя предпріятія въ широкомъ смыслѣ этого понятія, если они не ограничиваются обычной эксплоатаціей земель на общемъ сельско-хозяйственномъ основаніи, а носятъ спеціальный технической характеръ, какъ-то: конскіе заводы, фермы и т. п. Къ категоріи этихъ предпріятій всецѣло относятся и высокія сельско-хозяйственныя культуры, а въ томъ числѣ фруктовые сады и виноградники. Въ виду сего, при опредѣленіи ценза въ зависимости отъ владѣнія садами, виноградниками и т. п. должна быть принята во вниманіе не площадь пространства, ими занимаемаго, согласно п. 1 ст. 25 (нынѣ п. 1 ст. 28) Пол. о выб., а стоимость этихъ садовыхъ культуръ, на основаніи п. 3 той же статьи (Указъ Сената 1906 г., № 44).

Настоятелямъ церквей и молитвенныхъ домовъ право участія въ предварительныхъ съѣздахъ мелкихъ землевладѣльцевъ предоставлено только въ томъ случаѣ, если церкви или дома эти владѣютъ въ *уѣздѣ* землею.

Настоятели церквей и молитвенныхъ домовъ по церковной или причтовой землѣ участвуютъ въ предварительныхъ съѣздахъ, независимо отъ размѣра земли, принадлежащей церкви или молитвенному дому, продолжительности срока владѣнія этою землею и срока службы настоятеля въ данномъ приходѣ.

По смыслу избирательнаго закона, участіе въ выборахъ въ Государственную Думу не составляетъ личнаго права настоятелей церквей, а лишь осуществляется ими, какъ старшими представителями причта церкви-который владѣетъ въ уѣздѣ землею. При невозможности настоятеля церкви, по болѣзни или инымъ законнымъ основаніямъ, лично принять участіе въ выборахъ въ Государственную Думу, вмѣсто него могутъ участвовать въ предварительномъ съѣздѣ землевладѣльцевъ, въ качествѣ законныхъ замѣстителей настоятелей, другой священникъ, а если такового замѣстителя не имѣется—діаконъ, по уполномочію настоятели (Указъ Сената 1906 г., № 39).

Псаломщики не могутъ быть замѣстителями настоятелей церквей.

Настоятель церкви не можетъ уполномочить настоятеля другой церкви явиться за себя на предварительный съѣздъ.

Настоятели церквей должны быть вносимы въ избирательные списки по предварительному съѣзду и участвовать въ выборахъ на послѣднемъ, а не на съѣздѣ землевладѣльцевъ, и въ томъ случаѣ, если церковь или причтъ владѣютъ въ уѣздѣ землею въ размѣрѣ не менѣе установленнаго земельнаго ценза (Указъ Сената 1911 г., № 790).

Въ Положеніи о выборахъ не содержится указаній на предоставленіе избирательныхъ правъ монастырямъ. Что же касается п. 6 ст. 25 (нынѣ п. 5 ст. 28) Пол. о выб., то статья эта, обусловливая право участія въ выборахъ лишь священнослужителей, являющихся представителями церквей, обладающихъ установленнымъ имущественнымъ земельнымъ цензомъ въ уѣздахъ, какъ всякій законъ, устанавливающій избирательныя права, распространительному толкованію не подлежитъ. Поэтому священнослужители, являющіеся представителями монастырей, избирательными правами въ Государственную Думу, какъ таковые, не обладаютъ (Указъ Сената 1906 г., № 78).

Монастырямъ вообще не предоставлено права на участіе въ выборахъ въ Государственную Думу; поэтому монастыри въ избирательные списки внесенію подлежать не могутъ, хотя бы и владѣли въ уѣздѣ землею.

Владѣніе имуществами архіерейскихъ домовъ не создаетъ для непосредственныхъ представителей сихъ имуществъ никакихъ правъ на участіе въ выборахъ въ Государственную Думу (Указъ Сената 1907 г., № 310).

29. Съѣздъ землевладѣльцевъ можетъ быть раздѣляемъ, по распоряженію министра Внутреннихъ Дѣлъ, на отдѣленія: 1) по мѣстностямъ уѣзда или по разрядамъ избирателей соотвѣтственно роду владѣемаго ценза и 2) по національностямъ избирателей. Положенное на съѣздъ число выборщиковъ распредѣляется между отдѣленіями: въ первомъ случаѣ соотвѣтственно общей площади земли и оцѣночной стоимости иного недвижимаго имущества, принадлежащихъ лицамъ, имѣющимъ участіе въ каждомъ изъ отдѣленій съѣзда какъ непосредственное, такъ и черезъ уполномоченныхъ, а во второмъ случаѣ—въ соотвѣтствіи съ общей площадью частной земельной собственности въ уѣздѣ, состоящей во владѣніи лицъ каждой національности.

30. Означенные въ пунктахъ 4 и 5 статьи 28 уполномоченные отъ владѣльцевъ недвижимыхъ имуществъ и отъ настоятелей церквей и молитвенныхъ домовъ всѣхъ вѣроисповѣданій избираются на предварительномъ ихъ съѣздѣ. Смотря по мѣстнымъ удобствамъ, или созывается одинъ общій для всего уѣзда съѣздъ, или образуется, по распоряженію министра Внутреннихъ Дѣлъ, нѣсколько съѣздовъ. Отдѣльные предварительные съѣзды могутъ быть образуемы какъ по мѣстностямъ уѣзда, такъ и по разрядамъ избирателей, соотвѣтственно роду и размѣру владѣемыхъ цензовъ. Въ уѣздахъ со смѣшаннымъ населеніемъ предварительные съѣзды могутъ быть раздѣляемы по національностямъ, съ соблюденіемъ порядка, указаннаго въ статьѣ 29.

31. Число уполномоченныхъ, подлежащихъ избранію на предварительномъ съѣздѣ, опредѣляется количествомъ земли, числящейся за лицами, явившимися на съѣздъ, и итогомъ оцѣночной стоимости другого принадлежащаго имъ недвижимаго имущества, полагая по одному уполномоченному на полный избирательный цензъ, установленный для участія въ съѣздѣ землевладѣльцевъ.

1. Число уполномоченныхъ отъ предварительнаго съѣзда опредѣляется по количеству полныхъ цензовъ, которыми располагаютъ лица, прибывшія къ его открытію, и не можетъ быть затѣмъ измѣняемо.

2. Законъ не предусматриваетъ соединенія цензовъ земельнаго съ цензомъ по другому имуществу, а слѣдовательно, при опредѣленіи числа уполномоченныхъ отъ предварительнаго съѣзда, цензы каждаго рода должны слагаться отдѣльно, и число уполномоченныхъ должно быть устанавливаемо путемъ дѣленія суммы ихъ на соотвѣтствующій полный цензъ, отдѣльно по каждому роду имущества.

3. Въ случаѣ участія въ предварительномъ съѣздѣ по церковной или причтовой землѣ настоятеля, временно замѣщающаго вакантную должность другого настоятеля, который по принадлежащей церкви или ея причту землѣ также могъ бы участвовать въ выборахъ, должно быть принимаемо къ учету, при опредѣленіи числа уполномоченныхъ, подлежащихъ избра-

нію, количество земли, числящееся за обѣими церквами и за обоими причтами.

32. Въ первомъ съѣздѣ городскихъ избирателей участвуютъ: 1) лица, владѣющія не менѣе года, въ предѣлахъ городскихъ поселеній уѣзда, на правѣ собственности или пожизненнаго владѣнія, недвижимымъ имуществомъ, стоющимъ по оцѣнкѣ, опредѣленной для взиманія земскаго или городского сбора: въ городахъ губернскихъ, областныхъ или входящихъ въ составъ градоначальствъ, а равно въ тѣхъ, населеніе коихъ превышаетъ двадцать тысячъ душъ,—не менѣе тысячи рублей, а въ остальныхъ городскихъ поселеніяхъ—не менѣе трехсотъ рублей, и 2) лица, не менѣе года владѣющія въ предѣлахъ уѣзда требующимъ выборки промысловаго свидѣтельства торговопромышленнымъ предпріятіемъ: торговымъ—одного изъ первыхъ двухъ разрядовъ, промышленнымъ—одного изъ первыхъ пяти разрядовъ или пароходнымъ, съ котораго уплачивается основного промыслового налога не менѣе пятидесяти рублей въ годъ.

33. Во второмъ съѣздѣ городскихъ избирателей участвуютъ: 1) лица, владѣющія не менѣе года, въ предѣлахъ городскихъ поселеній уѣзда, на правѣ собственности или пожизненнаго владѣнія, недвижимымъ имуществомъ, стоющимъ по оцѣнкѣ, опредѣленной для взиманія земскаго или городского сбора: въ городахъ губернскихъ, областныхъ или входящихъ въ составъ градоначальствъ, а равно въ тѣхъ, населеніе коихъ превышаетъ двадцать тысячъ душъ,—менѣе тысячи рублей, а въ остальныхъ городскихъ поселеніяхъ менѣе трехсотъ рублей; 2) лица, владѣющія въ предѣлахъ уѣзда не менѣе года торгово-промышленнымъ предпріятіемъ, требующимъ выборки промысловаго свидѣтельства, за исключеніемъ тѣхъ, которыя участвуютъ въ первомъ съѣздѣ городскихъ избирателей; 3) лица, уплачивающія въ предѣлахъ уѣзда не менѣе года государственный квартирный налогъ; 4) лица, уплачивающія въ предѣлахъ уѣзда не менѣе года основной промысловый налогъ на личныя промысловыя занятія; 5) лица, не менѣе года занимающія въ предѣлахъ городскихъ поселеній уѣзда на свое имя отдѣльную квартиру, и 6) лица (за исключеніемъ нижнихъ служителей и рабочихъ), не менѣе года проживающія въ предѣлахъ уѣзда и не менѣе года получающія опредѣленное содержаніе или пенсію по службѣ государственной или по службѣ въ земскихъ, городскихъ, либо сословныхъ учрежденіяхъ или на желѣзныхъ дорогахъ.

1. Лица, уплачивающія квартирный налогъ, хотя бы и по такимъ поселеніямъ, которыя къ числу городскихъ не относятся, имѣютъ право на участіе въ выборахъ въ Государственную Думу.

2. Для того, чтобы воспользоваться избирательными правами по п. 3 ст. 31 (нынѣ п. 3 ст. 33) Пол. о выб., недостаточно внести государственный квартирный налогъ за годъ, но необходимо пробыть не менѣе года плательщикомъ этого налога, т. е. лицомъ, занимающимъ квартиру, опла-

чиваемую по закону квартирнымъ налогомъ (Указы Сената 1907 г., №№ 400, 401 и 1911 г., № 791).

3. Для пріобрѣтенія избирательныхъ правъ по платежу квартирнаго налога необходимо не только уплатить таковой налогъ за годъ, предшествовавшій выборамъ, но и оставаться плательщикомъ этого налога по данному уѣзду ко времени выборовъ (Указъ Сената 1906 г., № 157).

Освобожденіе священнослужителей, въ силу ст. 5 пол. о кварт. нал., отъ уплаты квартирнаго налога, будучи особой привилегіей для лицъ духовнаго званія, не можетъ служить основаніемъ къ ограниченію права ихъ пользоваться квартирою къ качествѣ ценза для выборовъ въ Государственную Думу (Указъ Сената 1907 г., № 455).

Подъ именемъ отдѣльной квартиры, занятіе которой даетъ право квартирохозяину на участіе въ выборахъ, надлежитъ разумѣть такое предназначенное для жилья помѣщеніе, обособленный характеръ котораго свидѣтельствуетъ о самостоятельномъ домохозяйственномъ бытѣ жильцовъ. Главнѣйшими внѣшними признаками отдѣльной квартиры являются: отдѣльный ходъ, неимѣніе внутренняго сообщенія съ другими жилыми помѣщеніями и наличность особой кухни или очага для изготовленія пищи. Не пользуются избирательными правами по занимаемымъ квартирамъ: а) лица, сообща, на равныхъ правахъ или на условіяхъ по взаимному между собою соглашенію, занимающія отдѣльную квартиру; б) лица, по бѣдности своей, пользующіяся квартирой безплатно отъ благотворительныхъ обществъ и учрежденій или у частныхъ лицъ; в) комнатные и угловые жильцы (Указъ Сената 1906 г., № 279).

Квартира, состоящая изъ одной только комнаты съ отдѣльнымъ ходомъ и печью, не можетъ быть подведена подъ понятіе квартиры, сообщающей владѣльцу избирательныя права въ Государственную Думу, такъ какъ занятіе такой комнаты не свидѣтельствуетъ о самостоятельномъ хозяйственномъ бытѣ ея владѣльца, являющемся основаніемъ для полученія избирательныхъ правъ по квартирному цензу (Указъ Сената 1907 г., № 460).

Отъѣздъ изъ того города, гдѣ лицо было избрано въ члены Государственной Думы, въ С.-Петербургъ для осуществленія участіемъ въ засѣданіяхъ правъ и обязанностей, возложенныхъ избирателями на избраннаго въ члены Государственной Думы, не можетъ ни въ какомъ случаѣ быть разсматриваемъ, какъ обстоятельство, разрушающее связь члена Государственной Думы съ той мѣстностью, отъ коей онъ избранъ, и препятствующее ему участвовать въ выборахъ въ Государственную Думу слѣдующаго созыва, такъ какъ противоположное толкованіе противорѣчило бы самому существу Учрежденія Государственной Думы, почему и Указъ Правительствующаго Сената 13 декабря 1906 г., какъ разъясняющій права квартиронанимателя лишь на первоначальное его участіе въ

выборахъ въ Государственную Думу, къ настоящему дѣлу примѣненъ быть не можетъ (Указъ Сената 1907 г., № 582).

Оплата квартиры для участія въ выборахъ не обязательна.

Лица, хотя и не состоящія на государственной службѣ, но получающія содержаніе изъ казенныхъ суммъ (напр., учителя церковно-приходскихъ школъ, служащіе по вольному найму въ управленіи акцизнаго округа писцы, конторщики, сидѣльцы винныхъ лавокъ, счетные чиновники Казначейства), подходятъ подъ дѣйствіе п. 6 ст. 31 (нынѣ п. 6 ст. 33) Пол. о выб. и имѣютъ право участія въ городскомъ избирательномъ съѣздѣ (Указъ Сената 1907 г., № 370).

Епископы, получающіе содержаніе по службѣ архіерея и проживающіе болѣе года въ предѣлахъ уѣзда, пользуются избирательными правами на общемъ основаніи (Указъ Сената 1907 г., № 421).

П. 6 ст. 31 (нынѣ п. 6 ст. 33) Пол. о выб., обусловливая избирательное право полученіемъ содержанія или пенсіи по службѣ государственной, общественной, сословной и желѣзнодорожной, не содержитъ указанія на источники этого содержанія или пенсіи. Посему и принимая во вниманіе, что священно- и церковно-служители подходятъ, по условіямъ своей службы, подъ дѣйствіе п. 6 вообще,—нельзя не признать, что они не лишаются избирательныхъ правъ и въ томъ случаѣ, когда получаютъ содержаніе не отъ казны, не отъ общественныхъ, сословныхъ и желѣзнодорожныхъ учрежденій, но изъ другихъ источниковъ, а въ томъ числѣ и отъ прихода (Указы Сената 1306 г., № 46 и 1907 г., № 478).

Лица духовнаго званія, получающія въ качествѣ законоучителей содержаніе по земскимъ и городскимъ учрежденіямъ, имѣютъ участіе въ выборахъ на общемъ основаніи.

Законоучители земскихъ школъ, получающіе содержаніе изъ суммъ земства, и учителя пѣнія въ городскихъ училищахъ, получающіе содержаніе отъ города, подходятъ подъ дѣйствіе п. 6 ст. 31 (нынѣ п. 6 ст. 33) Пол. о выб. (Указъ Сената 1907 г., № 370).

Учителя церковно-приходскихъ школъ, не принадлежащіе къ сельскимъ и волостнымъ обществамъ уѣзда, въ коемъ служатъ, по получаемому содержанію не лишены права участвовать въ выборахъ.

34. Къ городскимъ поселеніямъ причисляются въ отношеніи производства выборовъ въ Государственную Думу тѣ мѣстечки, въ которыхъ имѣется мѣщанское управленіе и взимается государственный налогъ съ городскихъ недвижимыхъ имуществъ (Уст. Прям. Налог., изд. 1903 г., ст. 1 п. 1 б.).

36. Въ Архангельской губерніи, а равно въ губерніяхъ Тобольской и Томской предварительные съѣзды и съѣзды землевладѣльцевъ не образуются. Лица, имѣющія право участія въ съѣздѣ землевладѣльцевъ, причисляются въ каждомъ уѣздѣ названныхъ губерній къ первому съѣзду городскихъ

избирателей, а лица, имѣющія право участія въ предварительныхъ съѣздахъ—къ второму съѣзду городскихъ избирателей. Въ Ставропольской губерніи лица, имѣющія право участія въ первомъ съѣздѣ городскихъ избирателей, образуютъ одинъ общій съѣздъ вмѣстѣ съ лицами, имѣющими участіе въ съѣздѣ землевладѣльцевъ.

42. Въ городахъ—С.-Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Одессѣ и Ригѣ избраніе членовъ Государственной Думы производится отдѣльно двумя разрядами избирателей:

I. Въ выборахъ по первому разряду участвуютъ: 1) лица, владѣющія въ предѣлахъ города, на правѣ собственности или пожизненнаго владѣнія, не менѣе года недвижимымъ имуществомъ, стоющимъ по оцѣнкѣ, опредѣленной для взиманія городского сбора: въ столицахъ—не менѣе трехъ тысячъ рублей, а въ остальныхъ городахъ не менѣе тысячи пятисотъ рублей; 2) лица, владѣющія въ предѣлахъ города не менѣе года требующимъ выборки промысловаго свидѣтельства торгово-промышленнымъ предпріятіемъ: а) въ столицахъ—торговымъ—перваго разряда, промышленнымъ—одного изъ первыхъ трехъ разрядовъ или пароходнымъ, по содержанію котораго уплачивается не менѣе пятисотъ рублей въ годъ основного промысловаго налога.

II. Въ выборахъ по второму разряду участвуютъ: 1) лица, владѣющія въ предѣлахъ города не менѣе года на правѣ собственности или пожизненнаго владѣнія недвижимымъ имуществомъ, оцѣненнымъ для взиманія городского сбора въ суммѣ ниже: въ столицахъ—трехъ тысячъ рублей, а въ остальныхъ городахъ—тысячи пятисотъ рублей; 2) лица, владѣющія въ предѣлахъ города не менѣе года торгово-промышленнымъ предпріятіемъ, требующимъ выборки промысловаго свидѣтельства, за исключеніемъ тѣхъ, которыя даютъ право участія въ выборахъ по первому разряду; 3) лица, уплачивающія въ предѣлахъ города не менѣе года основной промысловый налогъ на личныя промысловыя занятія; 4) лица, уплачивающія въ предѣлахъ города не менѣе года государственный квартирный налогъ; 5) лица, не менѣе года занимающія въ предѣлахъ города на свое имя отдѣльную квартиру, и 6) лица (за исключеніемъ нижнихъ служителей и рабочихъ), не менѣе года проживающія въ предѣлахъ города и не менѣе года получающія опредѣленное содержаніе или пенсію по службѣ государственной или по службѣ въ земскихъ, городскихъ, либо сословныхъ учрежденіяхъ, или на желѣзныхъ дорогахъ.

Объ избирательныхъ спискахъ.

52. Списки лицъ, имѣющихъ право участія въ выборахъ на съѣздахъ землевладѣльцевъ и городскихъ избирателей, составляются и содержатся въ исправности: по предварительному съѣзду и по съѣзду землевладѣльцевъ—Уѣздною Земскою Управою или Управою по дѣламъ земскаго

хозяйства, а въ мѣстностяхъ,—гдѣ такихъ Управъ не имѣется,—Уѣзднымъ Полицейскимъ Управленіемъ, а по первому и второму съѣздамъ городскихъ избирателей—Городскою Управою губернскаго или уѣзднаго города, по принадлежности, или учрежденіемъ, ее замѣняющимъ.

1. По закону составленіе избирательныхъ списковъ по съѣзду землевладѣльцевъ въ мѣстностяхъ, гдѣ введены земскія учрежденія, возложено на Уѣздныя Земскія Управы, которыя, при исполненіи этихъ обязанностей, дѣйствуютъ не въ качествѣ исполнительныхъ органовъ земскихъ собраній, а какъ административныя установленія, и потому дѣйствія ихъ по этого рода дѣламъ, какъ то неоднократно разъяснялось Правительствующимъ Сенатомъ въ однородныхъ случаяхъ (Указъ Правительствующаго Сената 18-го февраля 1899 г., № 2095), не могутъ быть предметомъ руководства со стороны земскихъ собраній, а тѣмъ болѣе Губернскихъ Земскихъ Управъ и ихъ Предсѣдателей, и подлежатъ обжалованію въ особо установленномъ порядкѣ.

2. Списки избирателей по съѣздамъ землевладѣльцевъ и по предвари, тельнымъ съѣздамъ должны составляться отдѣльно.

3. Для каждаго съѣзда городскихъ избирателей необходимо составленіе отдѣльнаго избирательнаго списка.

4. При составленіи списковъ городскихъ избирателей необходимо точно придерживаться размѣровъ имущественнаго ценза, указанныхъ для каждаго городского поселенія, независимо отъ того, будутъ ли подлежать раздѣленію на отдѣленія съѣзды городскихъ избирателей или нѣтъ.

5. Внесенію въ избирательные списки подлежатъ только тѣ лица которыя ко дню окончанія составленія списковъ, а не ко дню производства выборовъ, удовлетворяютъ всѣмъ установленнымъ для пріобрѣтенія избирательныхъ правъ условіямъ; моментомъ же окончанія процесса составленія избирательныхъ списковъ долженъ почитаться не иной срокъ, какъ день распубликованія ихъ.

55. Въ указанныхъ въ статьѣ 42 городахъ списки лицъ, имѣющихъ право участія въ выборахъ, составляются по каждому изъ двухъ разрядовъ избирателей отдѣльно и содержатся въ исправности Городскою Управою.

Лица, участвующія по довѣренностямъ, вносятся въ списки лишь по ихъ заявленіямъ.

Тѣ настоятели церквей, владѣющихъ въ уѣздѣ землею, которые имѣютъ право на участіе въ выборахъ по лично принадлежащимъ имъ цензамъ должны быть заносимы какъ въ списки мелкихъ землевладѣльцевъ по церковному имуществу, такъ и въ списки землевладѣльцевъ или городскихъ избирателей, по принадлежности, дабы не лишать ихъ возможности избирать въ свое время тотъ или иной съѣздъ для подачи голоса на выборахъ.

Священнослужители по получаемому содержанію и пенсіи подлежатъ внесенію въ избирательные списки на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и всѣ другія лица.

57. Лица, пользующіяся правомъ участія въ выборахъ по занимаемымъ ими квартирамъ, по коимъ не уплачивается квартирный налогъ, или по получаемымъ ими пенсіямъ, если желаютъ воспользоваться правомъ участія въ выборахъ, обязаны письменно заявить о томъ учрежденію, составляющему избирательные списки, до распубликованія послѣднихъ, съ представленіемъ надлежащихъ удостовѣреній. Прочія лица, имѣющія самостоятельное право участія въ выборахъ, вносятся въ списки независимо отъ ихъ о томъ заявленія.

Лица, заявляющія о желаніи воспользоваться правомъ участія въ выборахъ въ Государственную Думу, должны представить, для удостовѣренія своего права на участіе въ выборахъ, на основаніи занимаемыхъ ими на свое имя отдѣльныхъ квартиръ, не оплачиваемыхъ квартирнымъ налогомъ, договоръ о наймѣ квартиры или соотвѣтствующее удостовѣреніе мѣстной полиціи; договоры могутъ быть представляемы въ подлинникахъ или въ копіяхъ и должны быть засвидѣтельствованы нотаріальнымъ порядкомъ или же полиціей, или мировымъ, либо городскимъ судьей.

Полиція должна безпрепятственно выдавать удостовѣренія, указанныя въ ст. 57.

Для удостовѣреній и заявленій, подаваемыхъ на основаніи ст. 57, никакой особой формы не установлено.

Лица, занимающія отдѣльныя квартиры безъ платежа государственнаго квартирнаго налога, сами обязаны заявлять о желаніи своемъ воспользоваться правомъ участія въ выборахъ. Однако, если такое лицо внесено въ списокъ и безъ заявленія, то отсутствіе заявленія, не имѣя рѣшающаго, подобно отсутствію ценза, значенія, не можетъ служить основаніемъ къ исключенію его изъ списковъ (Указы Сената 1907 г., №№ 332 и 370).

62. Лица, принадлежащія къ составу сельскихъ и волостныхъ обществъ уѣзда, не подлежатъ внесенію въ списки землевладѣльцевъ и городскихъ избирателей по сему уѣзду, хотя бы и владѣли установленнымъ для того цензомъ.

1. Крестьяне, владѣющіе цензомъ внѣ предѣловъ уѣзда, къ сельскому или волостному обществу коего они приписаны, подлежатъ внесенію въ списки избирателей по мѣсту владѣнія цензомъ на общемъ основаніи, независимо отъ того, имѣютъ ли они участіе въ другомъ уѣздѣ въ выборахъ, для крестьянъ установленныхъ, или нѣтъ.

2. Лица, принадлежащія къ составу сельскихъ и волостныхъ обществъ уѣзда, не подлежатъ внесенію въ списки землевладѣльцевъ и городскихъ избирателей по сему уѣзду, хотя бы и владѣли установленнымъ для того

цензомъ, совершенно независимо отъ того, гдѣ они проживаютъ и ведутъ ли лично хозяйство или нѣтъ, а также владѣютъ ли они надѣльной землей и участвуютъ ли лично въ волостномъ избирательномъ сходѣ или нѣтъ.

68. Избирательные списки публикуются не позднѣе какъ за четыре недѣли до выборовъ въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ и сверхъ того объявляются во всеобщее свѣдѣніе способомъ, наиболѣе обезпечивающимъ гласность этихъ списковъ.

70. Лица, не внесенныя въ избирательные списки или до начала выборовъ утратившія избирательный цензъ, въ выборахъ не участвуютъ.

73. Въ теченіе двухъ недѣль со дня распубликованія избирательныхъ списковъ въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ заинтересованныя лица могутъ подавать жалобы и заявленія о неправильности и неполнотѣ указанныхъ въ статьѣ 52 списковъ—въ уѣздную по дѣламъ о выборахъ комиссію, а упомянутыхъ въ статьѣ 55 списковъ—въ Губернскую по дѣламъ о выборахъ Комиссію, по городу же Одессѣ—въ Городскую по дѣламъ о выборахъ Комиссію.

1. Подъ понятіемъ «заинтересованныхъ лицъ» должны быть разумѣемы всѣ лица, имѣющія или признающія себя имѣющими избирательныя права по тѣмъ участкамъ, съѣздамъ или собраніямъ, къ которымъ они принадлежатъ, при чемъ, подаваемыя означенными лицами, жалобы должны быть приносимы отъ ихъ собственнаго имени. Начальству же этихъ лицъ подавать за нихъ жалобы, а равно принимать какое-либо участіе въ дальнѣйшихъ стадіяхъ выборнаго дѣла, права закономъ не предоставлено (Указы Сената 1905 г., № 3 и 1906 г., № 104).

2. Срокъ, указанный въ ст. 73, слѣдуетъ исчислять не съ момента отпечатанія въ вѣдомостяхъ избирательнаго списка, а съ того дня, когда таковой былъ фактически полученъ на мѣстѣ, ибо противное сему толкованіе закона въ иныхъ случаяхъ было бы равносильно лишенію заинтересованныхъ лицъ возможности осуществить предоставленное имъ право.

74. По разсмотрѣніи избирательныхъ списковъ и поступившихъ жалобъ и заявленій, подлежащая Комиссія объявляетъ лицамъ, подавшимъ жалобы и заявленія, о своихъ по онымъ постановленіяхъ. Измѣненія, внесенныя въ первоначальные списки, публикуются въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ и, сверхъ того, объявляются во всеобщее свѣдѣніе способомъ, наиболѣе обезпечивающимъ гласность этихъ измѣненій.

О подготовительныхъ собраніяхъ.

76. Избирателямъ и выборщикамъ предоставляется образовывать особыя подготовительныя собранія для совѣщанія о лицахъ, достойныхъ быть избранными.

77. Въ подготовительныхъ собраніяхъ избирателей принимаютъ участіе только лица, внесенныя въ списокъ избирателей даннаго избирательнаго съѣзда или даннаго избирательнаго разряда, а также предсѣдатель этого съѣзда. Въ подготовительныхъ собраніяхъ выборщиковъ могутъ присутствовать только выборщики одного и того же избирательнаго собранія, а также предсѣдатель его.

О производствѣ выборовъ на предварительныхъ и избирательныхъ съѣздахъ.

96. Съѣзды избирателей и предварительные съѣзды открываются въ дни, назначаемые губернаторомъ, который о времени и мѣстѣ ихъ открытія оглашаетъ во всеобщее свѣдѣніе способомъ, наиболѣе обезпечивающимъ гласность такого объявленія.

Дни открытія съѣздовъ назначаются губернаторомъ, отъ усмотрѣнія котораго зависитъ избраніе того или иного способа оповѣщенія о нихъ населенія.

Въ законахъ о выборахъ въ Государственную Думу не содержится указаній на необходимость, кромѣ публикаціи во всеобщее свѣдѣніе о днѣ, назначенномъ для избирательнаго съѣзда, еще оповѣщенія избирателей о времени созыва съѣзда путемъ разсылки именныхъ повѣстокъ или какимъ-либо инымъ способомъ (Указъ Сената 1905 г., № 246).

О времени и мѣстѣ предварительныхъ съѣздовъ требуется только общее объявленіе. Законъ не требуетъ посылки именныхъ объявленій.

Вторичный созывъ предварительнаго съѣзда, не состоявшагося за отказомъ избирателей отъ баллотировки, не можетъ быть допускаемъ.

Выборы уполномоченныхъ на предварительныхъ съѣздахъ, хотя бы имѣющихъ въ своемъ составѣ свыше пятисотъ лицъ, производятся баллотировкой шарами, а не по запискамъ (Указы Сената 1906 г., №№ 55 и 74).

Предварительные и тѣ избирательные съѣзды, выборы на коихъ производятся посредствомъ баллотировки шарами (ст. 97), открываются въ двѣнадцать часовъ дня и продолжаются до тѣхъ поръ, пока не будутъ пробаллотированы всѣ избиратели, изъявившіе на то желаніе. Лица, прибывшія послѣ приступа къ выборамъ, къ участію въ нихъ не допускаются. На съѣздахъ, по коимъ выборы производятся посредствомъ записокъ, подача послѣднихъ производится одинъ день, начиная съ девяти часовъ утра и до девяти часовъ вечера.

106. Уполномоченными отъ предварительныхъ съѣздовъ, а равно выборщиками отъ избирательныхъ съѣздовъ признаются лица, за коихъ подано болѣе половины голосовъ, участвующихъ въ съѣздѣ въ порядкѣ большинства полученныхъ голосовъ; въ случаѣ же ихъ равенства—избраніе опредѣляется по жребію. Если означеннымъ путемъ не будетъ избрано положеннаго по росписанію на съѣздъ, количества выборщиковъ, то

производятся дополнительные выборы недостающаго числа выборщиковъ: 1) по съѣздамъ, въ которыхъ избраніе производится посредствомъ баллотировки—на слѣдующій, за окончаніемъ выборовъ, день, 2) по съѣздамъ, въ коихъ избраніе производится посредствомъ записокъ—въ новый срокъ, при чемъ избранными считаются получившіе относительное большинство голосовъ.

1. Выборщиками отъ избирательныхъ съѣздовъ, а равно уполномоченными отъ предварительныхъ съѣздовъ, признаются лица, за которыхъ подано болѣе половины голосовъ участвующихъ въ съѣздѣ; лицами же, участвующими въ съѣздѣ, должны быть признаны только тѣ, которыя участвуютъ въ баллотировкѣ, такъ какъ самый съѣздъ собирается для производства выборовъ, и лица, не принимающія участія въ данной баллотировкѣ, на это время въ съѣздѣ не участвуютъ, почему избранными на предварительныхъ и избирательныхъ съѣздахъ должны почитаться лица, получившія болѣе половины голосовъ участвующихъ въ каждой данной баллотировкѣ, а не всѣхъ вообще прибывшихъ на съѣздъ (Указъ Сената 1906 г., № 111).

2. Собственные голоса баллотирующихся въ расчетъ, при опредѣленіи числа полученныхъ ими избирательныхъ голосовъ, не принимаются (Указъ Сената 1906 г., № 2401).

117. Выборщикамъ, въ случаѣ ихъ о томъ ходатайства, возмѣщаются изъ казны путевыя издержки по поѣздкѣ въ губернскій городъ на избирательное собраніе, по расчету пяти копѣекъ на версту отъ уѣзднаго города до губернскаго и обратно.

123. Губернское избирательное собраніе въ составѣ всѣхъ прибывшихъ въ оное выборщиковъ прежде всего избираетъ: 1) въ губерніяхъ, управляемыхъ по Общему Учрежденію, а равно въ Тобольской и Томской и въ области Войска Донского—одного члена Думы изъ числа выборщиковъ отъ съѣздовъ уполномоченныхъ отъ волостей; 2) въ губерніяхъ, управляемыхъ по Общему Учрежденію, за исключеніемъ Архангельской, а равно въ области Войска Донского—одного члена Думы изъ числа выборщиковъ отъ съѣзда землевладѣльцевъ; 3) въ губерніяхъ: Архангельской, Астраханской, Витебской, Волынской, Вологодской, Вятской, Гродненской, Калужской, Кіевской, Ковенской, Костромской, Курляндской, Лифляндской, Минской, Могилевской, Новгородской, Олонецкой, Пензенской, Подольской, Псковской, С.-Петербургской, Эстляндской, Ярославской, Тобольской и Томской—одного члена Думы изъ числа выборщиковъ отъ перваго или второго съѣзда городскихъ избирателей; 4) въ остальныхъ губерніяхъ, управляемыхъ по Общему Учрежденію, кромѣ Ставропольской, а равно въ области Войска Донского—по одному члену Думы изъ числа выборщиковъ отъ перваго и отъ второго съѣзда городскихъ избирателей; 5) въ губерніяхъ Астраханской, Оренбургской и въ области Войска Донского—по одному члену

Думы изъ числа выборщиковъ отъ съѣздовъ уполномоченныхъ отъ казачьихъ станицъ, и 6) въ губерніяхъ С.-Петербургской, Московской, Владимірской, Екатеринославской, Костромской и Харьковской—по одному члену Думы изъ числа выборщиковъ отъ съѣздовъ уполномоченныхъ отъ рабочихъ. Затѣмъ избирательное собраніе въ томъ же составѣ избираетъ изъ числа всѣхъ вообще имѣющихъ право участія въ немъ выборщиковъ остальное, положенное росписаніемъ, число членовъ Думы.

127. Въ члены Государственной Думы могутъ быть избираемы только выборщики, входящіе въ составъ собранія, отъ котораго производятся выборы, и изъявившіе на то свое согласіе. Лица занимающія на гражданской государственной службѣ должность съ опредѣленнымъ окладомъ содержанія, въ случаѣ избранія ихъ въ члены Думы, обязаны оставить занимаемую ими должность.

Монашествующіе вообще и, въ частности, тѣ изъ нихъ, кои состоятъ въ санѣ епископа, хотя бы они и занимали какую-либо должность по духовному вѣдомству, какъ, напримѣръ, ректора академіи и т. п., отнюдь не могутъ считаться состоящими на гражданской государственной службѣ, такъ какъ Уставъ о службѣ по опредѣленію отъ правительства (Св. Зак. т. III, изд. 1896 г.) распространяется только на чины гражданскіе, перечисленные въ приложеніи къ ст. 244 означеннаго Устава, въ каковомъ приложеніи о монашествующихъ и вообще о лицахъ духовнаго званія вовсе не упоминается. Въ виду сего ст. 139 (нынѣ ст. 127) Пол. о выб., въ силу которой лица, занимающія на гражданской государственной службѣ должность съ опредѣленнымъ окладомъ содержанія, въ случаѣ избранія ихъ въ члены Думы, обязаны оставить занимаемую ими должность, къ епископамъ господствующей Церкви примѣненія имѣть не можетъ (Указъ Сената 1907 г., № 608).

Изложенное въ указѣ Правительствующаго Сената отъ 26 іюля 1907 г. за № 608 разъясненіе ст. 139 (нынѣ ст. 127) Пол. о выб. по вопросу о примѣненіи ея къ епископамъ господствующей Церкви, въ равной мѣрѣ должно относиться и къ избраннымъ въ члены Государственной Думы священникамъ епархіальнаго вѣдомства, какъ лицамъ, не состоящимъ на гражданской государственной службѣ (Указъ Сената 1908 г., № 711).

О порядкѣ избранія членовъ Государственной Думы отъ русскаго населенія Виленской и Ковенской губерній.

203. Русское населеніе Виленской и Ковенской губерній, отдѣльно отъ прочаго населенія, избираетъ изъ общаго числа членовъ Государственной Думы, положенныхъ на данныя губерніи, двухъ членовъ Думы по Виленской губерніи и одного—по Ковенской, на основаніи правилъ, въ статьяхъ 204—217 изложенныхъ.

204. Въ отношеніи производства выборовъ къ Государственную Думу къ русскому населенію въ губерніяхъ Виленской и Ковенской причисляются лица русскаго происхожденія: православные, старообрядцы и лютеране. Ближайшее опредѣленіе въ отдѣльныхъ случаяхъ, кто именно долженъ быть признаваемъ лицомъ русскаго происхожденія, предоставляется Виленскому, Ковенскому и Гродненскому генералъ-губернатору. Разъясненія его по этому предмету считаются окончательными и обжалованію не подлежатъ.

205. Избраніе членовъ Государственной Думы отъ русскаго населенія производится избирательными собраніями, созываемыми въ городахъ Вильнѣ и Ковнѣ въ составѣ сорока выборщиковъ каждое, подъ предсѣдательствомъ особыхъ лицъ, назначенныхъ Высочайшею властію.

206. Для избранія означенныхъ въ статьѣ 205 выборщиковъ въ каждомъ уѣздѣ созывается съѣздъ уполномоченныхъ отъ русскаго сельскаго населенія и съѣздъ городскихъ избирателей русскаго происхожденія.

209. Уполномоченные отъ русскаго сельскаго населенія избираются особыми волостными сходами, которые происходятъ подъ предсѣдательствомъ лицъ, назначаемыхъ земскимъ начальникомъ изъ числа членовъ схода. На волостныхъ сходахъ имѣютъ право участвовать всѣ проживающіе въ предѣлахъ волости домохозяева русскаго происхожденія, достигшіе двадцати пяти лѣтъ и владѣющіе надѣльной или пріобрѣтенной въ собственность землей, а равно священно-и церковно-служители сельскихъ православныхъ приходовъ и настоятели старообрядческихъ молитвенныхъ домовъ волости, хотя бы они и не владѣли цензомъ, дающимъ право на участіе въ выборахъ. Избраніе уполномоченныхъ на волостныхъ сходахъ производится изъ числа лицъ, имѣющихъ право участія въ сихъ сходахъ, съ соблюденіемъ правилъ, установленныхъ для избранія уполномоченныхъ отъ волостей.

212. Выборщики отъ русскаго городского населенія избираются съѣздами городскихъ избирателей, въ которыхъ участвуютъ лица русскаго происхожденія, владѣющія цензомъ, дающимъ право участія въ съѣздѣ городскихъ избирателей, а равно священно-и церковно-служители православныхъ городскихъ приходовъ и настоятели старообрядческихъ молитвенныхъ домовъ въ городахъ, хотя бы они и не владѣли цензомъ, дающимъ право участія въ съѣздѣ городскихъ избирателей.

Настоятели православныхъ церквей, владѣющихъ въ уѣздѣ землею, въ губерніяхъ Виленской и Ковенской не могутъ по этому земельному цензу участвовать въ особыхъ предварительныхъ съѣздахъ, указанныхъ въ ст. 213.

215. Списки домохозяевъ русскаго происхожденія, имѣющихъ право участія въ волостныхъ сходахъ (ст. 209), составляются волостными правленіями и провѣряются мѣстными приходскими священниками. Означен-

ные въ настоящей статьѣ списки выставляются для всеобщаго обозрѣнія въ помѣщеніи волостного правленія, и въ недѣльный со дня выставленія списковъ срокъ на нихъ могутъ быть приносимы заинтересованными лицами жалобы въ подлежащую уѣздную по дѣламъ о выборахъ комиссію.

217. При производствѣ выборовъ на съѣздахъ уполномоченныхъ и съѣздахъ городскихъ избирателей, а равно при избраніи членовъ Государственной Думы въ избирательныхъ собраніяхъ соблюдаются общія правила.

О порядкѣ избранія члена Государственной Думы отъ православнаго населенія Люблинской и Сѣдлецкой губерній.

370. Каждый православный приходъ какъ сельскій, такъ и городской, въ составѣ котораго числится не менѣе ста прихожанъ обоего пола, избираетъ приходскихъ уполномоченныхъ по одному на каждые сто прихожанъ мужского пола, но во всякомъ случаѣ по одному отъ прихода.

371. Приходы съ числомъ менѣе ста прихожанъ соединяются, для избранія уполномоченныхъ, по два или по нѣсколько, распоряженіемъ подлежащаго губернатора и избираютъ уполномоченныхъ въ числѣ, указанномъ въ статьѣ 370.

Согласно ст. ст. 370 и 371 Пол. о выб., приходы, соединяемые для избранія уполномоченныхъ, должны избирать сихъ послѣднихъ по расчету одного на каждые сто прихожанъ мужского пола, а не по одному уполномоченному отъ каждаго прихода.

372. Избраніе приходскихъ уполномоченныхъ производится изъ среды ихъ членовъ приходскими собраніями, образуемыми подъ предсѣдательствомъ настоятеля приходской церкви. Въ собраніяхъ этихъ участвуютъ всѣ прихожане мужского пола, достигшіе двадцати пяти лѣтъ и имѣющіе право участія въ выборахъ въ Государственную Думу въ составѣ гминныхъ сходовъ или съѣздовъ землевладѣльцевъ или городскихъ избирателей, а равно священно-и церковно-служители даннаго прихода, хотя бы они и не владѣли цензомъ, дающимъ право участія въ сихъ выборахъ. Въ случаяхъ, указанныхъ въ статьѣ 371, мѣсто созыва соединеннаго приходскаго собранія опредѣляется подлежащимъ губернаторомъ.

Православное населеніе Люблинской и Сѣдлецкой губерній, въ особомъ порядкѣ участвующее въ избраніи отдѣльнаго члена Государственной Думы, вмѣстѣ съ тѣмъ по закону не лишено права одновременно участвовать въ выборахъ и на общихъ, установленныхъ для губерній Царства Польскаго, основаніяхъ, т. е. въ избраніи уполномоченныхъ отъ гминныхъ сходовъ или въ съѣздахъ землевладѣльцевъ и городскихъ избирателей, по принадлежности.

373. Списокъ лицъ, имѣющихъ право участія въ приходскомъ избирательномъ собраніи, составляется настоятелемъ приходской церкви и выставляется для всеобщаго обозрѣнія у входа въ храмъ.

374. Въ недѣльный со дня выставленія списка (ст. 373) срокъ на него могутъ быть приносимы заинтересованными лицами жалобы въ подлежащую уѣздную по дѣламъ о выборахъ комиссію.

375. Приходскіе уполномоченные по каждому уѣзду образуютъ избирательный съѣздъ, созываемый въ уѣздномъ городѣ подъ предсѣдательствомъ мирового судьи, по назначенію Министра Юстиціи. Приходы городовъ Люблина и Сѣдлеца входятъ въ отношеніи выборовъ въ составъ соотвѣтственныхъ уѣздовъ.

376. Варшавскому генералъ-губернатору предоставляется соединять для производства выборовъ уѣзды съ небольшимъ числомъ православныхъ приходовъ и образовывать для нихъ соединенный избирательный съѣздъ. Въ этомъ случаѣ генералъ-губернаторъ опредѣляетъ, въ какую изъ уѣздныхъ по дѣламъ о выборахъ комиссій должны быть приносимы жалобы на неправильности, допущенныя при производствѣ выборовъ въ соединенномъ съѣздѣ.

377. Каждый избирательный съѣздъ избираетъ выборщиковъ въ избирательное собраніе, созываемое въ городѣ Холмѣ, Люблинской губерніи, подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя съѣзда мировыхъ судей, по назначенію Министра Юстиціи.

378. Избирательное собраніе образуется изъ сорока выборщиковъ. Общее число сихъ выборщиковъ распредѣляется Варшавскимъ генералъ-губернаторомъ между съѣздами уполномоченныхъ въ соотвѣтствіе съ общимъ количествомъ прихожанъ каждаго уѣзда.

379. Выборы уполномоченныхъ на приходскихъ собраніяхъ производятся способомъ, избраннымъ самимъ собраніемъ, при чемъ получившіе большинство голосовъ въ порядкѣ ихъ старшинства считаются избранными въ уполномоченные.

380. Избраніе члена Государственной Думы въ Холмскомъ избирательномъ собраніи производится съ соблюденіемъ общихъ, установленныхъ по сему предмету, правилъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Политическій катехизисъ націоналиста.

«Научись сначала любить родного брата твоего».

I.

О законахъ природы.

Вопросъ. Что есть природа?

Отвѣтъ. Это есть весь видимый и осязаемый нами міръ, доступный нашему пониманію черезъ воспріятіе чувствъ и заключающій въ себѣ всѣ явленія, всѣ движенія, а также и человѣка съ его физическими и духовными свойствами.

Вопросъ. Что есть законъ?

Отвѣтъ. Это есть правило, установленіе, по которому что-либо совершается, или должно совершаться.

Вопросъ. Что есть законъ природы?

Отвѣтъ. Это есть незыблемыя установленія Бога Вседержителя, по которымъ живетъ міръ; все въ немъ совершается и внѣ которыхъ не можетъ быть ни явленія, ни событія, ни движенія (жизни), ни покоя (смерти).

Вопросъ. Какіе законы природы существуютъ?

Отвѣтъ. Существуютъ три основныхъ закона (перваго порядка).

Первый законъ—законъ единства Силъ и Матеріи.

Существованіе, или бытіе непостижимаго для насъ Бога-Вседержителя (источника силы) несомнѣнно; существованіе Матеріи—очевидно. Но мы познаемъ природу (взаимность Силъ и Матеріи) и ея законы только воспріятіемъ, разсмотрѣніемъ, изученіемъ, т. е. познаваніемъ окружающаго насъ міра и другихъ путей къ познаванію Духа, или сущности Силъ, у насъ нѣтъ, ибо уразумѣніе существованія Его внѣ Матеріи для насъ недоступно и непостижимо. Такимъ образомъ, для нашего пониманія, внѣ Силы (Духа) нѣтъ Матеріи и внѣ Матеріи нѣтъ Силы. Но наше познаваніе есть отраженіе дѣйствительнаго міра, дѣйствительности. Поэтому, и въ дѣйствительности внѣ Силы нѣтъ Матеріи и внѣ Матеріи нѣтъ Силы, т. е.

Сила и Матерія—одно, т. е. Сила и Матерія имѣютъ одинъ источникъ—Бога-Вседержителя.

Отсюда слѣдуетъ, что природа—это есть доступное нашему пониманію проявленіе Вседержителя и, слѣдовательно законы ея—есть велѣнія Его.

Второй законъ—законъ тяготѣнія, выражающійся такъ:

Сила тяготѣнія пропорціональна массѣ и обратно пропорціональна квадрату разстоянія. Изъ этого закона вытекаютъ законы свѣта, тепла, электричества и другихъ называемыхъ нами силъ природы; изъ этого же закона вытекаетъ первая часть главенствующаго въ органическомъ мірѣ (закона второго порядка)—закона борьбы за существованіе. Второй законъ съ соподчиненными ему законами отдѣльныхъ силъ природы управляетъ, главнымъ образомъ, міромъ неорганическимъ.

Третій законъ—законъ сохраненія энергіи, или законъ воздаяній (онъ же законъ равенства дѣйствія и противодѣйствія), выражающійся такъ. Сумма кинетической энергіи міра (энергіи движенія) съ потенціальной энергіей того же міра (энергіей покоя) во всѣ времена и во всякій моментъ есть величина постоянная и равная нулю, т. е. кинетическая энергія міра равна постоянно потенціальной энергіи того же міра. Этотъ же законъ иногда выражаетъ такъ: всякое въ мірѣ дѣйствіе сопровождается равнымъ ему, но обратнымъ, по направленію, противодѣйствіемъ.

Всякій живой организмъ въ природѣ есть лабораторія для претворенія одного вида энергіи въ другой и жизнь продолжается въ организмѣ до тѣхъ поръ, пока совершается это претвореніе. Но претворяемая и претворенная энергія для даннаго организма—суть его неотъемлемыя начала; принадлежатъ только одному этому организму. Поэтому, всякое дѣяніе, совершаемое организмомъ (а всякое дѣяніе есть переходъ одного вида энергіи въ другой), составляя неотъемлемую принадлежность этого организма, должно обращаться на этотъ же самый организмъ. Значитъ, для міра органическаго, законъ сохраненія энергіи, или законъ воздаяній, можно выразить такъ: результаты дѣянія, совершоннаго какимъ-либо организмомъ,—принадлежатъ только этому же организму. Этотъ законъ, совокупно съ закономъ тяготѣнія, управляетъ міромъ органическимъ.

Изъ третьяго закона вытекаетъ вторая часть подчиненнаго закона,—закона борьбы за существованіе, или естественнаго подбора и, кромѣ того, вытекаетъ законъ преемственности, или наслѣдственности.

В. Какіе второстепенные (второго порядка) законы природы существуютъ.

О. Существуютъ слѣдующіе законы второго порядка, дѣйствующіе только въ мірѣ органическомъ: 1) законъ, или начало стремленія къ жизни; 2) законъ, или начало соединенія или совокупленія; 3) начало сохраненія природою видовъ, но не сохраненія ею отдѣльныхъ особей; 4) законъ, или начало наслѣдственности и 5) законъ, или начало борьбы за существованіе

В. Въ чемъ заключается начало стремленія къ жизни?

О. Оно заключается въ томъ, что всякому живому организму, призванному къ жизни по волѣ Создателя, вложено Имъ стремленіе жить; благодаря этому стремленію, жизнь для организма становится неизбѣжной и желанной и составляетъ его священнѣйшее право; для сохраненія жизни всякій организмъ, помимо своей воли и разума, но и безсознательно для себя, принимаетъ всѣ мѣры къ удержанію въ себѣ жизни и удаленію опасностей. Безсознательное стремленіе къ удаленію опасностей для жизни называется инстинктомъ самосохраненія.

В. Въ чемъ заключается начало соединенія или совокупленія?

О. Оно заключается въ слѣдующемъ: во всякій живой организмъ вложенъ свыше вполнѣ опредѣленный запасъ жизненной силы; по мѣрѣ израсходованія этой силы—организмъ старѣетъ, а по изсякновеніи ея умираетъ. Чтобы возобновить жизнь и сдѣлать ее непрерывной, всякій организмъ простѣйшій (клѣтка, отдѣльная особь), или сложнѣйшій (колонія, народъ, государство), долженъ соединиться, или совокупиться съ другимъ, подобнымъ себѣ организмомъ и черезъ такое совокупленіе получается новая жизнь, служащая продолженіемъ жизней совокупившихся.

Слѣдовательно, начало соединенія есть источникъ непрерывности органической жизни.

В. Въ чемъ заключается начало, или принципъ, сохраненія природою видовъ, но не сохраненія ею отдѣльныхъ особей?

О. Человѣкъ, при изученіи органическаго міра, подмѣтилъ постоянную черту въ природѣ: какая бы повальная болѣзнь ни случилась, какія бы катастрофы ни происходили, природа стремится сохранить въ живыхъ и въ цѣлости хотя бы двухъ представителей какого-либо рода, или вида существъ, для продолженія жизни этого рода. Но въ то же время природа нисколько не заботится сохранить въ цѣлости каждый отдѣльный организмъ, каждую особь, предоставляя самой особи заботиться о своей цѣлости. Только наличіе въ явленіи основныхъ законовъ, угрожающихъ жизни, т. е. измѣненіе самихъ естественныхъ условій жизни на землѣ, влечетъ вымираніе видовъ, или родовъ.

В. Въ чемъ заключается начало, или законъ наслѣдственности?

О. Такъ какъ продолжателемъ жизни какого-либо организма является его прямое потомство, то и результатъ дѣятельности и жизни этого организма, принадлежа ему, по смерти его, во исполненіе закона сохраненія энергіи, или закона воздаяній, можетъ принадлежать и переноситься только на его прямое потомство.

В. Изъ скольких частей слагается законъ борьбы за существованіе?

О. Онъ слагается изъ двухъ частей: первая — сильный сильнѣе слабаго и его побѣждаетъ; вторая — результаты побѣды принадлежатъ побѣдителю.

В. Въ чемъ заключается законъ борьбы за существованіе?

О. Жизнь есть движеніе, смерть есть покой. Всякому живому организму вложено свыше стремленіе къ жизни, т. е. къ движенію (а движеніе влечетъ развитіе), т. е., къ пріобрѣтенію кинетической энергіи; а такъ какъ сумма энергій для нашего земного міра есть величина постоянная и изъ ничего ничего не дѣлается, то пріобрѣтеніе (претвореніе въ жизнь) энергіи кинетической возможно только за счетъ энергіи потенціальной: это претвореніе будетъ тѣмъ совершеннѣе и полнѣе, чѣмъ наилучше для того приспособленъ организмъ. Кромѣ того, жизнь органическаго міра непрерывна. Непрерывность достигается смертію и рожденіемъ; а такъ какъ рожденіе влечетъ за собою размноженіе, то съ теченіемъ времени все большее и большее количество особей приходится на одно и то же количество потенціальной энергіи (на запасъ жизненныхъ силъ). Такимъ образомъ, борьба за существованіе слагается изъ двухъ началъ: первое начало—претворенія энергіи, т. е. борьба съ силами природы, и второе начало—выдѣленія себя изъ окружающихъ особей большею, чѣмъ они, силою тѣла и духа, т. е. соревнованіе, или борьба съ окружающими особями. Итакъ, законъ борьбы за существованіе заключается въ томъ, что сильный побѣждаетъ слабаго и пользуется имъ; крѣпкій и трудолюбивый пріобрѣтаетъ, а слабый и лѣнивый теряетъ.

— Горе слабымъ и хилымъ, горе неразвитымъ и лѣнивымъ: они обрѣчены на вырожденіе; удѣлъ ихъ страданіе и смерть!

Таковъ законъ природы, таково непреложное велѣніе Творца-Вседержителя.

II.

О государствѣ.

Вопросъ. Какія причины создаютъ государство?

Отвѣтъ. Еще въ доисторическія времена, нашъ предокъ, дикій человѣкъ, горькимъ опытомъ убѣдился, что жизненная борьба съ окружающею природою протекаетъ гораздо легче въ сообществѣ себѣ подобныхъ, чѣмъ въ одиночествѣ. Единство происхожденія, языка и вѣры (культуры) сливало и укрѣпляло въ одно цѣлое такое сообщество, давъ отдѣльные народы и племена. Народъ, слитый въ одно общею жизненною потребностью, даетъ основаніе государству. Народы и племена, близкіе между собою по языку, происхожденію и вѣрѣ, тѣмъ-же горькимъ опытомъ убѣдились, что борьба за существованіе съ окружающими ихъ чуждыми имъ народами и племенами становится гораздо легче, когда они соединяются, чѣмъ когда жи-

вутъ порознь. Такимъ образомъ, сознаніе силы въ единеніи и безсилія въ разъединеніи и сознаніе наилучшаго соблюденія интересовъ каждаго лица въ обществѣ родного народа, т. е., въ корнѣ законъ борьбы за существованіе, т. е. законъ природы, иначе сказать, велѣніе Божіе, создаетъ государство.

Отсюда *первое начало государственной жизни*:

Въ единеніи сила.

Отсюда слѣдствіе, важное для государственной жизни:

Все, что разрушаетъ, или стремится разрушить государство, то неестественно, и, съ точки зрѣнія государства, какъ стремящееся прекратить его жизнь, безнравственно; все же то, что создаетъ государство, укрѣпляетъ его и стремится къ усиленію и укрѣпленію его, — есть естественно и нравственно, такъ какъ государство есть естественная форма жизни человѣковъ, ибо эта форма вытекаетъ изъ закона природы, изъ велѣнія Божія.

В. Что есть государство.

О. 1) Государство есть область земель и водъ, населенная разными народами и племенами, подчиненными одной и той-же верховной власти.

2) Государство есть сложный живой организмъ, подчиненный прежде всего законамъ природы, а затѣмъ уже законамъ общежитія, такъ какъ народы и племена, составляющіе государство, слагаются изъ родовъ и колѣнъ, каждый родъ изъ отдѣльныхъ семей, а семья изъ отдѣльныхъ личностей, а отдѣльная личность есть живой организмъ, живущій физически и духовно по законамъ природы.

В. Значитъ, государство, подчиняясь законамъ природы, явившись на свѣтъ, растетъ, развивается, живетъ и умираетъ?

О. Да, каждое отдѣльное государство, явившись на свѣтъ, обязательно развивается, живетъ, а затѣмъ обыкновенно, но необязательно, распадается, перестаетъ существовать самостоятельно и, какъ государство, умираетъ.

В. Почему государство не умираетъ обязательно и непреложно, вѣдь смерть есть непреложный законъ природы для всякаго организма?

О. Жизнь органическаго міра на землѣ непрерывна и можетъ считаться безконечно долгою; жизнь рода человѣческаго, составляющаго часть міра органическаго, такъ же непрерывна и такъ же безконечно олга; госуда рство, представляя собою часть рода человѣческаго, имѣя непрерывную жизнь, можетъ прожить безконечно долго, т. е. не умирать, пока существуетъ человѣчество.

В. При какихъ же условіяхъ государство можетъ прожить безконеч долго?

О. При условіяхъ соблюденія избытка притока силъ жизненныхъ надъ ихъ расходомъ.

В. Отъ чего зависитъ притокъ силъ жизненныхъ?

О. 1) Отъ земель и водъ, составляющихъ государство; 2) отъ знаній и трудоспособности людей, создавшихъ и составляющихъ государство; 3) отъ творческой силы духа народа, представляющаго собою ядро государства; духа, имѣющаго наслѣдственную, преемственную, неразрывную связь съ духомъ основателей и проводящаго въ жизнь любовь къ отечеству, къ родной культурѣ; 4) отъ сознанія цѣли, къ которой должно стремиться государство и 5) отъ общенія съ природою, т. е. жизни и труда на лонѣ природы.

В. Изъ чего слагается притокъ силъ жизненныхъ?

О. Онъ слагается: 1) изъ богатствъ, присущихъ землямъ и водамъ государства и 2) изъ результатовъ труда физическаго и умственнаго народовъ государства. А эти богатства и результаты труда суть слѣдующіе: плодородность земель; обиліе естественныхъ продуктовъ, идущихъ на потребу человѣка; обиліе полезныхъ ископаемыхъ; успѣшная обработка природныхъ продуктовъ, удовлетворяющая всѣ нужды государства; процвѣтаніе наукъ и искусствъ, удовлетворяющее всѣ духовныя потребности государства; 3) изъ объединенія и взаимопомощи между собою людей народа, представляющаго ядро государства.

В. Почему для притока силъ жизненныхъ необходима еще и любовь къ природѣ?

О. Потому, что природа есть источникъ всѣхъ живыхъ и живительныхъ силъ. Любить природу—значитъ имѣть и стремиться къ постоянному съ ней общенію, а общеніе съ ней даетъ юношескую свѣжесть нашимъ силамъ, здоровье физическое и духовное. Кромѣ того, общеніе вызываетъ стремленіе къ изученію ея красотъ и ея законовъ, а изученіе даетъ знаніе, а знаніе есть сила; сила же есть источникъ движенія, а движеніе есть жизнь.

В. Отъ чего зависитъ расходъ силъ жизненныхъ?

О. 1) Отъ естественныхъ, жизненныхъ потребностей; 2) отъ траты силъ, труда и результатовъ (капитала) труда на ростъ, развитіе и укрѣпленіе государства, что главнымъ образомъ зависитъ отъ пониманія въ данное время властью цѣли жизни государства (политики государства).

В. Изъ чего слагается расходъ силъ жизненныхъ?

О. 1) Изъ потребленія продуктовъ питанія и жизни; 2) изъ траты силъ на ростъ, развитіе и укрѣпленіе государства и 3) изъ движеній внутреннихъ и внѣшнихъ.

III.

О національномъ и любви къ родинѣ.

В. Почему связь духа людей, составляющихъ ядро государства, должна быть преемственной, наслѣдственной и неразрывной съ духомъ людей, создавшихъ государство?

О. Государство не есть результатъ непосредственно дѣла рукъ человѣческихъ, какъ напр.: домъ, корабль и проч. естественные предметы; оно есть результатъ созидательной дѣятельности духа (идей) человѣческаго, вызваннаго къ развитію закономъ борьбы, и каждое, отдѣльное государство, въ области духа, представляетъ собою отдѣльный видъ, или родъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, оно есть сложный, живой организмъ. А каждый живой организмъ въ природѣ имѣетъ свои отличительныя родовыя, или видовыя черты, которыя наслѣдственно и непрерывно передаются отъ поколѣнія къ поколѣнію. Нельзя растеніе оторвать отъ корня, чтобы оно не погибло; нельзя изъ крапивы сдѣлать розу, т. е. видоизмѣнить родовые признаки растенія, чтобы оно не погибло. Нельзя ни одно животное оторвать отъ родныхъ условій жизни, чтобы оно не погибло. Нельзя волка превратить въ овцу. Такъ и въ духѣ человѣческомъ: нельзя эскимоса перевоспитать въ кровнаго негра; нельзя армянина сдѣлать кровнымъ русскимъ. Такъ и государство, на основаніи третьяго закона природы и закона наслѣдственности, нельзя оторвать отъ основныхъ идей, отъ духа основателей, отъ тѣхъ родовыхъ особенностей духа, кои даютъ ему свой обликъ, даютъ ему отличительныя отъ другихъ государствъ черты и свой укладъ жизни, составляющіе отличительную сущность государства, чтобы оно не погибло.

В. Какія это родовыя особенности духа?

О. Положительныя особенности: острота и ясность мышленія и производныя ея: вѣра, языкъ, культура; смѣлость духа (храбрость) и хладнокровіе; предпріимчивость и трудолюбіе; любовь къ природѣ и родному роду. Отрицательныя особенности: тупость и скудоуміе; трусость и растерянность; неподвижность и лѣнь; непониманіе красотъ природы и присутствія въ ней Величайшаго Духа-Бога; равнодушіе къ родному роду и сему родному.

В. Почему однѣ особенности духа считаются положительными, а другія отрицательными?

О. Потому, что положительныя особенности духа (качества), совпадая съ качествами духа, несущими государству притокъ силъ жизненныхъ,— даютъ ему жизнь; отрицательныя-же качества, будучи противоположными первымъ по своему существу, разрушаютъ государство и даютъ ему смерть.

В. Въ чемъ же соединяются, воплощаются положительныя особенности духа?

О. Они соединяются, воплощаются въ націи.

В. Въ чемъ проявляются въ жизни эти особенности?

О. Они проявляются въ національности и національзмѣ.

В. Значитъ, что-же есть національзмъ?

О. Это есть, на основаніи закона наслѣдственности, сила природы; это есть признаніе, примѣненіе и проведеніе въ жизнь родовыхъ осо-

бенностей духа, дающихъ жизнь и обликъ государству, ведущихъ государство на пути жизни въ опредѣленномъ направленіи, обусловленномъ свойствами духа господствующей націи; связующихъ безличное собраніе народовъ въ одно цѣлое, стройное общество.

В. Если національность и націонализмъ, будучи корнемъ и душою государства, есть естественное и природное явленіе, то подтверждается-ли это въ жизни человѣчества?

О. Да, вся исторія человѣчества подтверждаетъ это начало государственной жизни; древнѣйшія великія государства: Египетъ, Халдея, Ассирія, Персія, Греція и Римъ—существовали и жили пока жилъ въ нихъ духъ національности и націонализма; они пали, когда духъ національности изсякъ или вслѣдствіе инертности, праздности и распутства, или вслѣдствіе покоренія ихъ другой національностью, болѣе сильною духомъ и тѣломъ. Китай живетъ болѣе 6000 лѣтъ только вслѣдствіе сохраненія націонализма. Средневѣковыя неурядицы и феодальный строй просуществовали только нѣсколько столѣтій, уступивъ мѣсто живительному и природному порядку: націонализму народовъ и естественной группировкѣ ихъ въ національныя, отдѣльныя государства.

В. Почему для процвѣтанія государства (притока силъ жизненныхъ) необходима, кромѣ націонализма, еще и любовь къ родинѣ?

О. Потому, что націонализмъ, какъ продуктъ сознанія, можетъ быть холоднымъ, разсудочнымъ и проявляться только на словахъ, т. е. быть мертвымъ. Только согрѣваемый любовью къ родинѣ націонализмъ можетъ проявиться въ дѣлѣ и дать плоды.

В. Что есть любовь къ родинѣ?

О. Это есть, на основаніи начала «стремленія къ жизни», сила природы; это есть постоянное и неизмѣнное чувство желанья добра родинѣ и населяющимъ ее народамъ, въ духѣ господствующей національности; это есть готовность всегда идти на смерть за благо родины, ибо нѣтъ смерти пріятнѣе, нѣтъ возвышеннѣе и славнѣе, чѣмъ смерть за родину, такъ какъ благо общее выше блага личнаго; это есть сердце государственной жизни. *Отсюда второе начало государственной жизни: «одинъ за всѣхъ, всѣ за одного».*

В. Естественно ли и, слѣдовательно, нравственно ли чувство любви только къ родинѣ, а не ко всѣмъ безразличія народамъ міра и государствамъ?

О. Въ мірѣ органическомъ царитъ истина: всякому живому организму вложено свыше стремленіе къ жизни и отвращеніе къ смерти. Это стремленіе вызываетъ во всякомъ организмѣ и, слѣдовательно, въ человѣкѣ прежде всего любовь къ самому себѣ—охраненіе себя (инстинктъ самосохраненія); любовь къ себѣ вызываетъ въ насъ любовь къ нашей семьѣ и той обстановкѣ, въ которой живетъ семья; а эта любовь вызываетъ

любовь къ родному народу и той обстановкѣ, въ которой онъ живетъ. Любовь къ родинѣ, распространенная на все отечество, какъ къ «своему», «нашему», есть патріотизмъ. За предѣлами нашего народа и его обстановки начинается чужое, въ силу борьбы за существованіе, намъ враждебное. Поэтому любовь къ родному народу и обстановкѣ (всему окружающему его) его, т. е. къ тому, что въ совокупности и составляетъ родину,—есть чувство природное, естественное, священное и нравственное.

Чувства же любви къ чужому въ мірѣ нѣтъ; есть только разсудочныя формы отношеній и чувствъ, выражающихся въ уваженіи, презрѣніи, жалости и т. п.

Слѣдствіе. Ученіе «космополитизма», какъ ученіе о любви къ чужому какъ къ своему—есть ученіе неестественное, безосновательное, а потому ложное и вредное, слѣдовательно и безнравственное.

Изъ предъидущаго вытекаетъ *третье начало государственной жизни: національнализмъ есть корень, есть душа, одухотворяющая эту жизнь, патріотизмъ—есть сердце той же жизни.* Какъ безъ разума и сердца нѣтъ въ мірѣ живого разумнаго существа, такъ и безъ національнализма и патріотизма нѣтъ живого государства. Государство живетъ, пока оно національно и патріотично; оно обезличивается и умираетъ, когда національнализмъ и патріотизмъ не проводятся, не примѣняются и отрицаются въ жизни.

В. Почему любовь къ родинѣ не только естественна, но и священна?

О. Проявленіе жизни во всякомъ организмѣ—совершается по волѣ Вседержителя; все исходящее отъ Него священно. Всякій живой организмъ есть воплощенное дыханіе матери земли, отъ которой все живое рождается и въ нее исходитъ. Человѣкъ, какъ существо самопознающее, т. е. разумное, есть высшее дѣтище матери земли, по волѣ Создателя. Нѣтъ любви выше и священнѣе, какъ любовь матери къ дѣтямъ и дѣтей къ матери, ибо эта любовь есть первая ступень проявленія «стремленія къ жизни», т. е. воли Создателя. Но эта любовь обращается (распространяется) не только на мать землю, но и на совокупность матери земли съ роднымъ народомъ, т. е. обращается на родину.

Поэтому любовь къ родинѣ священна; поэтому, земли и воды, какъ носители жизни, какъ запасы жизненной энергіи, съ живущими на нихъ народами и доставшіеся во владѣніе отъ предковъ къ потомкамъ господствующаго народа—есть священное для послѣднихъ достояніе, которое они обязаны охранять какъ свою собственную жизнь; поэтому, страданія, перенесенныя предками и кровь, пролитая ими на завоеваніе земель и водъ, какъ носителей жизни, для потомства-священна, ибо кровь проливалась и страданія переносились во имя любви къ своему роду, во имя любви къ родинѣ.

IV.

О власти.

В. Что есть власть?

О. Власть есть господство одного надъ другимъ, основанное на преимуществѣ, заключающемся въ обладаніи какой-либо силы (большей; чѣмъ у подвластнаго): духовной, матеріальной, физической.

В. Изъ чего и какъ возникаетъ власть?

О. Она возникаетъ изъ требованій жизни; она имѣетъ своимъ источникомъ второй и третій основные законы природы съ соподчиненнымъ имъ закономъ борьбы за существованіе: сильный всегда въ мірѣ органическомъ и неорганическомъ господствуетъ надъ слабымъ. Солнце, благодаря своей бо́льшей, чѣмъ у планетъ, массѣ господствуетъ надъ ними, планеты господствуютъ надъ спутниками. Во всемъ мірѣ органическомъ растеній и животныхъ, сильный индивидуумъ боретъ слабаго, господствуетъ надъ нимъ и пользуется имъ. Человѣкъ, благодаря своему уму, давшему ему орудія и оружія огромной силы въ руки, господствуетъ въ мірѣ органическомъ. Въ древнѣйшія времена, когда были только роды и семьи, отецъ семьи, сильный тѣломъ и духомъ господствовалъ въ своей семьѣ или родѣ. Власть такого отца или унаслѣдовалась его потомками (наслѣдственная), или переходила къ лицу не принадлежащему къ потомкамъ (т. е. была или по назначенію самой власти, или выборной, или захватной). Съ развитіемъ культуры и съ переходомъ семьи въ народъ, а народа въ государство, развивались и расширялись и проявленія власти и власть силы физической перешла къ власти разумной необходимости.

В. Необходима-ли власть въ государствѣ?

О. Государство есть сложный живой организмъ; во всякомъ живомъ организмѣ существуютъ различные органы, имѣющіе различныя назначенія; общее-же назначеніе органовъ—поддерживать и продолжать жизнь организма; эти органы управляются нервной системой съ ея узлами. Въ организмѣ государства власть исполняетъ ту же роль, какую въ живомъ, цѣломъ организмѣ, исполняетъ нервная система: она управляетъ различными частями государства, стремясь къ общей цѣли—поддержать и продолжать жизнь государства, какъ цѣльнаго организма. Безъ нервной системы—нѣтъ живого организма, безъ власти нѣтъ государства. Значитъ, власть въ государствѣ,—для его жизни, необходима.

В. Что есть верховная власть?

О. Это есть источникъ всякой власти въ государствѣ; это есть символъ единства и нераздѣльности государства; это есть олицетвореніе силы и могущества государства; это есть прообразъ единаго Вседержителя міра, воплощенный на землѣ въ человѣкѣ—обладателѣ верховной власти.

В. Необходима ли верховная власть въ государствѣ?

О. Въ живомъ организмѣ—мозгъ есть центръ нервной системы; въ живомъ государствѣ верховная власть есть центръ власти. Безъ мозга или нервнаго узла—нѣтъ живого организма; безъ верховной власти нѣтъ живого государственнаго организма. Только при существованіи верховной власти—существуетъ государство; безъ нея—государство превращается въ кратковременное скопище разныхъ народностей, при первомъ толчкѣ распадающееся на составныя части. *Отсюда вытекаетъ четвертое начало государственной жизни: «безъ верховной власти нѣтъ государства».* Слѣдствіе—«Анархизмъ», какъ ученіе непризнаванія власти есть неестественность и безнравственность.

В. Что есть власть законная?

О. Это есть власть, перешедшая по наслѣдству, по назначенію верховной власти, или пріобрѣтенная избраніемъ или открытымъ завоеваніемъ и стремящаяся ко благу государства въ духѣ господствующей націи, т. е. стремящаяся къ укрѣпленію, объединенію его; къ пріобрѣтенію возможно большаго количества жизненной энергіи; къ физическому и духовному развитію народовъ государства подъ главенствомъ господствующей націи.

В. Что есть власть беззаконная?

О. Власть, пріобрѣтенная самовольно и захватомъ и стремящаяся къ расчлененію государства; къ порабощенію господствующей націи другими націями; къ уменьшенію запасовъ жизненной энергіи государства.

В. Какою должна быть власть въ государствѣ?

О. Она должна быть: 1) чисто національною, т. е. представители власти должны быть изъ господствующей націи; ибо только рожденный и воспитанный въ духѣ націи, можетъ понять сущность жизни родного государства и вести ее въ надлежащемъ направленіи, такъ какъ нѣкоторые важные запросы жизни могутъ быть прочувствованы и понимаемы скорѣе и лучше сердцемъ, чѣмъ разумомъ; 2) неуклонной—твердою и сильной въ проведеніи своихъ начинаній и законовъ какъ внутри государства, такъ и внѣ его; 3) разумной, т. е. согласовать свои дѣйствія съ требованіями природы и интересами родины.

В. Каковъ долженъ быть порядокъ, т. е. механизмъ устройства власти въ жизнеспособномъ государствѣ?

О. Обращаемся къ единственному источнику нашихъ познаній и надежному авторитету для подражаній:—природѣ. При изученіи живого организма видимъ, что нервная система его (власть) состоитъ: 1) изъ центральнаго органа-мозга (власть), управляющаго всѣми нервами; 2) изъ мѣстныхъ нервныхъ узловъ, зависимо отъ мозга управляющихъ какимъ-либо отдѣломъ нервной системы, и 3) изъ нервныхъ волоконъ, нервовъ. Точно такъ же, при изученіи жизни и порядка устройства всѣхъ великихъ царствъ міра въ прошломъ мы видимъ, что въ нихъ вездѣ была

не только единая, но и единоличная верховная власть (мозгъ); затѣмъ центры подчиненной власти, гдѣ сосредоточено управленіе отдѣльными частями государства (нервные узлы); за ними идутъ развѣтвленія подчиненной власти (нервы). Но исторія показываетъ, что порядокъ власти будетъ самымъ жизнеспособнымъ, если при верховной власти будутъ состоять центры совѣщательные, изъ выборныхъ отъ населенія господствующаго народа, ибо единоличная верховная власть одна не въ состояніи объять всю жизнь государства. Такимъ образомъ вытекаетъ, что наилучшей организаціей будетъ абсолютная монархія съ совѣщательнымъ представительствомъ.

В. Почему верховная власть должна быть не только единой, но и единоличной.

О. Потому, что въ одномъ лицѣ воля крѣпче, мысли проще и прямолинейнѣе и ошибки легче исправимы, чѣмъ въ собирательномъ лицѣ многихъ лицъ.

V.

О законахъ государственныхъ и законности.

В. Что есть законъ государственный?

О. Это есть установленіе, или правило, исходящее или отъ верховной, или законной власти, обязательное для исполненія со стороны всѣхъ, кого законъ касается, и имѣющее цѣлью установить и укрѣпить извѣстный порядокъ въ жизни, считающійся наилучшимъ въ данное время.

В. Какое различіе между законами природы и законами государственными?

О. Законы природы вѣчны и неизмѣнны; законы государственные, какъ вытекающіе изъ потребностей жизни общественной, подвержены, въ силу закона борьбы, постоянному измѣненію (приспособленію и подбору), т. е. временны и перемѣнны.

В. Каковы должны быть законы въ жизнеспособномъ и жизнедѣятельномъ государствѣ?

О. Они должны быть: 1) согласованы съ законами природы (напр. нельзя разрѣшать ловить рыбу, когда она идетъ метать икру); 2) соблюдать и сохранить прежде всего цѣлость государства и интересы господствующей націи; 5) для разныхъ народовъ, населяющихъ государство, должны быть разными; 4) своевременно и разумно отвѣчать запросамъ постоянно измѣняющейся жизни; 3) имѣть своею цѣлью, въ конечномъ результатѣ, благо государства общее или частное; 6) въ предѣлахъ своего примѣненія, быть равными для всѣхъ, т. е. не различать богатаго и бѣднаго, сильнаго и слабаго.

В. Почему законы должны соблюдать и охранять прежде всего цѣлость государства и интересы господствующей націи?

О. Потому, что цѣлость государства есть цѣлость организма, потому, что только господствующая нація даетъ жизнь и обликъ государдтву, безъ чего оно обезличивается и жить, какъ государство, не можетъ, т. е. на основаніи третьяго начала государственной жизни.

В. Почему законы для отдѣльныхъ народовъ государства должны быть равные?

О. Потому, что 1) въ природѣ существуетъ истина: «природа не заботится о сохраненіи жизни отдѣльнаго существа (лица), но заботится о сохраненіи рода» (народа), т. е. и законы государственные должны охранять народность, но давать полную свободу личности въ предѣлахъ одной и той же народности для свободнаго и полнаго примѣненія закона борьбы; 2) разные народы внесли съ собою различное количество и качество земель и водъ въ общую совровищницу государства и различное духовное богатство въ общую культуру государства.

В. Что должно разумѣть подъ словами: «въ предѣлахъ своего примѣненія»?

О. Надо разумѣть: для даннаго народа, для данной области земель.

В. Почему законы въ предѣлахъ своего примѣненія для всѣхъ должны быть равными, когда въ природѣ есть непреложный законъ борьбы за существованіе, дающій преимущество сильному надъ слабымъ. Не будутъ ли такіе законы противорѣчить природѣ?

О. Жизнь государства, какъ большого сообщества, весьма многовидна и многоразлична. Благо общее въ немъ выше блага личнаго. Но не всегда богатый приноситъ больше пользы обществу, чѣмъ бѣдный и не всегда сильный полезнѣе обществу, чѣмъ слабый. Дать возможность каждому по мѣрѣ силъ приносить пользу обществу—возможно, конечно, только при законахъ равенства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, полное примѣненіе закона борьбы за существованіе возможно въ однородномъ побществѣ только тогда, когда борющимся за жизнь даны одинаковыя правила борьбы, т. е. когда всѣ въ данномъ обществѣ равны между собою передъ лицомъ закона. Кромѣ этого: «природа заботится о сохраненіи рода (неравенство народовъ передъ закономъ, т. е. огражденіе интересовъ одного народа передъ интересами другихъ народовъ), но не заботится о сохраненіи отдѣльнаго лица» (равенство лицъ передъ лицомъ закона въ предѣлахъ его примѣненія, т. е. полнота примѣненія закона борьбы за существованіе). Вотъ почему законы равенства согласны съ законами природы.

В. Что есть законность?

О. Это есть сознаніе правильности даннаго закона и необходимости и неизбѣжности выполненія его.

В. Чѣмъ пріобрѣтается сознаніе законности?

О. Оно пріобрѣтается подчиненіемъ законамъ и выполненіемъ ихъ; развитіемъ умственнымъ и воспитаніемъ.

VI.

О причинахъ, кои укрѣпляютъ, держатъ и направляютъ жизнь государства.

В. Что укрѣпляетъ государство?

О. Укрѣпляетъ государство: 1) любовь къ своей семьѣ, своему народу и родинѣ, т. е. патріотизмъ; 2) благоговѣйная вѣрность вѣрѣ предковъ и наслѣдію ихъ какъ духовному, такъ и естественному, т. е. національнализмъ; 3) любовь и преданность своей верховной власти; 4) нравственность личная и общественная (государственная); 5) дисциплина духа въ семьѣ и обществѣ (государствѣ); 6) трудъ и знанія.

В. почему патріотизмъ укрѣпляетъ государство?

О. Потому, что любовь есть источникъ соединенія, а соединеніе есть источникъ силы, т. е. крѣпости.

В. Почему укрѣпляетъ благоговѣйная вѣрность вѣрѣ предковъ и ихъ наслѣдіямъ?

О. Потому, что вѣра, культура, языкъ предковъ составляютъ основы національнализма, а національнализмъ есть сила природы и душа государства; слѣдовательно, потому, что вѣрность національнализму является силою внутреннею, связующею государство въ одно цѣлое.

В. Что должно разумѣть подъ словами: естественное наслѣдіе?

О. Надо разумѣть: тѣ предѣлы земель и водъ и тѣ естественныя богатства, кои предки создали и намъ оставили.

В. Почему должна быть благоговѣйная вѣрность, т. е. тщательное охраненіе и естественнаго наслѣдія?

О. Потому, что на созданіе ихъ предки тратили силы, проливали кровь и теряли жизнь и творили это во имя любви къ намъ.

В. Почему любовь и преданность верховной власти укрѣпляютъ государство?

О. Такъ какъ верховная власть есть воплощеніе единства и недѣлимости государства, есть сила внѣшняя, связующая государство въ одно цѣлое, то любовь и преданность ей, вызывая единеніе, связуютъ и укрѣпляютъ его.

В. Что есть нравственность личная?

О. Это есть проявленіе словомъ или дѣломъ воли человѣка, основанное на законахъ природы, направленное къ его благу и не нарушающее необходимыхъ, жизненныхъ потребностей другого человѣка.

В. Почему нравственность личная необходима въ жизни людей?

О. Человѣкъ живетъ въ обществѣ себѣ подобныхъ; въ обществѣ лучше и полнѣе соблюдаются и выполняются интересы и потребности каждаго; безъ нравственности личной всякое общество превратилось бы въ собраніе своевольныхъ людей, или лучше сказать, въ сборище убійцъ и грабителей и само общество быстро бы уничтожилось. Такимъ образомъ,

нравственность личная, являясь началомъ, сдерживающимъ неразумную и злую волю человѣка, необходима какъ сила внутренняя для жизни общества, т. е. государства. Присутствіе въ государствѣ однихъ законовъ, сдерживающихъ неразумную и злую волю, безъ нравственности недостаточно, такъ какъ они являются силою внѣшнею по отношенію къ обществу. Всякое же явленіе въ природѣ сопровождается дѣйствіемъ силъ внутреннихъ и силъ внѣшнихъ.

В. Что есть нравственность государственная?

О. Это есть проявленіе воли государства, основанное на законахъ природы и направленное къ его благу.

В. Почему нравственность личная не допускаетъ посягательства на жизненныя потребности, слѣдовательно и права другого лица, а нравственность государственная допускаетъ посягательство на жизненныя потребности и права другого государства?

О. Такъ какъ природа не заботится о сохраненіи жизни и потребностей отдѣльнаго лица, то люди сами должны заботиться объ этомъ въ интересахъ жизни общества (безъ отдѣльныхъ личностей нѣтъ и общества и значитъ сохраненіе жизненныхъ интересовъ каждаго лица-есть необходимое условіе существованія общества). Но природа заботится о сохраненіи народа или государства и потому со стороны государства нѣтъ необходимости въ условіи сохраненія жизненныхъ интересовъ другого государства, по природѣ своей ему враждебнаго и чужого.

В. Почему нравственность укрѣпляетъ государство?

О. Потому, что она есть необходимое условіе для существованія жизни государства.

В. Что есть дисциплина?

О. Это есть обязательство не только за страхъ, но и за совѣсть, выполненія и подчиненія правиламъ, законамъ и старшинству.

В. Почему дисциплина духа лучше дисциплины страха, т. е. показной, наружной дисциплины?

О. Потому, что дисциплина духа проходитъ черезъ сознаніе, а показная проходитъ только черезъ воспріятіе; прошедшее черезъ сознаніе становится постояннымъ, неизбѣжнымъ и должнымъ; прошедшее черезъ воспріятіе является требованіемъ временнымъ и необязательнымъ; при дисциплинѣ духа правила и законы выполняются; при показной же, они выполненіемъ избѣгаются.

В. Что есть семья?

О. Семья есть основная ячейка въ ульѣ государства; она есть камень въ зданьи его.

В. Почему дисциплина духа нужна и въ семьѣ?

О. Чѣмъ прочнѣе камень, изъ коего сложено зданіе, тѣмъ прочнѣе само зданіе; чѣмъ прочнѣе устои и благосостояніе семьи, тѣмъ прочнѣе

государство. Но для прочности всякаго общества (государства) и основной его ячейки семьи,—нужны силы внутреннія и силы внѣшнія; силы внутреннія достигаются любовью, вѣрностью и нравственностью, силы же внѣшнія—достигаются среди другихъ причинъ и сознательною дисциплиною.

В. Почему дисциплина духа укрѣпляетъ государство?

О. Потому, что она и является силою внѣшнею, связующею общество, т. е. государство.

В. Почему укрѣпляютъ жизнь государства трудъ и знанія?

О. Потому, что они суть силы созидательныя, а не разрушительныя. Только трудъ и знаніе служатъ источниками питанія и физической жизни; только они служатъ источниками развитія духа.

В. Что на пути жизни держитъ государство?

О. Держатъ: 1) тѣ причины, что укрѣпляютъ жизнь его; и кромѣ нихъ 2) ясные, твердые, соотвѣтствующіе уровню развитія народовъ, законы; 3) твердая, сильная, власть; 4) сильное духомъ и тѣломъ, проникнутое патріотизмомъ и дисциплиною войско, вооруженное сообразно требованіямъ времени.

В. Почему законы должны быть ясны?

О. Что-бы они были всѣмъ понятны и не могли быть истолковаемы въ разныхъ смыслахъ.

В. Почему законы должны быть тверды?

О. Чтобы они не потакали страстямъ человѣческимъ, такъ какъ страсти, будучи плодомъ неразумной и, слѣдовательно, нецѣлесообразной воли,—ведутъ къ худшему.

В. Почему законы должны быть соотвѣтствующими уровню развитія народовъ?

О. Потому, что нельзя жестокому дикарю давать милосердные законы, ибо онъ употребитъ ихъ во зло окружающимъ, т. е. обществу; нельзя человѣку безнравственному и распущенному—давать законы цѣломудренные и кроткіе, ибо онъ будетъ надъ ними издѣваться и употребитъ во зло; въ то же время нельзя человѣку развитому и нравственному давать законы ограничительные и жестокіе, ибо онъ не можетъ въ нихъ жить и погибнетъ. Такимъ образомъ законы должны соотвѣтствовать и сообразоваться со среднимъ развитіемъ людей, составляющихъ данный народъ.

В. Какимъ образомъ сильная и твердая власть, ясные и твердые законы держатъ жизнь государства?

О. Такимъ же, какимъ сильная и здоровая нервная система держитъ органы тѣла и направляетъ ихъ къ разумной цѣли, ибо власть есть нервная система государства, а законы есть ея распоряженія.

В. Что есть войско?

О. Это есть дѣйствительное (реальное) воплощеніе духовной и физической мощи государства; это есть его органъ защиты и нападенія.

В. Для чего служитъ войско?

О. Для сохраненія и огражденія цѣлости и спокойствія государства отъ враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ и для пріобрѣтенія запасовъ жизненной энергіи для государства, т. е. для завоеваніе земель и водъ.

В. Естественно-ли и необходимо ли существованіе войска въ государствѣ?

О. Всякій живой организмъ въ природѣ имѣетъ органы защиты и нападенія и уже по одному этому существованіе войска естественно. Вмѣстѣ съ тѣмъ, сама жизнь для всякаго живущаго существа желательна и неизбѣжна; законъ борьбы за существованіе тоже неизбѣженъ, слѣдовательно борьба съ окружающими для живущаго неизбѣжна и необходима; въ обществѣ человѣческомъ борьба происходитъ не только въ области духа, но и въ области физической; для веденія же борьбы нужны органы, т. е. въ людскомъ обществѣ войско; поэтому существованіе войска и необходимо.

В. Мы знаемъ и видимъ, что человѣчество развивается духовно и становится все менѣе жестокимъ. Развѣ не можетъ случиться, что борьба за существованіе между народами, или государствами обратится только въ сторону духа и продуктивнаго труда, а борьба физическая, т. е. войны, прекратится?

О. Это можетъ случиться только тогда, когда всѣ люди, т. е. всѣ народы станутъ совершенными, т. е. когда тѣло и душа у всѣхъ будутъ совершенны. А это произойдетъ въ отдаленномъ будущемъ. До тѣхъ же поръ, пока человѣчество будетъ обладать несовершенными тѣломъ и духомъ, до тѣхъ поръ въ государствѣ будетъ и войско и будутъ вестись войны, ибо воля мысли, чувства и страсти человѣческія зависятъ не только отъ души, но и отъ тѣла. А отъ воли мыслей, чувства и страстей, вызванныхъ инстинктомъ самосохраненія и борьбою за существованіе, зависитъ много и въ жизни человѣчества, и подъ дѣйствіемъ ихъ и возникаютъ и ведутся войны.

В. Что есть война?

О. Война есть одинъ изъ видовъ борьбы за существованіе; она есть послѣдній способъ рѣшенія спорныхъ вопросовъ между народами и государствами; она есть одно изъ неизбѣжныхъ проявленій жизни, ибо избѣжать дѣйствія на себя закона борьбы за существованіе и инстинкта самосохраненія—человѣчество не можетъ, какъ не можетъ избѣжать неизбѣжности питанія и размноженія.

В. Не есть ли война зло, ибо причиняетъ горе, страданія и смерть и не должно ли противъ ея бороться?

О. Всякое явленіе въ природѣ для насъ есть добро и зло. Такъ и война. Она есть зло постольку, поскольку причиняетъ потери, страданія и смерть; она есть добро постольку, поскольку приноситъ пріобрѣтенія, радость подъема духовныхъ и тѣлесныхъ силъ и удовлетвореніе сознанія исполненнаго передъ родиною долга. Такъ какъ человѣкъ существо разумное, цѣнящее выше милосердіе, чѣмъ жестокость; спокойную жизнь выше, чѣмъ тревоги, то слѣдуетъ, что народы и государства должны избѣгать веденія войнъ безъ достаточныхъ основаній. Но, если другого способа рѣшить спорные вопросы нѣтъ, то веденіе войны становится для борющихся священною обязанностью, ибо во всякой войнѣ поднимается вопросъ свободы, цѣлости и жизни народа или государства.

В. Какимъ образомъ войско держитъ жизнь государства?

О. Какъ сила физическая, оно внутри государства удерживаетъ народы въ повиновеніи властямъ и законамъ; какъ та же сила внѣ государства—оно удерживаетъ враговъ отъ посягательства на цѣлость и спокойствіе его.

В. Что направляетъ жизнь государства?

О. Направляетъ ее: 1) разумное пониманіе цѣли жизни государства и его интересовъ властью (разумная національная политика) и 2) духъ національнзма.

В. Какимъ образомъ политика власти и духъ національнзма направляютъ жизнь?

О. Такъ какъ власть въ государствѣ служитъ источникомъ законовъ и государственныхъ предпріятій, а эти элементы ведутъ жизнь или въ сторону добра для государства, или зла, т. е. имѣютъ направленіе, то и политика власти даетъ направленіе жизни. Такъ какъ, по третьему началу государственной жизни, оно должно быть преемственно національнымъ, то преемственность и указываетъ собою путь, по коему должна слѣдовать жизнь государства; а всякій путь имѣетъ направленіе.

VII.

О причинахъ, разрушающихъ государство.

В. Какія причины разрушаютъ государство?

О. Разрушаютъ его: 1) отсутствіе любви къ родинѣ въ господствующемъ народѣ; 2) отсутствіе въ немъ духа національнзма; 3) слабая власть и слабые законы; 4) непониманіе властью интересовъ государства (ошибочная политика); 5) лѣнь и косность преимущественно господствующаго народа; распутство и невоздержанность; изнѣженность и безволіе, преимущественно того же народа; 6) враги внѣшніе и внутренніе и 7) ложныя ученія объ устройствѣ государства.

В. Почему отсутствіе любви къ родинѣ разрушаетъ государство?

О. Потому, что любовь вызываетъ единеніе и крѣпость; отсутствіе же любви вызываетъ равнодушіе, разъединеніе и распаденіе, т. е. разрушеніе.

В. Почему отсутствіе духа національнаго разрушаетъ государство?

О. Потому, что оно равносильно отсутствію корня, питающаго растеніе, или отсутствію жизненной силы духа въ живомъ организмѣ. Безъ корня растеніе трупъ; безъ жизненной силы организмъ трупъ; безъ національнаго государство трупъ, а трупъ есть одна изъ крайнихъ ступеней разрушенія.

В. Почему слабая власть и слабые законы разрушаютъ жизнь государства?

О. Потому, что они даютъ возможность проявленія страстямъ и злой волѣ; а эти элементы разрушительные.

В. Почему ошибочная политика власти разрушаетъ?

О. Потому, что ошибки приносятъ вредъ и ущербъ, а они есть свойства разрушенія.

В. Почему лѣнь и косность разрушаютъ?

О. Потому, что лѣнь и косность противоположны труду и знанію, силамъ созидательнымъ, т. е., они есть силы разрушающія.

В. Почему распутство и невоздержанность разрушаютъ?

О. Потому, что они представляютъ собою большую и непроизводительную (напрасную) трату силъ тѣла и духа, идущую только на чувственность: трата силъ на чувственность совершается въ короткій промежутокъ времени и потому она подобна удару въ механикѣ, т. е. влечетъ потерю живой силы, жизни.

В. Почему изнѣженность и безволіе разрушаютъ?

О. Потому, что эти свойства, будучи противоположны свойствамъ крѣпости и воли, силамъ созидательнымъ, означаютъ собою дряблость и слабость, а эти качества есть признаки разрушенія.

В. Почему вышеуказанныя отрицательныя свойства разрушаютъ государство, когда они проявляются преимущественно въ господствующемъ народѣ?

О. Потому, что господствующій народъ есть остовъ государственнаго организма, есть его основа; подчиненные же народы до тѣхъ поръ, пока они не слились въ одно цѣлое съ господствующимъ народомъ, являются только придатками. Болѣзни же основъ сильнѣе разрушаютъ организмъ, чѣмъ болѣзни придатковъ.

В. Что есть враги внѣшніе?

О. Это есть народы, живущіе за предѣлами даннаго государства и, въ силу жизненнаго роста и запросовъ жизни, посягающіе на его цѣлость и спокойствіе.

В. Что есть враги внутренніе?

О. Этоесть: 1) народы подчиненные, живущіе въ государствѣ, но стремящіеся отъ него отдѣлиться; 2) люди, показывающіе наружно преданность и вѣрность отечеству, но въ дѣйствительности, изъ личныхъ выгодъ, передающіе врагамъ его тайно его вооруженія и средства защиты и тѣмъ причиняющіе ему вредъ; это такъ называемые «измѣнники»; 3) народы подчиненные, стремящіеся изъ своихъ выгодъ незаконными способами захватить главенство въ свои руки; 4) люди, стремящіеся или по невѣдѣнію, или изъ выгодъ ослабить, подорвать жизнь, разложить, разъединить духъ единенія въ государствѣ, духъ національнзма и любви къ родинѣ.

В. Почему народы, стремящіеся отдѣлиться отъ государства, являются его врагами?

О. Потому, что они этимъ стремленіемъ разрушаютъ цѣлость государства и отнимаютъ тѣ земли и воды, на коихъ живутъ, но кои принадлежатъ государству, составляютъ его достояніе и священное наслѣдіе для господствующей націи, т. е. подрываютъ силы этой націи.

В. Почему измѣнники являются врагами?

О. Потому, что дѣйствуя тайно, приносятъ государству тайную, слѣдовательно, неизлѣчимую болѣзнь.

В. Какимъ образомъ народы, стремящіеся захватить господство въ свои руки, могутъ ослаблять и подрывать его жизнь?

О. Они могутъ, дѣйствуя способами беззаконными и тайными и скрывая истинную цѣль, захватить въ свои руки власть, богатства, т. е. дѣйствительное господство, отстраняя медленно, но послѣдовательно, отъ главенства законную власть и естественныхъ господъ націю, создавшую и составляющую ядро государства, которая только и имѣетъ право на богатства государства.

Средствами къ тому служатъ: 1) отвлеченіе вниманія какъ власти, такъ и господствующей націи отъ грозящей имъ опасности, распространеніемъ ложныхъ взглядовъ и ученій; извѣстій, не идущихъ къ дѣлу; изращеніемъ дѣйствительной жизни; распространеніемъ свѣдѣній о мнимыхъ своихъ бѣдахъ и угнетеніяхъ—все это посредствомъ печати и устныхъ передачъ; 2) организаціей тайныхъ обществъ, имѣющихъ цѣлью расшатать мощь государства, но для не посвященныхъ въ тайны какъ будто стремящихся къ улучшенію крѣпости и жизни государства; 3) подкупы людей, власть имущихъ; 4) нарушеніе и обходы законовъ и толкованіе ихъ въ свою пользу; 5) захватъ богатствъ государства безъ потери труда, создающаго эти богатства, путемъ обмана, ростовщичества и барышничества. Дѣйствуя беззаконно и, въ большинствѣ случаевъ, тайно, народы эти, захватывая господство, тѣмъ самымъ отнимаютъ и подрываютъ благосостояніе и жизнь господствующей націи, подрываютъ ис-

точники питанія корня государства и, слѣдовательно, являются его врагами.

В. Что есть ложное ученіе?

О. Ученіе, несогласное съ законами природы и, какъ таковое, вредное для жизни.

В. Какія это ученія?

О. Ученія соціализма и крайности его—анархизма.

В. Въ чемъ заключается ученіе соціализма?

О. Оно заключается въ признаніи и требованіи: 1) равенства, во имя свободы личности и братства всѣхъ, на блага жизни всѣхъ людей; 2) равенства народовъ передъ законами; 3) отсутствія, во имя равенства, личной собственности; 4) подчиненія и порабощенія, во имя того же равенства, личности обществу и 5) отрицанія государства, патріотизма и національнизма; признаніе единаго общества, единаго государства—космополитизма.

В. Почему ученіе соціализма ложно?

О. Потому, что 1) равенство всѣхъ людей на блага жизни противорѣчитъ закону борьбы за существованіе и простѣйшему правилу справедливости, т. е. закону воздаяній. Кто изъ умныхъ и сильныхъ отдастъ заработанное глупому и слабому? Первый же догматъ соціализма требуетъ этого и примѣненіе его въ жизни повлечетъ тунеядство и анархію. Природа смѣется надъ этимъ измышленіемъ соціалистовъ и не создаетъ во всемъ мірѣ даже двухъ людей, во всемъ другъ другу подобныхъ, т. е. имѣющихъ равныя права на блага жизни; 2) равенство народовъ передъ законами противорѣчитъ началу сохраненія природою видовъ; 3) отсутствіе (насильственное) частной собственности противорѣчитъ закону воздаяній; 4) подчиненіе и порабощеніе личности обществу противорѣчитъ началу естественнаго отбора (улучшеніе человѣка) и возвращаетъ человѣчество къ бытію дикаря, изъ котораго оно ушло путемъ долгаго опыта и долгихъ страданій; 5) отрицаніе государства и признаніе космополитизма противорѣчитъ естественному строю жизни человѣчества, выработанному имъ, на основаніи закона борьбы за существованіе, путемъ долгаго опыта и страданій.

Если бы ученіе соціализма было естественно и правильно, то многократныя попытки послѣдователей примѣнить его въ жизни удавались бы; но въ дѣйствительности, ни одна изъ нихъ не прожила даже нѣсколькихъ лѣтъ.

В. Въ чемъ заключается ученіе анархизма?

О. Оно заключается въ признаніи полной свободы личности и космополитизма вмѣстѣ съ отрицаніемъ семьи, государства, власти и частной собственности.

В. Почему ученіе анархизма ложно?

О. Потому, что оно противорѣчитъ тѣмъ же законамъ природы и ея началамъ, что и соціализмъ, хотя ему противоположно: въ немъ личность подчиняетъ общество, а въ соціализмѣ общество подчиняетъ себѣ личность. Какъ крайности ученія объ устройствѣ жизни человѣчества оба они не есть истинны, оба противорѣчатъ законамъ природы, создавшимъ семью, государство, власть, частную собственность, законы общежитія, культуры и требованія нравственности.

Оба они, разрушая основы жизни человѣчества, признавая нужными насильственныя мѣры, вплоть до убійства, будто бы нужны для преобразованія общественнаго строя и, выказывая нетерпимость и презрѣніе ко всему, что съ ними несогласно, дѣлаютъ послѣдователей ихъ врагами не только государства, но и всего человѣчества.

Безумные слѣпцы! они закрываютъ глаза на дѣйствительный міръ Божій, на непреложные законы Создателя, вложенные Имъ въ каждый камень, каждое растеніе и каждый одушевленный организмъ,—ибо они ослѣплены фанатизмомъ.

VIII.

О цѣли жизни государства.

В. Какіе законы и силы природы обусловливаютъ жизнь государства?

О. Ее обусловливаютъ законы: воздаянія и вытекающіе изъ него законы наслѣдственности; начало соединенія или совокупленія; законъ борьбы за существованіе; начало стремленія къ жизни и вытекающій изъ него инстинктъ самосохраненія; принципъ сохраненія видовъ.

В. Какую цѣль имѣетъ законъ воздаяній?

О. Онъ имѣетъ цѣлью удержать за организмомъ его развитіе, пріобрѣтенія, родовыя особенности духовныя и физическія. Онъ имѣетъ цѣлью воздать каждому по дѣламъ его: добро, сдѣланное кѣмъ-либо, остается при немъ и возвращается къ нему; зло, сдѣланное кѣмъ-либо, остается при немъ и возвращается къ нему; трудъ, исполненный кѣмъ либо, приноситъ плоды и эти плоды принадлежатъ потрудившемуся. Законъ воздаяній—есть Божеская справедливость на землѣ.

В. Какую цѣль имѣетъ начало соединенія или совокупленія?

О. Оно имѣетъ цѣлью сдѣлать жизнь въ мірѣ непрерывною. Во всякомъ живомъ организмѣ, въ составляющихъ его клѣткахъ, вложенъ вполнѣ опредѣленный запасъ силъ, по изсякновеніи котораго организмъ умираетъ. Для возобновленія жизни этотъ организмъ долженъ соединяться или совокупляться съ другимъ, подобнымъ ему организмомъ и соединеніе ихъ даетъ жизнь новому организму, подобному двумъ первымъ и про-

должающему жизнь ихъ. Народы и государства не избавлены отъ этого же начала и если они желаютъ жить произвольно долго, они не избѣжно должны пополнять изсякающій у нихъ запасъ силъ соединеніемъ, въ одно цѣлое духовно и физически, съ другими народами или другими государствами. Начало соединенія даетъ такимъ образомъ все новые и новые запасы силъ.

В. Какую цѣль имѣетъ законъ борьбы за существованіе?

О. Онъ имѣетъ цѣлью усовершенствованіе организмовъ, ведя ихъ по пути жизни. Онъ имѣетъ конечною цѣлью—полное совершенство. Дѣйствіе его постоянно и непрерывно. Если бы прекратилось его дѣйствіе, то прекратилось бы и усовершенствованіе, т. е. развитіе, т. е. жизнь застыла бы въ опредѣленныхъ видахъ и формахъ. Но застывшія формы, не поддающіяся развитію, природа обрекаетъ на смерть. Человѣкъ, будучи существомъ двухъ стихій: разума и тѣла, чтобы не быть обреченнымъ на вымираніе, долженъ развивать въ равновѣсіи умъ и тѣло и чѣмъ полнѣе равновѣсіе, тѣмъ совершеннѣе будетъ онъ самъ. Ослабленіе, или неразвитіе одной изъ стихій повлечетъ за собою вырожденіе этой стихіи, а ея вырожденіе повлечетъ за собою вырожденіе всего человѣка, ибо неразвитіе духа и развитіе одного тѣла поведетъ къ одичанію и гибели; неразвитіе же тѣла и развитіе одного духа поведетъ къ измельчанію, одряхлѣнію и вырожденію, т. е. гибели.

Но развитіе достигается только закономъ борьбы и потому, чтобы развиваться и усовершенствоваться, человѣкъ, а слѣдовательно и государство, должны бороться съ одушевленной и неодушевленной природой.

В. Какую цѣль имѣетъ начало стремленія къ жизни и инстинктъ самосохраненія?

О. Они имѣютъ цѣлью удержать жизнь въ организмѣ, поддержать эту жизнь. Для каждаго организма, въ силу стремленія къ жизни, эта жизнь становится желанною, необходимою и неизбѣжною. Инстинктъ же самосохраненія заставляетъ и заставитъ организмъ принимать всѣ мѣры къ сохраненію жизни, т. е. бороться съ окружающими враждебными элементами всѣми зависящими отъ него средствами; въ частности—человѣка, народъ и государство заставляетъ и заставитъ бороться духовно и физически.

В. Неужели борьба въ человѣчествѣ будетъ вѣчно, пока оно существуетъ?

О. Да, она будетъ вѣчною, ибо законы природы вѣчны. Но такъ какъ человѣкъ существо двухъ стихій: разума и тѣла, то борьба совершается и будетъ совершаться въ области обѣихъ стихій; но она можетъ принимать различные виды и можетъ обратиться, по разумной необходимости, только въ область разума, т. е. прекратиться въ области тѣла.

Цѣль государства.

В. Какою же представляется цѣль жизни государства?

О. Государство есть часть человѣчества. Жить—укрѣпляться, развиваться, расширяться, т. е. покорять все новыя земли и воды и чужіе народы, живущіе на нихъ, а покоривъ соединяться съ ними, уподоблять ихъ себѣ, превращать всѣ подчиненные народы въ одно опредѣленное цѣлое и развивать этотъ цѣлый народъ, совершенствовать его, — вотъ ближайшая цѣль жизни государства. Однимъ же опредѣленнымъ самодовлѣющимъ и самымъ сильнымъ элементомъ въ государствѣ—является его господствующая нація, поэтому сліяніе въ одно цѣлое неизбѣжно должно идти въ господствующей націи.

Стремиться къ господству надъ міромъ и господству надъ природою, стремиться къ полному совершенствованію своихъ сочленовъ (подданныхъ), вотъ дальнѣйшая цѣль жизни государства.

И когда въ мірѣ будетъ одно государство, будетъ одинъ народъ одного происхожденія, когда люди станутъ совершенными, тогда наступитъ царство любви и красоты.

И путь къ этому—путь естественна горазвитія государства, его укрѣпленія расширенія, и усовершенствованія въ духѣ господствующей націи.

В. Какова конечная цѣль совершенства?

О. Вотъ цѣль существованія рода человѣческаго: безсмертіе и блаженство.

Вотъ средство къ достиженію этого: полное совершенство.

Вотъ путь къ достиженію совершенства: познаніе божества и его вѣчныхъ законовъ и познаніе всей природы во всей полнотѣ.

Вотъ путь къ познанію: науки и развитіе въ равновѣсіи разума и тѣла по законамъ божества природы.

Вотъ путь къ развитію: трудъ для пріобрѣтенія богатствъ естественныхъ, т. е. для обладанія міромъ и пріобрѣтенія знаній для накопленія богатствъ духовныхъ.

Вотъ средство къ труду и знанію: жизнь въ средѣ себѣ подобныхъ, въ средѣ общества, родного по разуму и сердцу, и заботы объ укрѣпленіи, развитіи и расширеніи этого общества (государства) въ духѣ истинной вѣры и благочестія, въ духѣ любви къ отечеству (патріотизма) и единства (національзма).

Такова конечная цѣль жизни государства.

О Россіи.

I.

В. Что есть Россія, или Россійская Имперія?

О. Это есть одна изъ міровыхъ державъ, основанная народомъ арійскаго, благороднаго происхожденія, нашими предками славянами. Россія

это есть милое, дорогое и священное для насъ русскихъ наше отечество; она есть мать наша, насъ любящая, насъ воспитавшая и давшая намъ силы жизни. Она есть священное бѣлое знамя мирнаго труда (а не красное, кровавое знамя отщепенцевъ человѣчества), подъ которымъ мы русскіе соединяемся для мирнаго нашего развитія и преуспѣянія и за которое мы съ радостью готовы сложить головы. Имя ея, какъ конечной цѣли нашихъ желаній, полученія совершенства, написано огненными буквами въ сердцахъ нашихъ.

Нѣтъ возвышеннѣе желаній, какъ желанія ей добра, нѣтъ святѣе и милѣе труда, какъ трудъ на пользу ея и нѣтъ славнѣе и пріятнѣе смерти, какъ смерть за честь, жизнь и достояніе ея.

В. Что святѣе ее на свѣтѣ?

О. Одинъ Богъ.

В. Что милѣе всего на свѣтѣ?

О. Родина мать.

В. Что дороже всего на свѣтѣ?

О. Ея жизнь, честь и слава.

В. Какія земли и воды составляютъ Россію?

О. Земли и воды древней Руси и древняго царства московскаго, составляющія коренную Россію: Кавказъ съ Закавказьемъ, Крымъ, Молдавія и Валахія, Польша, Литва, Прибалтійскій край, Финляндія, Сибирь западная и восточная, Камчатскій и Уссурійскій края, Средняя Азія съ Бухарой и Хивой; моря Каспійское, Черное, Восточные берега Балтійскаго моря и Ботническій заливъ, Финскій заливъ, Бѣлое море, южные берега Ледовитаго океана съ островами при нихъ, западные берега Великаго океана до залива Посьета и бухты Гашкевича съ морями Беринговымъ и Охотскимъ. Это земли и воды, оставленныя намъ отцами нашими и пріобрѣтенныя ими для насъ кровію и страданіями своими и потому составляющія для насъ священное наслѣдіе, которое оберегать, хранить отъ распада и отнятія мы обязаны не щадя жизни, такъ какъ земли и воды суть носители жизни.

В. Какіе народы населяютъ Россію?

О. Населяютъ: великороссы, малороссы, бѣлороссы, — признаваемые нами за одинъ великій и сильный народъ русскій, составляющій господствующую націю Россіи, ибо предками ихъ она была создана. Затѣмъ: грузины, татарскіе народы, населяющіе Кавказъ, Среднюю Азію, Сибирь и поволжье; сарты, армяне, монгольскія племена, населяющія Лапландію, Бѣломорье, Уралъ и всю Сибирь; нѣмцы, латыши, финны, поляки и евреи.

В. Какіе народы изъ нихъ правомочны, т. е. имѣютъ право на признаніе правъ жизни ихъ въ Россіи?

О. Всѣ тѣ народы, что входя въ составъ Росссіи, вносили съ собою въ ея общую сокровищницу источники жизненной энергіи, т. е. земли и воды.

В. Есть ли народы въ Россіи, которые должны быть признаны неправомочными?

О. Есть одинъ народъ, не внесшій съ собою въ сокровищницу нашего отечества никакого достоянія; это—евреи, кочхъ въ XV столѣтіи Польша, частью изъ милости, частью за деньги, пустила жить на принадлежавшія ей тогда земли Литвы; но за это сама же поплатилась ускореніемъ своей гибели и раздѣла. Мы русскіе, должны помнить этотъ великій урокъ исторіи.

II.

В. Какъ и кѣмъ создалась Россія?

О. Она создалась трудами и завоеваніями, кровью и страданіями предковъ нашихъ славянъ; заботами и трудами царей нашихъ; доблестями войска нашего. Въ сердцахъ славянъ она зародилась; среди довольства и, сравнительнаго благополучія, подъ сѣнью кіевскихъ великихъ князей,—она провела свои первые дни младенчества; затѣмъ наступила смертельная болѣзнь: татарское иго, надъ которой ея молодыя силы взяли верхъ и, подъ щитомъ великаго княжества и царства московскаго, она стала оправляться отъ той болѣзни, крѣпнуть и расти. Горячечная болѣзнь смутнаго времени чуть не свела ее въ могилу, но горячая любовь къ родинѣ и высокій духъ національнаго возродили ее вновь. Съ тѣхъ поръ Россія быстро дошла до настоящихъ предѣловъ во внѣшней жизни; медленно но неуклонно шла, до послѣдняго времени, по пути развитія внутри. Быстрому развитію препятствовала внутренняя затяжная болѣзнь—крѣпостное иго. Великій Петръ пріобщилъ ее внѣшне къ народамъ благородныхъ арійцевъ, по плоти и крови къ которымъ русскіе и принадлежатъ; а величайшій нашъ Царь—Царь-Освободитель и Державный внукъ его — нашъ Императоръ Николай пріобщили ее къ тѣмъ же арійскимъ народамъ и во внутренней жизни.

Теперь Россія, изволеніемъ Бога, снова подверглась смертельной опасности: внутренней болѣзни развала, отъ которой только любовь къ родинѣ, сознательный національнизмъ, при поддержкѣ Верховной власти, могутъ ее спасти.

III.

В. Чѣмъ Россія живетъ?

О. Физически она живетъ преимущественно плодами земледѣльческаго труда коренного населенія, господствующей націи,—русскихъ. Ея промышленность и торговля имѣютъ въ ея жизни второстепенное значеніе, а прививаемая ей фабрично-заводская промышленность, съ привлеченіемъ иностранныхъ капиталовъ—въ концѣ-концовъ ведутъ къ ея обнищанію. Поэтому надо помнить, что основной кормилецъ Россіи—есть нашъ русскій крестьянинъ, почему первыя заботы въ благоустройствѣ Россіи должны

быть направлены на него. Духовно Россія должна была-бы жить національ лизмомъ и патріотизмомъ, т. е.: 1) тѣми богатыми по своему содержанію, благородными, сердечными и милыми, и священными для насъ русскихъ, наслѣдіями духа нашихъ предковъ: вѣрою, вѣрованіями, обрядами, сказаніями, былинами, пѣснями и 2) развитіемъ литературы, искусствъ и наукъ, преемственно связанныхъ съ духомъ предковъ. Необходимость связи нашей духовной жизни съ духомъ предковъ вытекаетъ изъ третьяго начала государственной жизни.

Это священное наше наслѣдіе: произведенія духа предковъ, для насъ милы потому, что они родныя; благородны и сердечны потому, что основаны и заимствованы отъ природы и проникнуты любовію къ ней; мудры потому, что почерпнуты изъ источника истинной мудрости-природы. Но, къ горю отечества, мы удаляемся все больше отъ живительнаго источника жизни Россіи: передовой классъ, такъ называемая русская интеллигенція, долженствующая вести Русь по пути національной культуры, но воспитанная врагами отечества въ мертвящихъ и разлагающихъ ученіяхъ космополитизма и соціализма,—уже не понимаетъ національной культуры; а простой народъ русскій, по своему невѣжеству,—отвлекся въ сторону разнузданности воли и страстей.

Вѣра превратилась въ безвѣріе; сказанія, вѣрованія, обряды, былины—забыты; наука въ загонѣ, ибо тѣ, кто долженъ двигать ее, предпочитаютъ заниматься краснобайствомъ и политиканствомъ; искусства и литература пали до безнравственности, благодаря разлагающему вліянію инородцевъ.

IV.

В. Что держитъ и направляетъ Россію?

О. Держитъ ее теперь только Самодержавная верховная власть и ничто не направляетъ ея жизни и политики.

Живительныя силы природы: любовь къ Богу, Церкви, Царю и отечеству, національнизмъ и осмѣиваются, какъ пережитокъ варварства.

Нравственность личная и общественная отрицаются, какъ ненужный балластъ сантиментальности.

Дисциплина духа въ семьѣ и обществѣ отсутствуетъ за одичаніемъ нравовъ, развращенныхъ современной распутной печатью, литературой и разлагающими ученіями соціализма.

Трудъ, вмѣсто благословенія неба, сталъ наказаніемъ ада, вслѣдствіе того, что мы отдалились отъ природы, и вслѣдствіе отуманенія неестественными идеями равенства и братства всѣхъ.

Знанія въ загонѣ, потому что, непонятнымъ образомъ, во главѣ научныхъ силъ русскихъ оказались враждебные инородцы, предпочитающіе лучше сѣять смуту, чѣмъ учить и изучать истину.

Законы наши слабы и не отвѣчаютъ развитію народныхъ массъ, чѣмъ поощряется ихъ же нарушеніе. Въ основу нашихъ законовъ [положенъ кодексъ Юстиніана, касавшійся въ свое время римскихъ гражданъ, достигшихъ тогда высокаго развитія духа. Естественно, что этотъ кодексъ не соотвѣтствуетъ развитію нашего народа, еще не вышедшаго изъ отроческаго возраста. У насъ такая язва, разрушающая основу государства—семью, какъ жестокость мужей къ женамъ и дѣтямъ,—не имѣетъ отдѣльнаго устава возмездія. Въ простомъ народѣ, какъ извѣстно, въ большинствѣ случаевъ мужъ звѣрски бьетъ жену, дѣтей, увѣчитъ ихъ и этимъ причиняетъ горе, слезы, болѣзни, озлобленія, разрозненность въ семьѣ, разрушая единеніе и любовь, т. е. основы государства. По нашимъ дряблымъ законамъ это государственное преступленіе—почти ненаказуемо.

Нужно признаться что кромѣ одной Самодержавной верховной власти, ни одна другая живая, природная сила не участвуетъ въ укрѣпленіи, удержаніи и направленіи Россіи.

V.

В. Что разрушаетъ Россію?

О. Ее разрушаютъ: 1) отсутствіе любви къ родинѣ и духа національности въ насъ русскихъ; полная разрозненность и нежеланіе помогать другъ другу между нами; 2) слабые наши законы; 3) слабая не національная исполнительная власть и не національная ихъ политика; 4) невѣжество, лѣнь, косность, разрозненность какъ правящихъ классовъ, такъ и насъ всѣхъ русскихъ, повлекшія за собою паденіе вѣры, любви къ родинѣ и природѣ, нравственности и дисциплинѣ; 5) изнѣженность и обособленность нашихъ руководящихъ классовъ; 6) широкое распространеніе и превратное толкованіе соціалистическихъ ученій и 7) враги внѣшніе и внутренніе.

В. Какъ могло случиться, что въ Россіи, славившейся патріотизмомъ и національностью, пало то и другое?

О. При такой неподготовленности массы, слабые законы наши совмѣстно со слабостью, за послѣднія двѣсти лѣтъ, нашихъ руководящихъ классовъ, допустили вторженіе въ духовную область народа разлагающихъ ученій и превратныхъ толкованій наукъ, изучаемыхъ даже руководящимъ классомъ поверхностно. А это повлекло за собою паденіе патріотизма и національности. Пока въ руководящемъ классѣ нашемъ—дворянствѣ хранился запасъ природныхъ духовныхъ силъ, до тѣхъ поръ жила и укрѣплялась Россія. Теперь эти силы изсякаютъ, или даже изсякли. Путь къ оздоровленію—это пробужденіе во всемъ русскомъ народѣ прежняго духа любви къ родинѣ и единенію, и допущеніе къ власти лучшихъ людей изъ русскаго народа.

В. Какія причины повели къ невѣжеству, лѣни, косности, разрозненности нашъ русскій народъ, и къ изнѣженности, безволію и разложенію нашъ правящій классъ?

О. Тѣ же причины: 1) татарское иго, 2) крѣпостное право,—обѣ причины, отлучившія массы отъ самостоятельности и свободнаго труда и 3) ошибочное и неумѣлое, со стороны руководящихъ классовъ, направленіе жизни русскаго народа послѣ его раскрѣпощенія, 4) поверхностное изученіе наукъ и воспріятіе (ложныхъ) соціалистическихъ ученій. Развѣ не видимъ мы паденія вѣры, нравственности, дисциплины, трудолюбія въ насъ самихъ? Развѣ не наблюдаемъ мы неестественнаго безразличія (равнодушія) къ тому: кого мы избираемъ въ Государственную Думу и кто захватываетъ наши богатства. Экзамены, произведенные исторіей нашему государству за послѣднія сто лѣтъ: Севастополь, турецкая война,—доказали разложеніе руководящаго класса и цѣльности народа; японская же война и событія 1905—1908 годовъ доказали разложеніе и самого народа.

В. Почему наша власть стала слабою и не національною.

О. Стала слабою она потому, что среда, питавшая власть, благодаря крѣпостному праву, отучилась отъ труда, общенія съ природою и народомъ; стала не національною потому, что съ Петра Великаго къ власти стали привлекаться все больше и больше инородцы, не могущіе понимать духа Россіи.

В. Почему соціалистическія (ложныя) ученія получили у насъ широкое распространеніе?

О. Потому, что 1) народъ, находясь во мракѣ, будучи непросвѣщеннымъ и довѣрчивымъ какъ дитя (какъ и всякій дикарь), не могущимъ отличить ложь отъ истины и полезное отъ вреднаго, принимаетъ все за истину, особенно, когда ложь напечатана и когда она проповѣдуется въ туманной и крикливой формѣ, чѣмъ преимущественно и отличаются всѣ революціонно-соціальныя ученія; 2) потому, что руководящіе классы не съумѣли во-время открыть глаза народу на истину, а въ большинствѣ случаевъ и сами, стоя далеко отъ природы, не зная ея законовъ, становились послѣдователями этихъ ученій. Замѣчательно, что ярыми до фанатизма революціонерами во всѣхъ странахъ являются люди незрѣлаго возраста, недоучившіеся, выкинутые за бортъ корабля жизни, или же люди воспитанные на отвлеченныхъ наукахъ, т. е. люди не знающіе и не считающіеся съ законами природы.

Съ первымъ раздѣломъ Польши достались намъ въ наслѣдіе евреи и это оказалось нашимъ проклятіемъ. Вся безпристрастная исторія еврейства, на протяженіи теперь свыше 5.000 лѣтъ, говоритъ, что это народъ, неспособный къ государственной жизни, къ самостоятельному существованію, къ творческой дѣятельности и можетъ жить только за счетъ другихъ народовъ, т. е. быть ихъ паразитомъ.

Неумѣніе создать національное прочное государство (нѣкоторые правители царствовали по пяти дней) несмотря на выгодное географическое положеніе Палестины (Сеннаара), въ то время, какъ другіе, болѣе культурные народы, изъ зерна, меньшаго чѣмъ еврейство, создали міровыя державы (хетты, Ашшуръ, Бабъ-илу); постоянные взаимные раздоры; нетерпимость ихъ къ окружающимъ племенамъ; постоянные ихъ бунты противъ господствующихъ державъ—все это доказало неспособность евреевъ къ созданію самостоятельнаго государства и заставило Римъ разсѣять ихъ по лицу земли.

Ихъ измѣны только изъ матеріальныхъ выгодъ господствующимъ державамъ (измѣны Египту при Шабакѣ и Нехао, измѣна Ассиріи при Саракѣ, Персіи при Артаксерксѣ, Вавилону при Кирѣ, Риму при Веспасіанѣ, измѣны въ средніе вѣка Испаніи, Португаліи и Вестготскому королевству, при чемъ, изъ-за выгодъ, мѣняли и религію (Маймониды и Марраны), переходили въ христіанство, а черезъ 300 лѣтъ возвращались къ іудаизму—доказали какъ ненадежны евреи въ качествѣ подданныхъ какого-бы то ни было государства.

Неумѣніе и нежеланіе заниматься продуктивнымъ трудомъ (земледѣліемъ, обрабатывающей промышленностью) у себя въ Палестинѣ, въ Египтѣ, при Римской имперіи, по всѣмъ странамъ въ средній и новые вѣка (примѣръ Аргентина и Уганда, предоставленные было евреямъ для жительства, но бѣгство ихъ оттуда, ибо тамъ, чтобы жить и кормиться, нужно было обрабатывать землю, а жить за чей либо счетъ было нельзя, какъ въ странахъ хотя и плодородныхъ, но не заселенныхъ), доказали ихъ неспособность жить своимъ трудомъ.

Постоянные, за все теченіе исторіи, ихъ хитрость, ложь, пронырливость, торгашество, ростовщичество, обманы, обходы законовъ страны, въ которой живутъ; захватъ евреями богатствъ страны безъ труда, только посредствомъ вышесказанныхъ пріемовъ и экономическое порабощеніе ими коренныхъ жителей, — вызывали бунты, гоненія и изгнанія. Такъ было въ Египтѣ при Сезострисѣ, въ Персіи при Артаксерксѣ, Римской имперіи при Адріанѣ и Юстіанѣ, въ средніе вѣка въ Англіи, Франціи Германіи, Испаніи, Португаліи, въ арабскихъ владѣніяхъ сѣверной Африки; такъ было и продолжается въ государствахъ средней Азіи, Индіи, Китаѣ, гдѣ не было и нѣтъ мѣста религіозной нетерпимости къ евреямъ, на которую они такъ любятъ указывать, какъ на причину гоненій; исторія Карѳагена, Тира и Сидона,—все это доказало ихъ паразитную сущность. Оправданіе и восхваленіе самой религіей обмана, ростовщичества, измѣны, разврата и всѣхъ способовъ опутыванія и порабощенія гоевъ; догматовъ, изложенныхъ въ безпринципныхъ, безнравственныхъ твореніяхъ еврейскаго ума: Талмудахъ Вавилонскомъ, Іерусалимскомъ;—образованіе евреями тайныхъ обществъ, имѣющихъ личину просвѣтителей, а

въ дѣйствительности преслѣдующихъ цѣль порабощенія гоевъ; соединеніе и управленіе еврейства всего міра однимъ центральнымъ кагаломъ для скорѣйшаго подчиненія гоевъ—все это дѣлаетъ евреевъ презрѣнными, безнравственными въ глазахъ народовъ и въ то же время чрезвычайно опасными врагами всего человѣчества.

Тайныя засѣданія сіонистовъ въ Базелѣ въ девятнадцатомъ столѣтіи съ несомнѣнностью доказали, что еврейство стремится къ міродержавію и это стремленіе возведено у нихъ въ религіозный догматъ. Такое же стремленіе вытекаетъ и изъ познанія законовъ природы. Но путь, ведущій къ этому у евреевъ,—какъ народа паразитнаго,—это медленный, незамѣтный для одного поколѣнія, и подпольный захватъ всѣхъ естественныхъ источниковъ богатствъ и силъ другихъ народовъ и полное, въ концѣ концовъ, ихъ экономическое, слѣдовательно и физическое, порабощеніе. Путь же къ міродержавію у Арійскихъ народовъ—это открытое соревнованіе, открытая борьба; не порабощеніе покоренныхъ народовъ, а сліяніе съ ними, пріобщеніе ихъ къ своей культурѣ и совмѣстное шествіе, по пути развитія, къ совершенству. Еврей въ порабощенномъ видитъ только рабочаго скота и если скотъ ему больше не нуженъ или невыгоденъ, то онъ его безжалостно уничтожаетъ; еврей неспособенъ поднять свою мысль и сердце надъ плоскостью земли. Аріецъ же въ покоренномъ видитъ сотрудника, друга. Цѣль міродержавія евреевъ это физическое и земное только блаженство однихъ только евреевъ и полное угнетеніе всѣхъ другихъ народовъ. Цѣль міродержавія арійцевъ — совмѣстное и слитное съ покоренными народами стремленіе къ небесному: полному совершенству и безсмертію. Въ этомъ заключается непроходимая пропасть между благороднымъ арійцемъ и евреемъ.

Въ то же время за всю свою многотысячелѣтнюю исторію, еврейство не дало ни одного генія, который бы двинулъ человѣчество по пути культуры. Всѣ геніи были дѣтьми только Арійской расы.

Мы, русскіе, должны постоянно помнить, что наши капиталы, богатства, за триста лѣтъ совмѣстной жизни находятся уже въ большей части въ рукахъ евреевъ; чтобы убѣдиться въ этомъ,—стоитъ только пройтись по главнымъ улицамъ нашихъ столицъ, нашихъ городовъ, даже находящихся за чертой еврейской осѣдлости:—по Волгѣ, въ далекой Сибири и посмотрѣть: кто владѣетъ банками, биржами, лучшими домами, лучшими магазинами. Мы должны постоянно помнить, что вся почти печать наша повседневная и періодическая,—въ рукахъ евреевъ и они рисуютъ событія и факты такъ, какъ имъ выгодно, а не такъ,—какъ есть на самомъ дѣлѣ. Мы должны понять, что въ нашихъ школахъ, особенно въ высшихъ, вотъ уже около ста лѣтъ какъ евреи, благодаря попустительству власти, вытѣснили русскихъ учителей и стали воспитывать насъ въ духѣ неестественнаго космополитизма и равнодушія и пре-

зрѣнія ко всему русскэму (тогда-какъ для еврея—еврейское свято), съ единственною цѣлью расшатать основы государства. Мы должны помнить, что насъ очень быстро ведутъ по пути къ анархіи, развалу, обнищанію и самому ужасному изъ рабствъ, рабству экономическому.

VI.

В. Не находится ли Россія, какъ единая и сильная имперія, въ опасности?

О. Да, наше многострадальное отечество наканунѣ развала и паденія. Наши дѣти воспитываются въ отрицаніи и даже презрѣніи ко всему національному, въ незнаніи своей исторіи, своего отечества. Ядро націи—наше крестьянство—отупѣло и огрубѣло отъ нищеты, или умственной тьмы и впало въ безвѣріе, въ одичаніе нравовъ, разнузданность и воли.

Нашъ передовой классъ—дворянство—вырождается, потеряло вѣру предковъ, стало дрябло духомъ и тѣломъ, ибо будучи прежде оплотомъ родины и Престола, теперь ничѣмъ не проявляетъ себя въ дачѣ отпора многочисленнымъ нашимъ внутреннимъ врагамъ, а наша такъ называемая интеллигенція, будучи не просвѣщенной свѣтомъ истиннаго знанія, знанія велѣній Божіихъ, но ослѣпленной и одурманенной отбросами знанія—разными соціалистическими теоріями,—стала ничѣмъ инымъ, какъ источникомъ болѣзни Россіи; къ тому же она на три четверти своего состава инородческая, т. е. представляетъ собою враговъ нашихъ.

Наша печать, по сущности своей призванная служить истинѣ и просвѣщенію массъ, въ подавляющемъ большинствѣ—еврейская и энергично дѣйствуетъ въ сторону разложенія и броженія нашей родины, сдѣлавшись, въ своихъ цѣляхъ, лживой и разнузданной до безнравственности.

Наши богатства и промышленность въ рукахъ инородцевъ и иноземцевъ; наши земли уже наполовину принадлежатъ имъ же. Въ самомъ духовенствѣ нашемъ замѣчается безвѣріе.

Ахъ, у кого изъ русскихъ людей, понимающихъ дѣйствительность, не изболѣлась русская душа, не изболѣлось любящее родину сердце, видя кругомъ развалъ, паденіе святынь, угнетеніе насъ русскихъ и веденіе насъ къ ярму, дѣйствительно, самаго ужаснаго рабства—рабства экономическаго!

В. Въ чемъ же можетъ быть наше спасеніе?

О. Единственно: въ пробужденіи націонализма, въ пробужденіи любви къ родинѣ, въ объединеніи насъ русскихъ, и въ дѣйствительной, а не словесной только, между нами взаимопомощи, при единеніи съ верховной властью.

VII.

В. Какія мѣры могли бы возродить Россію, укрѣпить ее и направить на правильный путь?

О. Могутъ возродить, укрѣпить и направить:

1) Всеобщность начальнаго обученія; воспитаніе подрастающаго поколѣнія въ *вѣрѣ предковъ*, въ вѣрности завѣтамъ ихъ; въ сознательной дисциплинѣ, въ любви къ природѣ и родинѣ; въ знаніи законовъ природы, родной исторіи и родной страны, въ укрѣпленіи его тѣлесно при постоянномъ общеніи съ природою; въ ознакомленіи съ искусствомъ земледѣлія и ремеслъ.

2) Изгнаніе изъ русскихъ школъ *духа безвѣрія*, духа равнодушія къ родинѣ и космополитизма; изгнаніе учителей инородцевъ и учителей, зараженныхъ безвѣріемъ, космополитизмомъ и соціализмомъ...

3) Въ широкой проповѣди объединенія насъ русскихъ на началахъ націонализма (православіе, самодержавіе и народность).

4) Улучшеніе быта, расширеніе правъ и образованіе православнаго духовенства и *созывъ всероссійскаго церковнаго собора.*

5) Искорененіе изъ арміи и флота духа развала; укрѣпленіе сознанія долга и дисциплины; удаленіе изъ нихъ евреевъ и начальниковъ, не отвѣчающихъ своему назначенію, не понимающихъ основы долга: не служба и отечество для нихъ, а они для службы и отечества.

6) Преимущественное предоставленіе русскимъ правъ государственной службы и призваніе только русскихъ на высокія, отвѣтственныя должности.

7) Освобожденіе Россіи отъ иностранныхъ капиталовъ; освобожденіе русскихъ отъ экономической и политической зависимости отъ инородцевъ, ибо безъ силы и богатства нѣтъ государства.

8) Строгое преслѣдованіе лживой и безнравственной печати.

9) Безпощадное преслѣдованіе и искорененіе шаекъ соціалистовъ и анархистовъ, всякихъ тайныхъ и явныхъ союзовъ и обществъ, стремящихся расчленить и ослабить Россію.

Мы должны сказать врагамъ родины: «прочь!» Мы должны не забывать смерти за насъ великаго Царя нашего—Царя-Освободителя и великаго націоналиста нашего Столыпина и сказать убійцамъ: «кровь ихъ на васъ и на дѣтяхъ вашихъ и мы эту священную кровь взыщемъ».

VIII.

В. Имѣла-ли бы право Россія, при возрожденіи, расчитывать на міродержавіе?

О. Да, имѣла бы право, ибо стомилліонный русскій народъ даже безъ сліянія съ другими народами, есть богатѣйшій источникъ силъ духовныхъ, ибо наши земли и воды, при разумномъ использованіи, есть неизсякаемый источникъ силъ жизненныхъ. Наша тысячелѣтняя исторія свидѣтельствуетъ о способности русскаго народа къ образованію великаго царства. Имена князей Олега, Святослава, Дмитрія Донскаго, Ермака Тимоѳеевича,

Суворова и Скобелева,—стали безсмертны въ области славы и крѣпости духа. Имена: св. княгини Ольги, Ярослава Мудраго, Ивана Калиты, Ивана III-го, Сусанина, Козьмы Минина, Петра Великаго, Царя-Освободителя стали безсмертны въ области выполненія долга и государственнаго устройства. Имена: Пушкина, Тургенева, Гоголя, Достоевскаго, Толстого — стали безсмертны въ области литературы. Имена: Ломоносова, Лобачевскаго и особенно Менделѣева—стали міровыми и безсмертными въ области науки.

IX.

Заповѣди Русскаго.

I. Возлюби Родину-Русь больше себя, ибо она есть мать и кормилица предковъ твоихъ, тебя самого и ближнихъ твоихъ; ибо она для тебя есть путь къ совершенству.

II. Защищай не щадя жизни твоей единство, цѣлость, свободу и честь Руси, ибо она есть священное твое отечество, твоя милая родина; ибо она—это ты самъ.

III. Благоговѣйно чти и оберегай вѣру православную, самодержавіе царское и первородство народа русскаго, ибо три они создали Русь.

IV. Помни о любви къ брату твоему русскому и помогай ему; ты обязанъ помочь, ибо одной съ нимъ плоти, крови и духа.

V. Стремись всѣми силами твоими къ выполненію и примѣненію первородства русскихъ; власть и богатства Россіи должны принадлежать имъ.

VI. Будь нравственъ и не посягай на право и имущество брата твоего.

VII. Будь дисциплинированъ и соблюдай законы и правила русской власти.

VIII. Помни о врагахъ родины: противодѣйствуй имъ всѣми твоими помыслами и силами; не имѣй съ ними никакого дѣла и помни, что даже копѣйка, перешедшая отъ тебя къ врагамъ, усиливаетъ ихъ, ослабляетъ русскихъ и есть измѣна отечеству.

IX. Работай, трудись и учись; стремись къ познанію природы и окружающаго тебя міра и къ владычеству надъ нимъ.

X. Помни, что безъ единой верховной власти—нѣтъ единаго государства; безъ господствующей націи и національзма—нѣтъ крѣпкаго, недѣлимаго государства; безъ силы и богатства — нѣтъ господства; безъ борьбы—нѣтъ жизни.

Лѣвыя партіи въ рѣчахъ своихъ представителей.

Отношеніе къ Россіи и русскому народу.

Карѣевъ (профес. кадетъ). На фронтонѣ той Россіи, которая была для насъ подавляющею насъ субботою, были написаны совсѣмъ другія слова—не свобода, не равенство, не братство, а знаменитая формула: «самодержавіе, православіе и народность».

Говорятъ: «Россія для русскихъ».

Я думаю, что равноправіе всѣхъ національностей безусловно должно быть подчеркнуто съ особою силою и въ томъ адресѣ, который мы въ настоящее время вырабатываемъ.

Именно въ немъ есть слова, которыя, по моему мнѣнію, должны были бы быть замѣнены другими, я имѣю въ виду тѣ строки, гдѣ говорится о русской землѣ и о народѣ русскомъ; это старая привычка отождествлять Россію съ русскою землею. Въ Россіи, кромѣ русской земли, есть земля польская, латышская, эстская, грузинская и разныхъ другихъ національностей.

Моему сердцу было больно, когда я видѣлъ, что мои соотечественники въ этой странѣ (Польшѣ) стояли на точкѣ зрѣнія исключительности правъ русскаго народа надъ всѣми другими народами, которые населяютъ Россійскую Имперію.

Россія должна предоставить всѣмъ народамъ, ее населяющимъ, полную свободу своего національнаго самоопредѣленія.

Русскій языкъ, хотя и языкъ значительной части населенія, долженъ занимать въ нашемъ отечествѣ то же самое мѣсто, которое, напримѣръ, въ Венгріи занималъ когда-то языкъ латинскій. Это вопросъ удобства. Только въ этомъ смыслѣ я понимаю значеніе русскаго языка.

Я желалъ бы, чтобы въ нашемъ адресѣ слова: «земля русская» и «русскій народъ» были замѣнены какимъ нибудь болѣе подходящимъ къ данному случаю выраженіемъ: «весь народъ, населяющій Россійскую Имперію»...

(1 Г. Д. Засѣд. 3 мая 1906 года).

Далѣе онъ же сказалъ:

Именно, мы пришли къ такому выводу, что гораздо лучше будетъ не употреблять выраженія «русская земля», потому что территорія (земля) Россійской Имперіи не принадлежитъ исключительно только русской національности и, слѣдовательно, мы эту территорію русскою землею назвать не можемъ.

Что же касается до другой замѣны выраженія «русскій народъ» словомъ «весь народъ», я лично противъ этого ничего, само собою разумѣется, не имѣю.

(1 Г. Д. Засѣданіе 3 мая 1906 г.).

Родичевъ (кадетъ). Наше сегодняшнее постановленіе можетъ имѣть только одно значеніе: какъ можно скорѣе, положить конецъ неравенству въ Россіи, положить начало дѣйствительному созданію націи, потому что до сихъ поръ, господа, понятіе «русскій народъ»—бумажное понятіе. Русской націи нѣтъ.

(1 Г. Д. Засѣданіе 5 іюня 1906 г.).

Котляревскій (кадетъ). Я думаю, въ теченіе нѣкотораго времени Дума, независимо отъ сего, приступитъ къ выработкѣ законопроекта о равенствѣ языковъ, о томъ, что всякая національность, живущая въ Россійской Имперіи, равноправна на употребленіе своего языка.

(1 Г. Д. Засѣданіе 16 іюня 1906 г.).

Петрункевичъ (кадетъ). Утрачено въ настоящее время право сказать: «Я патріотъ», потому что съ этимъ словомъ связано нѣчто отвратительное.

(1-я Г. Д. Засѣд. 23 мая 1906 г.).

Отношеніе къ Царю.

Баронъ Роопъ (польскій епископъ). Вся Дума здѣсь хочетъ быть законодательнымъ учрежденіемъ,—вся Дума вслѣдствіе этого хотѣла бы также подчеркнуть, что титулъ, который присвоенъ Его Императорскому Величеству—Самодержца Всероссійскаго, что этотъ титулъ, какъ бы историческое воспоминаніе, титулъ, возносящій Его высоко, но титулъ, не имѣющій, собственно, дѣйствительной почвы.

(1 Г. Д. Засѣд. 19 мая 1906 г.).

Гегечкори. Вторая Дума, при отсутствіи поддержки со стороны общественныхъ силъ, должна была думать о томъ, сумѣетъ ли она погибнуть съ достоинствомъ, нанеся послѣдній ударъ врагу и завершая традиціи непримиримой борьбы съ самодержавною властью, или нѣтъ.

Кто слѣдилъ за перипетіями борьбы второй Думы съ самодержавною властью, кто наблюдалъ за послѣдними моментами борьбы остатковъ революціонной арміи, въ лицѣ народнаго представительства второй Г. Думы, съ обнаглѣвшею реакціею, тотъ долженъ припомнить, съ какою послѣ-

довательностью и методичностью, шагъ за шагомъ, правительство, въ союзѣ съ правыми депутатами, подготовляло ударъ второй Государств. Думѣ...

(3-я Г. Д. Засѣд. 23 ноябр. 1911 г.).

Отношеніе къ Церкви.

Рамишвили. Въ церкви, господа полицейскіе въ рясахъ, называемые намѣстниками Христа. Эти господа, въ роли шпіоновъ и провокаторовъ, не стѣсняются произносить въ церкви проповѣди за смертную казнь, за погромы.

(1 Г. Дума. Засѣд. 24 іюня 1906 г.).

Киселевъ. Мы никогда не забудемъ васъ, духовенство, мы знаемъ, что вы не только умѣете пасти и стричь, но и шкуру спускать умѣете.

Довольно, господа пастыри. Было время, когда мы слушали вашъ голосъ, когда шли за вами, но вы насъ завели въ такую пропасть, въ такую пустыню, откуда нѣтъ другого выхода, какъ только съ голоду умирать или прогнать этихъ пастырей, да самимъ идти на вольный просторъ свободной жизни человѣчества.

(2-я Г. Дума Засѣд. 12 апр. 1907 г.).

Отношеніе къ арміи.

Харламовъ (прогрессистъ). Для казака его область—это былъ особый міръ, что—моя страна: я здѣсь дома, говорилъ казакъ, а тамъ—это Россія, тамъ все чужое ему, и онъ не считалъ себя связаннымъ съ нею.

(1 Госуд. Дума, Засѣд. 2 іюня 1906 г.).

Аладьинъ (трудовикъ). Казаки гарцовали передъ населеніемъ, отъ времени до времени награждая ударами шашекъ женщинъ и дѣтей. А есаулъ ихъ, чтобы еще больше произвести впечатлѣніе на крестьянъ, рисуетъ картину, какъ будетъ изящно и художественно, если деревню зажечь съ четырехъ сторонъ.

(1-я Госуд. Дума. Засѣд. 8 іюня 1906 г.).

Томиловъ (трудовикъ). А, вѣдь, офицерское званіе у насъ какимъ почетомъ пользуется; я скажу, что низкаго разбора почетъ этотъ...

(3-я Гос. Дума. Засѣд. 2 декабря 1911 г.).

Войлошниковъ (трудовикъ). Такая полицейская армія, которая защищаетъ интересы только одного государственнаго класса, всегда способна будетъ открыть и дѣлать границы государства прикосновенными и незащищенными. И на эту полицейскую армію непроизводительно тратятся многія сотни милліоновъ изъ народнаго сундука.

(3-я Гос. Дума. Засѣд. 2 декабря 1911 г.).

Отношеніе къ собственности.

Протопоповъ (кадетъ). Мнѣ кажется, что включить въ нашъ адресъ начала принудительнаго отчужденія частновладѣльческихъ земель было не-

обходимо по ряду чрезвычайно важныхъ соображеній. Это именно краткое упоминаніе о принудительномъ отчужденіи частновладѣльческихъ земель. Это соотвѣтствуетъ нашей программѣ, программѣ партіи народной свободы.

(1 Г. Д. Засѣд. 3 мая 1906 г.).

Набоковъ (кадетъ). Гос. Дума не исполнитъ своего долга, если она не издастъ закона для удовлетворенія земельной потребности... путемъ обращенія на этотъ предметъ земель казенныхъ, удѣльныхъ, кабинетскихъ, монастырскихъ и принудительнаго отчужденія земель частновладѣльческихъ.

(1 Г. Д. Засѣд. 4 мая 1906 г.).

Герценштейнъ (кадетъ). Чего же вы теперь ожидаете? Нельзя теперь предлагать мѣры, разсчитанныя на продолжительный срокъ, необходима экстренная мѣра, а принудительное отчужденіе и есть экстренная мѣра. Мы переживаемъ такое время, когда надо дѣйствовать не медленнымъ путемъ, а чрезвычайно энергично.

(1 Госуд. Дума. Засѣд. 10 мая 1906 г.).

Кукановъ (трудовикъ). Земля, какъ у помѣщиковъ, такъ и у другихъ собственниковъ, крупныхъ и мелкихъ, должна отчуждаться безплатно.

(1 Госуд. Дума Засѣд. 30 мая 1906 г.).

Сонгайло. Мы видимъ, что трудовая группа говоритъ прямо: «дайте, а то мы пойдемъ и сами возьмемъ землю».

(1 Госуд. Дума. Засѣд. 5 іюня 1906 г.).

Ерегиновъ. Пришло время освободить землю—освободятъ и ее, во чтобы то ни стало; придетъ время капиталы предоставить въ общественную собственность—и это будетъ.

(2 Г. Д. Засѣд. 29 мар. 1907 г.).

Призывъ къ бунту.

Набоковъ (кадетъ).

Мы должны сообщить во всѣ суды, чтобы они нашими постановленіями руководствовались. Здѣсь говорилось, что мы предлагаемъ революцію, а страна ждетъ закона, но мы Дума—должны идти въ этомъ отношеніи революціоннымъ путемъ, потому что Дума есть этапъ революціи.

(1-я Гос. Дума. Засѣд. 26 мая 1906 г.).

Аладьинъ. Когда народъ вышелъ на улицу и дерется,—мѣсто народныхъ представителей или, по крайней мѣрѣ, ихъ делегатовъ быть съ народомъ немедленно.

Не забудьте, уже наступило время, когда оружіе арміи склоняется передъ народными представителями. 450 человѣкъ—только, не больше; но за то всѣмъ, кто только причастенъ къ министерству, если мы падемъ, русскій народъ не позволитъ, чтобы они жили послѣ насъ. Пусть запомнятъ это министры.

(1-я Г. Дума. Засѣд. 2 іюня 1906 г.).

Аладьинъ. Я обращаюсь къ тѣмъ, у кого есть еще время, хоть на одинъ моментъ, понять, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло и съ кѣмъ они встрѣтились лицомъ къ лицу. За нами страна; и городъ, и деревня стоятъ за нами и пойдутъ за нами. Наши братья въ тюрьмахъ, въ ссылкѣ, на каторгѣ могутъ быть увѣрены, что мы сами возьмемъ ихъ оттуда, а если нѣтъ...

(1 Г. Д. Засѣд. 29 апр. 1906 г.).

Щепкинъ (кадетъ). Мы просимъ амнистіи прежде всего потому, что мы не считаемъ больше, такъ называемыхъ, политическихъ преступниковъ преступниками. Ихъ обвиняли въ томъ, что они стремились къ ниспроверженію существующаго строя, что они призывали, быть можетъ, къ вооруженному возстанію противъ этого строя. Мы не можемъ признать политическими преступниками въ строгомъ смыслѣ слова людей, которые боролись противъ строя, уже ниспровергнутаго фактически. Мы идемъ своимъ особеннымъ самобытнымъ путемъ постепеннаго развитія, путемъ эволюціоннымъ, но даже съ этими, такъ называемыми, революціонными партіями мы связаны нравственное солидарностью.

(1 Г. Д. Засѣд. 30 апр. 1906 г.).

Гредескулъ (кадетъ). Конфликтъ неизбѣженъ, если амнистія не будетъ дана. Какая же у насъ санкція нашего требованія? Позвольте: вѣдь, у насъ нѣтъ готовой арміи, организованныхъ физическихъ силъ, которыя мы могли бы двинуть въ случаѣ отказа. Но за насъ стоитъ народъ, весь народъ. Это ясно и понятно. Этотъ народъ, если наши требованія не будутъ исполнены, добьется исполненія этихъ требованій.

«Положеніе таково, что народъ долженъ или этого добиться, или погибнуть. Конечно, если дѣло дойдетъ до такой крайности, что придется обѣимъ сторонамъ помѣриться физическими силами.

(1 Г. Д. Засѣд. 30 апр. 1906 г.).

Изъ приведенныхъ рѣчей видно, что представители кадетской партіи требовали уничтоженія даже названія «русская земля», «русскій народъ», такъ какъ «такого народа нѣтъ» (проф. Карѣевъ, Родичевъ), говорили, что русскій патріотизмъ есть нѣчто «отвратительное» (Петрункевичъ). Кадеты прямо заявляли о своей солидарности съ подготовляющими народный бунтъ партіями (Гредескулъ, Щепкинъ) и требовали немедленнаго принудительнаго отнятія земель не только казенныхъ и церковныхъ, но и у частныхъ владѣльцевъ.